

V-146 1900

НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

ГОВОРЫ
КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Административно-территориальное деление
Вологодской области (2000 г.)
(<http://www.booksite.ru/fulltext/red/book/3.htm>)

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКТ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»
ВОЛОГОДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

**ГОВОРЫ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ВОЛОГДА
2014**

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2–67
Н 28–30

Печатается по распоряжению и.о. ректора ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет» доц. Т.А. Пояровой и при финансовой поддержке Вологодского областного отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» в соответствии с условиями договора № Б-68-2013 от 20.06.2013 на организацию диалектологических экспедиций по проекту «Народная речь Вологодского края».

Рецензент: О.Н. Крылова, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Словарного отдела
Института лингвистических исследований РАН

Н 28   Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области: монография / С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчёва, Е.Н. Ильина, Н.Г. Михова; научн. ред. – Е.Н. Ильина; Министерство образования и науки РФ; Волог. гос. пед. ун-т; ВОО РГО. – Вологда: Легия, 2014. – 160 с.
ISBN 978-5-89791-128-8

В монографии характеризуются лингвистические особенности современных белозерско-бежецких говоров, представленных на территории Кирилловского района Вологодской области. Материалом для наблюдений послужили образцы звучащей речи, зафиксированные в ходе диалектологических экспедиций 1988–2013 гг. Исследование может быть адресовано специалистам-диалектологам, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся особенностями народной речи на Русском Севере.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2–67

ISBN 978-5-89791-128-8

© ВОО РГО, 2014
© ВГПИУ: С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчёва,
Е.Н. Ильина, Н.Г. Михова, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Говоры Кирилловского района Вологодской области	7
§ 1. История заселения Белозерского края и формирование диалекта (<i>Н.Г. Михова</i>).....	7
§ 2. Говоры Кирилловского района Вологодской области в контексте лингвистического описания севернорусских диа- лектов (<i>С.А. Ганичева, Н.Г. Михова, Е.Н. Ильина</i>)	16
§ 3. Фонетические особенности живой речи жителей Кирил- ловского района Вологодской области (<i>Н.Г. Михова</i>)	31
§ 4. Природа глазами жителя Кирилловского района (на ма- териале лексики говоров) (<i>С.А. Ганичева</i>).....	52
§ 5. Наблюдения над особенностями диалектного словообра- зования в говорах Кирилловского района (<i>Е.Н. Ильина</i>)	65
Глава 2. Речевой портрет жителя Кирилловского района Вологодской области	75
§ 1. Анна Алексеевна Шаброва (<i>Е.Н. Ильина</i>)	75
§ 2. Аполлинария Виссарионовна Харитоновна (<i>Е.Н. Ильина</i>).....	99
§ 3. Нина Арсентьевна Исакова (<i>Ю.Н. Драчёва</i>)	118
§ 4. Николай Павлович Шабров (<i>С.А. Ганичева</i>)	145
Заключение	155
Список литературы	157

ВВЕДЕНИЕ

Исследование лингвистической специфики говоров Вологодской области имеет давние традиции и представлено в истории русской диалектологии именами фонетистов О. Брока и Л.Л. Касаткина, лексикологов Ю.И. Чайкиной и Т.Г. Паникаровской, исследователей грамматики говоров С.П. Обнорского и Л.Г. Яцкевич, специалистов в области народной речевой культуры В.И. Трубинского и Л.Ю. Зориной, создателей диалектных словарей М.К. Герасимова и П.А. Дилакторского, а также многих других ученых. Основу их наблюдений составили записи народной речи, начало которым положил первый в России диалектный «Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом» (1757). Уже более двухсот лет ведутся подобные записи: со временем менялась форма фиксации диалектного материала, но по-прежнему внимательным и бережным остается отношение диалектологов к фактам звучащей речи.

Во второй половине XX века усилиями ученых различных научных центров России и, прежде всего, Вологодского государственного педагогического университета и Череповецкого государственного университета был собран весьма значительный объем записей народной речи. Контекстуальные иллюстрации диалектных слов представлены в «Словаре вологодских говоров» (1983–2007). Ответы на вопросы «Лексического атласа русских народных говоров» легли в основу его карт и комментариев к ним. Материалы бесед с информантами – жителями различных районов Вологодской области – составили лингвистическую базу многих диссертационных исследований. При этом образцы звучащей речи не вполне доступны заинтересованному слушателю – лингвисту, учителю-краеведу, специалисту в области региональной культуры. Это обстоятельство определило актуальность изданий серии «Народная речь Вологодского края», публикуемых при поддержке Вологодского регионального отделения Русского географического общества.

Первый опыт подобного рода издания состоялся в 2012 году. Книга включала в себя пять речевых портретов носителей вологодских говоров, жителей восточных районов Вологодской области: Между-

реченского, Усть-Кубинского, Тарногского, Тотемского, Бабушкинского. Фрагменты народной речи, представленные в книге, весьма интересны в жанровом и тематическом отношении: это и мемуарная проза, посвящённая судьбам своего поколения и родной деревни, это и записи народных частушек, и примеры бытовой речи, иллюстрирующие крестьянское отношение к труду, к природе и к обществу. Кроме того, комментарии к каждому из разделов решают серьёзные лингвистические задачи. Это реконструкция региональной системы русского речевого этикета, анализ региональных особенностей мемуарной прозы, исследование диалектной языковой картины мира вологодского крестьянина посредством описания отдельных трудовых ситуаций, выявление универсально-жанровых и локальных особенностей бытования фольклорных текстов, комплексное описание диалектной языковой личности.

Движение от звучащей речи через комментарий к решению научных задач позволило выявить и описать наиболее интересные явления, иллюстрируемые информантами. Но это определило некоторую эклектичность работы, отсутствие в ней базовой лингвистической информации, которая могла бы послужить основой для многоаспектного анализа диалектной речи. В связи с этим в настоящем издании мы сосредоточили свое внимание на говорах одного административного района, рассмотрев их локальные особенности с точки зрения фонетики, лексики и грамматики. Материал для данного исследования собирався в Кирилловском районе Вологодской области специалистами из Вологды и Череповца в ходе диалектологических экспедиций 1988–2013 гг.

Монография «Народная речь Вологодского края», посвященная говорам Кирилловского района, включает в себя две главы. Первая из них рассказывает об истории заселения края, содержит информацию о специфике кирилловских говоров в контексте диалектного членения русского языка, включает в себя очерки фонетики, лексикологии и грамматики изучаемых говоров. Во второй главе представлены речевые портреты уроженцев Кирилловского района Вологодской области. Это люди различного возраста и уровня образования: рабочая рыболовецкой артели, сельская учительница, работница горно-металлургического комбината из Мончегорска, командир воздушного судна из Вологды. Их объединяет то, что все они в той или иной мере сохранили в своей речи черты белозерско-бежецких говоров, а также то, что они хорошо знакомы с бытовой и духовной культурой родного края.

Авторский коллектив проекта «Народная речь Вологодского края» выражает признательность рецензенту монографии – старшему научному сотруднику Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН, кандидату филологических наук Ольге Николаевне Крыловой за важные замечания и пожелания, высказанные в процессе знакомства с рукописью. Мы благодарим за участие в судьбе проекта Вологодский государственный педагогический университет и благодарим за финансовую поддержку Вологодское областное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», а также депутата Государственной Думы Российской Федерации, Председателя Попечительского Совета Вологодского областного отделения Русского географического общества Вячеслава Евгеньевича Позгалева.

ГЛАВА 1

ГОВОРЫ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Говоры Кирилловского района Вологодской области находятся на территории древнего Белозерья. В первой главе нашего исследования рассматривается история заселения этой территории славянами, комментируются особенности формирования местного говора, его место в диалектном членении русского языка, а также особенности изучения локальной специфики местной речи в истории русской диалектологии.

§ 1. История заселения Белозерского края и формирование диалекта

1.1. Основные этапы формирования Верхней Руси

До IV – V века н.э. территория северо-запада России была заселена неславянскими народами. Об этом свидетельствует смешанный характер памятников дьяковской культуры. В памятниках письменности упоминается о финно-угорских племёнах (чудь, весь, меря, мордва), населявших данную территорию. Исследователь Ю.А. Лимонов говорит о том, что летописи выполняли функцию географических атласов. Монахи – создатели летописей – имели достаточно чёткое представление о расположении государств. Следовательно, летописцы давали комментарий описываемым событиям и народам. Историк отмечает, что «наиболее известны были владимирскому летописцу названия, связанные с угро-финскими народностями. Они употребляют-ся даже чаще, чем название «немцы» [Лимонов, 1987: 178].

На территории, окружённой озёрами (Ладожским, Онежским, Белым и Ильменем), проживало племя *весь*. Именно с ним столкнулись славяне в процессе расселения в районе Белоозера. Мнения историков расходятся в вопросе о датировке этих событий. Некоторые исследователи (Макаров Н.А.) считают, что этот процесс начался не ранее VIII века и продолжался до X столетия. Другие (А.Н. Башенькин) полагают на основании археологических источников, что «время первоначального появления славян в Белозерье следует относить <...> ко второй половине V – началу VI в. н.э.» [Башенькин, 1992: 16]. Согласно его точке зрения, первыми славянскими поселенцами на данной

территории были кривичи, пришедшие со стороны юго-запада с территорий новгородских земель.

Первоначально отдельные общины поселенцев – славян – создавали «чересполосицу» поселений с местным населением в наиболее освоенных областях. Это позволило очень быстро образовать единую общность, говорившую на славянском и финно-угорском языках и имевшую общую культуру. Впоследствии это сыграло большую роль в процессе ассимиляции (славянизации) народов, или внутренней колонизации, которая проходила параллельно процессу принятия христианства.

Следует отметить, что достаточно редко древнерусские поселения развивались на основе прежних финских памятников. Складывание древнерусской народности, государственности и культуры – это сложный процесс взаимодействия местного, финно-угорского, и пришлого, смешанного в этническом отношении, населения. В период IX – X вв. этносоциальные границы изменяются под влиянием политического фактора.

С середины X века местное финно-угорское население начинает принимать активное участие в процессе формирования древнерусской народности. Только во второй половине XI века начинается переселение крестьян – земледельцев в массовом порядке на территории финно-угорских земель для дальнейшего их освоения. В это время основное движение колонизации идёт с юго-запада. Цель этого процесса – политическая. Каждый князь стремился к полному закреплению территории, оформлению чётких границ своего княжества.

Историки В.П. Глазов, Е.А. Рябинин, А.Е. Леонтьев сходятся во мнении о том, что «в материалах западного региона ощутимо присутствие выходцев из северных и северо-восточных районов Новгородской земли, где проживало в XII – XIII вв. смешанное славяно-финское население. В центральной группе фиксируется присутствие выходцев из центральных, «низовских» районной Ростово-Суздальской земли при явных ещё следах новгородского присутствия» [Седых, 2001: 432].

Культурно-этническое единство русичей не исключало различий в регионах, где проходила граница поселений русских и других народов. Отличия были разными по своему характеру и восходили к дофеодальному или раннефеодальному этапам истории. Это подтверждают археологические находки, которые свидетельствуют о том, что среди племён восточных славян были различия как в сфере материальной, так и духовной культуры. Данные особенности возникали при взаи-

модействии славян с местным населением, в процессе освоения русскими новых земель и вливании других народов в единое государство.

IX – X вв. – период формирования историко-географической общности, называемой Верхней Русью. Термин «Верхняя Русь» выделяется исследователями на основе летописных данных и определяется как «Русь Рюрика». В памятниках письменности достаточно чётко зафиксированы её границы и основные центры: от первоначального объединения со столицей в Ладоге и затем стабилизацией политического пространства в Новгороде. Границы доходили до Изборска и Белозерска, а при дальнейшем расширении на западе до Полоцка, на востоке – до Ростова Великого.

Исследователь Г.С. Лебедев отмечает: «Внутренняя целостность этого пространства прослеживается и в объединённом древнерусском государстве. Во всяком случае, политические тенденции, проявившиеся при Рюрике (862–879), получили непосредственное продолжение и окончательное закрепление в 1020 – 1030 гг. с основанием Ярославом Мудрым двух новых, пограничных городов Верхней Руси – Ярославля на Волге и Юрьева (Дерпт, Тарту) в западном Причудье» [Лебедев, 2001: 31].

Русь Рюрика – это зона раннего и стабильного взаимодействия славян с финскими племенами и варягами (скандинавами). Финно-скандинавское взаимодействие предшествовало включению славян в этнические и культурные процессы историко-культурной зоны этой территории. Процесс аккультурации народов, прежде всего, отразился на языке. Например, известный советский диалектолог Р.И. Аванесов говорит о том, что одним из результатов смешения языков в период колонизации славянами новых территорий стало усвоение цоканья. Под «цоканьем» понимают неразличение аффрикат <ч> и <ч> при произношении мягкого [ч']. По его мнению, именно слияние славян и финно-угров привело к возникновению данного языкового явления. Необходимо отметить, что возникающие диалектные особенности затрагивали в большей мере фонетический и лексический уровень языка. Однако, несмотря на появление диалектных особенностей, общий строй языка сохранялся.

Археологические данные позволяют представить период (не менее века), о котором не сохранилось письменных сведений. В это время историко-культурная зона, обозначенная как «Русь Рюрика», развивается в процессе взаимодействия славян, финно-угров, скандинавов. Этот процесс периода VIII – IX вв. историки прослеживают по материалам памятников, курганов, сопок, городищ (их соотношению и

локализации). В течение IX – XII веков и последующих столетий процесс ассимиляции народов будет продолжаться и найдёт своё отражение в развитии новых археологических культур.

Исследователями отмечается, что активность внешней политики государства того времени проявилась в отношении к привозным товарам. Археологические находки свидетельствуют, что скандинавский «импорт» VI – XI вв. (украшения, оружие, технологии ремёсел, погребальные обряды), а также арабское серебро, поступавшее из Халифата в обмен на пушнину, имело широкое распространение.

В середине X века Русь Рюрика представляет особый этап. Данная историко-географическая общность послужила основой для формирования Новгородской земли XI – XV вв. и объединила изначальные земли расселения славян и финно-угорских племён. По материалам Повести временных лет северный союз племён занимает обширную территорию и «выступает ареной первых славяно-финско-скандинавских контактов середины IX в. (варяжская дань, изгнание варягов, призвание варяжских князей)» [Лебедев, 2001: 31].

Г.С. Лебедев говорит о том, что в период с 862 года данное историко-географическое пространство является цельным политическим образованием, во главе которого стоит князь Рюрик и его ближайшее окружение. Во второй половине X столетия эта архаическая целостность исчезает: происходит самостоятельное развитие периферийных областей, формируются первоначальные государственные территории Новгородской, Псковской, Смоленско-Полоцкой и Ростово-Суздальской земель, оформляются племенные территории финских народностей. Следовательно, изначально территория Верхней Руси полностью охватывала зону взаимодействия восточных славян и финнов.

Весь на равных правах со словенами входит в военный союз, когда в Белоозере стал править брат Рюрика – князь Синеус. В X–XI веках финно-угорское племя вместе со словенами высылает своих колонистов на восток. Археологические находки позволяют говорить о последовательной славянизации, о сложении традиций общерусской ранней городской культуры. Исследования сопок и погребений, а также другие археологические находки позволяют проследить распространение славянского пашенного земледелия и древнерусской государственности в пределах формирующейся Верхней Руси.

Летописные данные дают возможность отметить определённую последовательность вовлечения в политическое единство основных центров: 862 – 864 – Ладога, затем Изборск, с 862 г. Белоозеро, 864 г. – Новгород, Ростов, Муром, после 864 г. Полоцк, 882 г. – Смоленск,

907 г. – Псков, Витебск, Юрьев, до 1030 г. Ярославль. Основу Руси Рюрика составляют земли современной Ленинградской, Новгородской, Псковской областей Российской Федерации, поскольку здесь сохранились черты внутрорегионального членения, зафиксированные в летописях.

Историки рассматривают регион Верхней Руси как «макройКЗ» (ИКЗ – историко-культурная зона), в структуре которой можно выделить соподчинённые единицы, имеющие основной центр и соответствующий ему субрегион. Таким образом, выстраивается определённая иерархическая структура всей системы историко-культурных зон.

В научной литературе выдвинута гипотеза о том, что «создатели сопков IX – X вв., вероятно, как и их непосредственные предшественники, а видимо, и представители первой (условно, досопочной, любчанской) волны словен, распространяли в лесной зоне новый тип хозяйства, основанный на широком использовании пашенного земледелия с эксплуатацией пойменных почв и лугов, комплексным дополнением земледельческого уклада – скотоводством, промыслами и ремеслом, быстро развивающейся торговлей» [Лебедев, 2001: 41]. Тип хозяйства определил специфику и последовательность славянских поселений на северных землях.

Вероятно, что некоторые процессы межкультурного взаимодействия на территории Вологодской области проявились в более ранних и ярких формах, чем в соседних западных областях. Г.С. Лебедев отмечает: «Русь Синеуса, где союзниками словен и варягов выступает летописная весь, объединившаяся под властью легендарного соправителя ладожско – новгородского князя, вслед за Русью Трувора на Псковщине выступает реальной составляющей Руси Рюрика. Стоит особо отметить, что финноязычный этнокультурный массив, сложившийся в этой историко-культурной зоне, сохраняется в наши дни как народ вепсов» [Лебедев, 2001: 46].

Исследователи сходятся во мнении о том, что «Верхняя Русь в целом – это следствие многовекового процесса этнической дифференциации, интеграции, взаимодействия всех основных компонентов Северной Европы, северных индоевропейцев и финно-угров, саамов, финнов и балтов, скандинавов и славян. Уникальность региона в европейской истории, континентальное значение протекавших здесь процессов определяются именно этим, тысячелетним взаимодействием» [Лебедев, 2001: 52].

1.2. Соперничество Ростово-Суздальского и Новгородского княжеств. Заселение Белоозера

В начале XII века на северо-востоке Руси происходит интенсивное развитие ремесла, торговли, активная колонизация земель ростово-суздальцами и новгородцами, сопровождавшаяся строительством городов. Возведение новых валов было связано с проблемами внутренней и внешней политики. Торговые связи, освоение новых территорий, расселение народа, а также угрозы со стороны соседей – всё это требовало укрепления государственности на Ростово-Суздальской земле. Ю.А. Лимонов отмечает: «Накануне похода волжских болгар в 1107 году были укреплены населённые пункты страны. Создавались валы и около Суздаля» [Лимонов, 1987: 20]. Историк приводит в качестве аргумента текст новгородской летописи, в которой описывается набег киевского князя в пределы Ростовского княжества. «Тои же зиме Изяслав Новугороду, сын Мьстиславль, ис Кыева, идее на Гюргя Ростову с новгородьци; и мьного воеваша людье Гюргево, и по Волзе възьша 6 городок, Оли до Ярославля полустиша, а голов възьша 7000, и воротишася роспутия деля» [Лимонов, 1987: 24].

Суздальское княжество в это время занимало обширную территорию: междуречье Оки и Волги, земли от Белого озера и далее по Шексне до Волги. Торгово-экономические связи были не только с соседями, но и с Европой, а по Волге – с Каспием, Средней Азией и Византией. Успешная торговля была одной из причин соперничества соседских областей. Каждая правящая верхушка стремилась заполнить «доходное место». Поэтому, несмотря на тесные торговые связи, Новгород являлся постоянным врагом Ростова. Желание князей расширить свои владения за счёт чужих территорий приводило к военным действиям. Исследователи отмечают, что «... угроза со стороны Новгорода на протяжении первой половины XII века была постоянной» [Лимонов, 1987: 24].

С сороковых годов XII века ростовские рати практикуют следующую военную тактику – набеги на пограничные территории Новгородского княжества. Новгород, со своей стороны, стремился расширить свои владения и укрепить власть на местах, поэтому не скрывал своего враждебного настроения и при любой возможности выступал против Ростова. Историки, реконструируя картину прошлого, приводят фрагменты текстов письменных памятников, которые рассказывают о княжеских распрях. В 1147 году «Иде Гюрги воевать Новгорочкои волости, и пришед взя Новьи Торг и Мьсту всю взял» [Лимонов, 1987: 24].

Освоению свободных земель способствовало создание монастырей. Отмечено, что в период XII – XIII вв. было основано сорок восемь монастырей на территории Суздальской земли. Они располагались как в центральных городах, так и на периферии. Цели строительства были политические – отметить рубежи владений и распространить христианство (а также местную власть) на периферии. Княжеским повелением целые потоки крестьян и ремесленников направляются на север для освоения новых территорий.

Белозерский край был заселён сравнительно поздно. Освоение славянскими переселенцами данной территории проходило неравномерно. В X веке на данной территории живут славяне новгородские, о чём свидетельствуют ранние политические связи Белоозера и Новгорода. Исследователь Л.А. Голубева говорит о том, что в освоении этих земель участвовали и кривичи. В дальнейшем, после включения Белоозера в состав Ростово-Суздальского княжества, кривичское население будет преобладающим.

А.В. Насонов считает, что Белоозеро могло войти в непосредственное подчинение Ростову в первой половине XI века. Учёный говорит о том, что значительную роль в этом сыграла деятельность Ярослава, правившего в конце X – начале XI века в Ростове. В 1024 году князь Ярослав приезжает из Новгорода для усмирения восстания волхвов в Суздальской земле и «устави землю ту» [Насонов, 1961: 178]. Возможно, Ярослав устанавливал здесь свои погосты и дани.

В конце XI в. территория Ростово-Суздальской земли «... охватывала Поволжье от устья Которосли до устья Медведицы и тянулась по Шексне до Белоозера» [Насонов, 1961: 180]. В первую очередь люди заселяли речные долины, удобные для земледелия и скотоводства, осваивали волоки, ведущие с Шексны в систему Северной Двины и Белого моря. Движение славян на Белоозеро носило народный, крестьянский характер. Об этом свидетельствует облик поселений, не имевших земляных укреплений. Свободных земель было достаточно, поэтому ряд славянских поселений XI – XII вв. возник в долине.

Процесс хозяйственного освоения края сопровождался расширением границ феодальных владений – сначала из Новгорода, затем из Киева. Уже к концу XI столетия процесс развития феодальных отношений в крае привёл к значительному социальному расслоению, усилилось давление на местное, финно-угорское, население. Со второй половины XII века распространяется влияние ростовских князей на Заволочье, где они встречаются с новгородцами, издавна приходивших в эти места. Ростовские полки перехватывали в Белозерье новго-

родские отряды, ходившие на Двину. Историки приводят данные летописи 1169 г. об ожесточённой битве между ростовцами и новгородцами за власть на территории Белоозера [Голубева, 1973: 195].

Д.К. Зеленин в работе «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» отмечает: «Въ истории колонизации Вологодскаго края русскими безспорны два различных течения: Новгородское и Суздальско-Ростовское. Первое преобладало на сѣвѣре, второе – на югѣ» [Зеленин, 1913: 436]. Новгородцы приходят на территорию нашей области по реке Ваге из Заволочья. Двигаясь по водному пути с севера на юг, они заселили бассейн реки Кокшеньги (Тотемский район). Другой путь новгородцев проходил по Двине к югу. Ссылаясь на заметки историков, Д.К. Зеленин говорит о том, что здесь находились главные новгородские колонии. Города Сольвычегодск и Лальск населены, по народным преданиям и мнению местных исследователей, новгородцами, бежавшими сюда во время разгромов Новгорода Иваном III и Иваном IV.

Автор приводит гипотезу историка В. Попова о том, что Ростовские князья, имея право на небольшую территорию, объявляли своими исконными владениями и соседние районы. Москва, к которой в дальнейшем примкнули ростовцы, воспользовалась этими «правами», чтобы предъявить свои требования Новгороду. В основе лежали политические мотивы: московские князья стремились завладеть богатой Двинской областью и затем присоединить остальные новгородские земли. Историки отмечают, что территория Белозерья была причиной спора Ростова (а затем и Москвы) и Новгорода. Наблюдалось политическое влияние той или другой стороны, а преобладающим населением на этой территории было финно-угорское племя *весь*.

Современные исследователи говорят о том, что «движение с Северо-Запада, видимо, осуществлялось не из центральных, коренных земель новгородских, а с северных и северо-восточных окраин. <...> В этом движении, кроме скандинавов, принимали участие западные финны – весь и кривичи, возможно переселившиеся на Северо-Запад с территории Поднепровья» [Седых, 2001: 429]. Следовательно, территория, занимаемая современным Кирилловским районом, вполне вероятно, не была заселена новгородцами, но входила в состав Новгородского княжества.

С XIII века на территории Белозерья начинается строительство монастырей. Одновременно проходил процесс феодализации земель и сокращения крестьянских владений. Эти факторы ускоряют ход асси-

миляции финно-угров со славянами. Исследователь Л.А. Голубева утверждает, что «...часть веси в лице вепсов сохранила этническую самостоятельность до наших дней» [Голубева, 1973: 56]. В этот период Белоозеро – один из важнейших городов Ростовской земли. К этому времени складываются все предпосылки для выделения самостоятельного Белозерского княжества. Первым Белозерским князем стал внук великого князя Константина Всеволодовича Глеб Василькович в возрасте двух лет. Об этом историческом факте свидетельствует «Никоновская летопись» 1238 г. Именно эта дата (1238 г.) считается возникновением самостоятельного Белозерского княжества.

Историки считают, что в XVI столетии переселенцы приходили на Белоозеро преимущественно из центральных районов России. К этому движению колонистов относят и тех москвичей, которые были отправлены в этот район Иваном III при завоевании Новгорода.

Ослабление древнерусского государства, начавшееся в конце XI века и усилившееся в течение следующих столетий, сопровождается бурным экономическим развитием и укреплением отдельных княжеств. При этом происходит ослабление связей между ними. Переход к феодальной раздробленности на Руси способствовал усилению различий говоров. Русское централизованное государство первоначально занимало территорию Владимиро-Ростово-Суздальского княжества, где был распространён северный субдиалект. Р.И. Аванесов отмечает: «Длительная самостоятельность Новгорода сказалась в том, что северные говоры, восходящие к старым говорам Владимиро-Суздальской и Новгородской земель, и сейчас существенно отличаются» [Аванесов, 1986: 27].

Таким образом, в процессе исторического развития древние новгородский и ростово-суздальский диалекты на разных частях территории их распространения переживали различные изменения, связанные с особыми историческими и языковыми условиями. В конце XV столетия Новгород теряет свою независимость и попадает под влияние Москвы. С этого времени усиливается влияние ростово-суздальского диалекта на северных территориях России.

Современные говоры Белозерско-Бежецкой и Вологодской групп расположены на территории древней новгородской колонизации. Достаточно рано вологодские говоры теряют связь с новгородскими и становятся обособленными, получая возможность самостоятельного развития. В создававшихся условиях хорошо сохранялись архаические черты, но в то же время возникали предпосылки для появления особенностей, характерных только для этой территории.

Ростово-суздальское влияние позднее, чем новгородское, проникает на северные земли. Это происходит в период становления Московского государства. Усиление распространения особенностей в произношении, характерных для жителей Ростовского княжества, происходит после XV века, т.е. сразу после того, как новгородские земли вошли в состав московских владений. Активное распространение ростово-суздальских (а затем и московских) диалектных черт на восточных землях Белозерского края имело место до XVII века. На протяжении этого периода времени языковое влияние было различным по своему характеру, некоторые черты, присущие древнему новгородскому или ростово-суздальскому диалекту, сохранились в живом языке до настоящего момента. Постепенно начинают отражаться общенародные тенденции, т.е. процесс взаимодействия диалектных систем становится слабее.

§ 2. Говоры Кирилловского района Вологодской области в контексте лингвистического описания севернорусских диалектов

2.1. Опыты диалектного членения русского языка в истории русской диалектологии

Вопрос о диалектном членении русского языка является в науке достаточно сложным. Исследователи отмечают, что классификация говоров может «не раз подниматься» в истории диалектологической науки в связи с появлением новых данных [Захарова, Орлова, 1970: 7].

Первые опыты описания территориальных различий русского языка были сделаны ещё М.В. Ломоносовым и В.И. Далем, однако системное изучение русского языка в его «географической проекции» начинается во второй половине XIX века. И.И. Срезневский в статье «Замечания о материалах для географии русского языка» указывает на необходимость изучения местных говоров и о создании карты языков, наречий и говоров [Срезневский, 1981]. Во второй половине XIX в. в России появилось несколько отдельных карт, посвященных говорам ограниченных территорий или отражающих распространение конкретных языковых явлений (диссимилятивного аканья и др.) [Аванесов, 1949: 297]. Первое систематическое изучение особенностей лингвистического ландшафта русского языка и появление первой карты диалектного членения русского языка связано с деятельностью Мос-

ковской диалектологической комиссии (МДК). МДК была создана по инициативе А.А. Шахматова в 1903 г. при Отделении русского языка и словесности Академии наук. Ее председателем стал Ф.Е. Корш. В состав комиссии входили такие известные учёные как А.А. Шахматов, Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков, Н.Н. Соколов, Р.Ф. Брандт, В.К. Поржезинский, А.Д. Григорьев, Б.М. и Ю.М. Соколовы и др. Основной задачей МДК было составление диалектологической карты русского языка. Члены комиссии разработали «Программу для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка» (в 2-х частях, изданных в 1909 и 1911 гг.). На основании ответов на вопросы этой программы Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков и Н.Н. Соколов подготовили «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» [Дурново, Соколов, Ушаков, 1915].

Особенностью этой карты является, в первую очередь, то, что она охватывает территории распространения сразу трех восточнославянских языков: русского, украинского и белорусского. В пределах русского языка составители карты выделили два наречия: северновеликорусское и южновеликорусское, между которыми, подтверждая ранее высказанные предположения И.И. Срезневского, определили зону переходных средневеликорусских говоров. Выделение северновеликорусского наречия основывалось на изоглоссах оканья, произнесения взрывного [з] в соответствие фонеме <з>, произнесения твердого [т] в окончаниях глаголов 3 лица (*везё́[т], несу́[т]*) и употребления форм родительного падежа местоимений *меня́, тебя́*. Для южновеликорусского наречия, напротив, характерно аканье, произнесение фриктивного [γ] в соответствие фонеме <з>, мягкий [т'] в окончаниях глаголов 3 лица (*везё́[т'], несу́[т']*) и формы родительного падежа местоимения *мене́, тебе́*. В пределах северновеликорусского наречия ученые выделяют Поморскую, Олонецкую, Новгородскую, Вологодско-Вятскую и Владимиро-Поволжскую группы говоров, преимущественно ориентируясь на то, как в различных фонетических позициях произносятся в этих говорах гласные, соответствующие этимологическому [ѣ]. Ведущим признаком, дифференцирующим группы южновеликорусского наречия, являются различные типы яканья.

Карта 1915 г. неоднократно подвергалась критике, поскольку при выделении диалектных объединений учитывались только отдельные, в первую очередь, фонетические черты говоров. Кроме того, она была сводной и не отражала территорий распространения отдельных языковых явлений. Не случайно вскоре после публикации этой карты

стали высказываться мысли о необходимости создания диалектологического атласа русского языка. Практическая реализация этой задачи началась во второй половине 30-х гг. XX в. Появлению общерусского атласа предшествовали подготовка и издание в 1949 г. «Лингвистического атласа района Озера Селигер» (М.Д. Мальцев, Ф.П. Филин). В годы Великой Отечественной войны в Вологде прошло всероссийское диалектологическое совещание, на котором Ф.П. Филин призывал научную общественность регионов активно включиться в сбор материала для общерусского диалектологического атласа. Этот сбор начался в 1945 г. после публикации «Программы собрания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (под редакцией Р.И. Аванесова). Изначально предполагалось, что атлас охватит всю территорию распространения русского языка в Европейской части СССР и будет включать 11 региональных томов. Однако в результате было создано 5 томов, из которых опубликован только «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957). На основании материалов этих томов в 1971–1980 гг. был подготовлен сводный «Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР» (ДАРЯ). Атлас состоит из 3-х выпусков: I – «Фонетика», II – «Морфология», III – «Синтаксис и лексика». Область картографирования ДАРЯ охватывает территорию древнейшего русского заселения, на которой шло формирование национального русского языка и его основных диалектов.

В ДАРЯ нашли практическое воплощение концепция диалектного языка и теория лингвистической географии Р.И. Аванесова, которые развивались параллельно с созданием атласа. Они составили теоретическую базу Московской школы лингвогеографии (Р.И. Аванесов, С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, Л.П. Жуковская, И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко, В.Г. Орлова), изложенную в коллективном труде «Вопросы теории лингвистической географии» [Вопросы теории, 1962].

Концепция диалектного языка Р.И. Аванесова включает ряд положений.

1. *Диалектный язык представляет собой систему, включающую как общие для всего русского языка черты, так и черты, по-разному представленные в говорах.* К первой группе черт могут быть отнесены общая часть словарного фонда, общие черты в организации фонемного строя и т. д. Примерами черт второй группы служат оканье и аканье, различные по говорам формы слова *свекро́вь* (*свекро́вь*, *свекро́вья*, *свекро́ва* и т. д.) и др.

2. *Говор рассматривается как частная диалектная система, характеризующаяся целостностью и единством.* Говор, как и литературный язык, следует описывать как самостоятельную систему (а не только характеризовать черты, отличающие его от литературного языка). Не случайно программа ДАРЯ построена так, что ответы на ее вопросы позволяют охарактеризовать важнейшие черты разных языковых уровней системы говора (вокализм, консонантизм, особенности морфологической системы и др.).

3. *Выделяется понятие междиалектного (межсистемного) соответствия как единицы диалектного языка.* Среди звеньев диалектного языка, имеющих территориальное ограничение, есть: 1) непротивопоставленные диалектные различия – языковые черты, содержащиеся в одних говорах, но не имеющие эквивалентов в других (например, в некоторых русских говорах есть синтаксическая конструкция, со значением неизбежности: *быть тому случиться* ‘то неизбежно должно случиться’); 2) противопоставленные диалектные различия – языковые черты, имеющиеся во всех или во многих говорах, но представленные в них по-разному. Вторая группа черт образует междиалектные, или межсистемные, соответствия. Как правило, разные члены такого соответствия взаимно исключаются в системе одного говора. Примерами такого соответствия могут служить противопоставления звуков [з] и [γ] как реализаций фонемы <з>, аффиксальные различия в словах *треск* – *трескоток* – *трескотень*, противопоставление форм родительного падежа типа *у сестры*’ – *у сестре*’ и др.

4. *Существует два аспекта описания диалектного языка: структурный и территориальный.* Структурный аспект предполагает рассмотрение того, какими способами представлено междиалектное различие в разных частных диалектных системах. Территориальный аспект предполагает изучение территориального распространения отдельных диалектных явлений или разных членов междиалектного соответствия (подробнее см.: [Аванесов, 1965]).

ДАРЯ является одним из важнейших источников материала для описания русских территориальных диалектов и изучения истории формирования русского диалектного языка. В 1964 г. К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова предложили новую группировку русских говоров, выстроенную на основе изучения всех изоглосс, представленных в ДАРЯ.

Группировки говоров (наречия, группы говоров, зоны) выделены по пучкам изоглосс. Самими крупными территориальными объединениями являются северное и южное наречие. Каждое из них характери-

зуется большим количеством признаков на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Переходную зону составляют среднерусские говоры, в пределах которых пересекаются изоглоссы северного и южного наречий. В пределах наречий и среднерусских говоров, также на основании пучков изоглосс разных языковых явлений, выделяются группы говоров. Кроме того, ареалы языковых явлений позволяют выделить такие территориальные объединения как зоны. Деление на зоны накладывается на основное членение диалектного пространства на наречия и группы говоров [Захарова, Орлова, 1970].

Группировка говоров, предложенная К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, основывается на изучении диалектов в территориальном аспекте. Структурный аспект изучения говоров представлен в структурно-типологической классификации Н.Н. Пшеничновой, также созданной на материалах ДАРЯ [Пшеничнова, 1996]. Говоры (частные диалектные системы) были классифицированы на основании сходств и различий между ними по признакам, представленным в ДАРЯ; территория при этом не учитывалась. В результате были выделены диалектные типы разных уровней. Самыми крупными из них являются севернорусский и южнорусский диалектные типы. Эта классификация также имеет картографическую проекцию, однако в данном случае карта выполняет вспомогательную роль: показывает, на каких территориях распространены разные диалектные типы.

2.2. Говоры Вологодской области в контексте диалектного членения русского языка

Современная Вологодская область в ее современных территориальных границах была образована в 1937 г. и в данный момент состоит из 26 районов. Характеристика диалектных особенностей говоров Вологодской области во многом зависит от истории заселения края, его более ранних вариантов административного членения, а также от ряда экономических и социокультурных условий проживания людей в более раннее время.

Исторически сложилось так, что внутри Вологодской области достаточно заметно дифференцируются восточные и западные говоры. Вологодская губерния была образована в 1796 г. и к началу XX в. насчитывала в своем составе десять уездов: Вологодский, Устюженский, Вельский, Грязовецкий, Кадниковский, Никольский, Сольвычегод-

ский, Тотемский, Усть-Сысольский, Устюжский, Яренский. В первые десятилетия Советской власти в территориальном членении края произошли значительные изменения: восточные территории, преимущественно населенные коми-зырянами, в 1921 году вошли в состав Коми АССР; к Архангельской области отошли земли Вельский, Сольвычегодский районы, часть Яренгского уезда; в западной части к Вологодской области присоединились районы, исторически относившиеся к Олонецкой (Вытегорский район) и Новгородской (Устюженский, Кирилловский, Белозерский, Череповецкий, Бабаевский, Чагодощенский и др.) губерниям.

Все говоры Вологодской области относятся к севернорусским. Они характеризуются таким набором диалектных черт, как полное оканье (*к[о]рова, м[о]локо*), звонкий задненебный согласный [з] в сильной позиции (*но[з]а*), заударное ёканье (*вын[о]с, оз[о]ро*), отсутствие [й] в интервокальном положении и стяжение гласных (*делаэ́т, дела́т*), произношение [мм] на месте [бм] (*омман*), упрощение групп согласных в абсолютном конце слова (*мос, хвос*), произношение твёрдого [т] в формах глаголов 3 лица (*нашэ́т, нашут*), различие гласных в безударных личных окончаниях глаголов 3 л. мн. ч. I и II спряжений (*пишут – дышат*), различие окончаний в формах род. – вин. и дат. – предл. падежей личных и возвратных местоимений (*меня – ко мне*), использование севернорусских лексических локализмов (*моло-тило* 'цеп', *уповод* 'период работы без перерыва' и др.).

Наиболее крупным диалектным объединением на территории Вологодской области является Вологодская группа говоров.

Вологодская группа говоров – это самостоятельное диалектное объединение, представленное в центральной и восточной частях Вологодской области, а также в южных районах Архангельской области, исторически относившихся к Вологодской губернии. Граница Вологодской группы говоров условно определяется пучками изоглосс диалектных явлений: на западе – примерно по 39° вост. долг.; на юге – примерно по 59° сев. шир. Вологодская группа говоров входит в северо-восточную диалектную зону русского языка, является одной из самых значительных по территории распространения групп диалектов первичного формирования. По данным карты 1915 г., территория современных вологодских говоров была частью *Восточной группы* говоров *Северновеликорусского наречия*. На севере вологодские говоры граничат с Архангельскими (Поморскими), на юге – с Костромскими и Чухломскими, на западе – с Белозерско-Бежецкими и Лачскими, на востоке – с Вятскими говорами. Диалектные черты вологодских гово-

ров определяются спецификой их формирования, а также особенностями проживания носителей русского языка на исследуемых территориях.

Формирование говоров вологодской группы исследователи связывают с процессами относительно раннего активного взаимодействия новгородских и ростово-суздальских говоров, а также с обособлением говоров вологодских земель в результате их удаленности от административных и торговых центров государства. В результате этих процессов в говорах вологодской группы сохранялись многие архаические черты севернорусского наречия: архаический тип мягкого цоканья, различия в произношении звуков в соответствии с исконными [э] и [ѣ], [о] и [ѵ], сохранение архаического типа склонения существительных с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* по типу слов м. – ср. р. (*де'душко*, *де'душка* и т.д.), сохранение безударного *-ти* в формах инфинитива с основой на согласный (*кла'сти*, *е'сти*), наличие мягких согласных в постфиксах возвратных глаголов (*мо'еш[с'е]*, *мо'еш[с'о]*) и др. Вместе с тем обособленность вологодских говоров, их удаленность от административных центров и зон активных междialeктных контактов определила возможности для своеобразного развития некоторых тенденций, как новгородских по происхождению, так и общерусского характера. Это, в частности, развитие произношения [л] среднего (возможно, под влиянием иноязычного окружения), наличие инфинитивного показателя *-ти* в глаголах с основами на заднеязычный согласный (*некти'*, *берегти'*), развитие системы двойных предлогов (*по-за глаза*, *по-над болоту*) и др. [Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров, 1970: 141–281].

Среди характерных для вологодских говоров лексических черт исследователи выделяют местные слова: *валёк* 'палка для выколачивания белья', *кадца* 'ручка цепа', *туес* 'сосуд из бересты для жидкости' и пр. Языковые особенности вологодских говоров фонетического и грамматического уровней отражены в приведенной ниже таблице.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1	Семифонемный вокализм с /e/ и /ѣ/, /o/ и /ѵ/,	<i>вудл'а</i> , <i>м'ѣсто</i>	Непоследовательно
2	Изменение качества гласных под ударением и в первом предударном слоге между мягкими согласными:	а) <i>гул[ѣ]ли</i> , <i>гл[е]дѵм</i> , б) <i>в[ѵ]тер</i> , <i>р[ѵ]кѵ</i> .	
3	Употребление одной аффрикаты [ц'] (мягкое цоканье)	<i>ц'ѵдо</i> , <i>ц'ѵлов'ѣк</i> , <i>ц'асы</i> , <i>кол'ц'ѵ</i>	Ср. также онежские говоры

4	Употребление [l] перед гласными непяреднего ряда и [л'] перед гласными непяреднего и переднего ряда.	<i>bolóto, kold'd'éz, potolók, molodóy, mol'ítva, pol'ána</i>	Исторически характерно для русского языка; [w] – до падения редуцированных
5	Чередование [l] и [w] с [w] в абсолютном конце слова и перед глухим согласным	<i>павка (палка), ла[w]ка (лавка)</i>	
6	Долгий шипящий может произноситься как [ш'ч', шч', шч] наряду с [ш:].	<i>ш'ч'ўка, ўшч'ў, дўшч (дождь)</i>	[ш:] – более поздний вариант
7	Ассимилятивное прогрессивное смягчение заднеязычных согласных	<i>до[ч'к']а</i>	
8	Произношение отдельных слов: что, когда, дыра, помню и др.	<i>[шч'jo или [шт'jo, ко[вды] или ко[лды]; д[и]ра, пом[л']у</i>	
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1	Общая форма тв. и дат.п. сущ. мн.ч.	<i>с пустым вёдрам</i>	Севернорусская диал. черта
2	Формы с ударным личным окончанием в дат. и пр. п. сущ. 3 склонения	<i>на лошаде́, по грязе́</i>	
3	Формы прилагательных с двусложным окончанием род.п. ед.ч. ж. рода	<i>у моло[дья́а], бол'[шья́а], у как[ей́а]</i>	Ср. также белозерско-бежецкие говоры
4	Формы род. пад. ед. числа мест. и прил., в которых отсутствует согласный звук:	<i>моо (моего), коо (кого),</i>	
5	Формы сравн. степени с суффиксом -айэ-	<i>доб[р'а́]йе (добрее), ско[р'а́]йе (скорее)</i>	Ср. онежские говоры
6	Формы указательных местоимений в род. пад.	<i>тойо, тыйо, тыйе, тыйа, однойо, одныйе́.</i>	Ср. ладоготихвинские говоры
7	Употребление возвратного постфикса -с'э // -с'о	<i>умыл[сэ], умо́йеш[с'о]</i>	В ладоготихвинских -си /-сы
8	Формы инфинитива глагола на -чй	<i>печи, стеречи или пекчи, стерегчи</i>	Северо-восточная диалектная зона
9	Употребление глаголов 2-го лица мн. числа с ударением на конечном гласном окончания	<i>сиди[ме́], сиди[т'о́'] (сидите), несе[ме́], несе[т'о́'] (несёте)</i>	Северо-восточная диалектная зона

10	Отсутствие морфологических чередований в личных формах глагола	<i>спію, колотію, просяю; пекюшь, берегюшь, лягёт.</i>	
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1	Уподобление постпозитивной частицы финалям грамматических форм слов	<i>отѣц-то, ба́ба-та, дѣву-ту, ба́бы-те</i>	Ср. также ладоготихвинские говоры
2	Распространение безличных предложений с главным членом — страдательным причастием и объектом в форме вин. пад.	<i>всю картошку съедено</i>	Черты северной диалектной зоны

Ладого-тихвинские говоры распространены в крайней западной части Вологодской области (Чагодощенский и Бабаевский р-ны), а также в восточной части Ленинградской области и в северной части Новгородской области. Эта группа говоров входит в ареал северо-западной диалектной зоны и по ряду языковых черт противопоставляется восточным севернорусским говорам Вологодской и Костромской групп. Общее происхождение от древненовгородского диалекта роднит ладого-тихвинские говоры с другими диалектными объединениями северо-западной диалектной зоны – среднерусскими Новгородскими и Гдовскими говорами, представленными на территории Новгородской и Псковской областей Российской Федерации. По классификации 1915 г. ладого-тихвинские говоры входили в состав Западной (Новгородской) группы Северновеликорусского наречия. Черты ладого-тихвинских говоров встречаются в говорах межзональных объединений северного наречия, а также в говорах Архангельской области.

Территория распространения ладого-тихвинских говоров находится в ближайшем соседстве с Приильменьем – древнейшим историческим центром древненовгородского диалекта. События политической истории Средневековья (утрата независимости Новгородской республики в XV в., перемещение русского населения в конце XV – начале XVI вв. в районе озера Ильмень) привели к тому, что ладого-тихвинские говоры в большей мере сохранили языковые черты древненовгородского диалекта, чем говоры современной Новгородской группы. Результатом этого развития, а также активных контактов с носителями финно-угорских языков стали такие изменения, как переход от семифонемной к пятифонемной системе вокализма; завершение перехода [ě] в [и]; отсутствие перехода [а] в [э] как в других севернорусских говорах; формирование системы согласных фонем, пар-

ных по твердости-мягкости; переход от системы с губно-губным спирантом к системе с губно-зубными фонемами; формирование различия аффрикат и отвердение /ч/; сужение ареала распространения шепелявых свистящих и ареала [w] на месте /л/ в конце слога и слова; сохранение твердых губных в конце слова и др. Другие характерные черты данной группы говоров представлены в таблице.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1. Произношение гласных, соотв. этимологическим /e/, /ě/, /a/, после мягких под ударением			
	А) перед твёрдыми согласными	н' [o]с, б' [u]лой, н' [a]той	
	Б) перед мягкими согласными	д[е]н' зѣ[u]р', н' [a]т'	
	В) на конце слова ([u], восходящее к /ě/):	на стол[u], к себ[u], гд[u]; тот — ти (как в Онежской группе говоров)	
2. Произношение гласных, соотв. /e/, /ě/, /a/, после мягких в первом предударном слоге			
	А) перед твёрдыми согласными	н' [e]су́ и н' [o]су́; р' [u]ка́ (и р[е]ка́ пр' [a]ду́)	
	Б) перед мягкими согласными	н[е]си́ или н[u]си́; р[u]кѣ́ или в р[е]кѣ́, пр' [a]ди́	
	В) на конце слова ([u], восходящее к /ě/):	на стол[u], к себ[u], гд[u]; тот — ти (как в Онежской группе говоров)	
3	Различение твёрдых звуков [ч] и [ц]:	[чы]та́т', [ча]сто́	Северо-западная диалектная зона
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1	Отсутствие согласного на конце флексий 3-го лица	нес' [o] (несёт), дела[йo] (делает)	Ср. онежская группа говоров
2.	Употребление йотированных форм местоимений 3-го лица	йон, йона, йоны	Западная диалектная зона
3.	Употребление [э] и [о] у гл. I спр. в формах 3 л.ед. ч. и 1 л. мн. ч.	нес' [e]т и нес' [o]т, нес' [e]м и нес' [o]м	
4.	Употребление мест. она в вин.п.	йей	В южн. части -йейу
5	Формы дат. и пр. п. ед. ч. с окончанием -и (-ы) у существительных ж.р. на -а:	к земл[у], к жон[ы], на рук[у]	Северо-западная диалектная зона
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1.	Употребление деепричастий прошедшего времени в качестве сказуемого:	поезд ушовиши	Западная диалектная зона
2.	Употребление предлога с / з вместо из	приехал з города, вылез с ямы	

3	Прямое дополнение при инфинитиве в форме им. пад. сущ. ж.р. окончанием <i>-а</i>	<i>пошёл косить тра- ва, копать кар- тошка</i>	В восточной части
4	Употребление форм диалектного перфекта в функции сказуемого	<i>у меня воды при- несено, у меня ко- рову подоено</i>	Северо- западная диа- лектная зона

Жители Вытегорского района Вологодской области являются носителями **онежских** и **лачских** говоров (ареал их распространения определяется территорией вокруг Онежского озера и озера Лаче). Среди характерных черт Онежских говоров ученые называют произношение *ê* под ударением [*лѣс*] в соответствии с безударным [*и*]: *в* [*л'ис'и*], непоследовательный переход [*а*] в [*э*] между мягкими [*гр'эс'*], наличие сложных долгих шипящих [*шч'*], [*шт'*] и [*ждж'*], [*жд'*]: [*шчука*], [*прийэзжд'ай*], произношение [*û*] в конце слова и перед глухим согласным в соответствии с [*л*]: *быû, жыû, паûка*, употребление звука [*у*] в окончаниях: *доброуо, тоуо*; присутствие окончаний прил. ж.р. род. и дат.п. с [*э*]: *молодэй*, синтаксические конструкции с частицей *да*: *сын дров нарубил да, живёт сын да дочь да*. Непоследовательно в этих говорах представлены остатки цоканья, мягкость шипящих, следы «второго полногласия»: *столоб, холон*, употребление мягкого согласного в окончаниях форм глаголов 3 лица: [*ход'ит'*, *знайт'*]. Лачские говоры (Ковжозеро, Кемозеро, восток Вытегры) также реализуют характерные черты севернорусских говоров западной диалектной зоны.

Между восточной и западной диалектными зонами, образуемыми пучками изоглосс в пределах северного наречия, располагаются межзональные группы говоров. Наиболее значительную из них по территории распространения в Вологодской области составляют **белозерско-бежецкие** говоры. Они распространены на территории современных Кирилловского, Белозерского, Вашкинского, Кадуйского, Череповецкого и частично Бабаевского районов Вологодской области. Формирование белозерско-бежецких говоров определила судьба древнего Белозерья, исторически связанного с Новгородской и Ростово-Суздальской землями [Макаров, 1997]. В говорах этой группы отмечаются такие черты, как тяготение к екающему произношению гласных в первом предударном слоге: [*с'эстры, в л'эсу, п'аток – н'эс'ом, б'эл'у / б'ил'у, гл'ад'и*] и сохранение заударного ёканья: [*вын'осу, оз'оро, д'эр'эвн'ой, д'ад'ой*], употребление *ч* и *ч'* ([*ч'ай, н'эчош*]), нестяженное окончание прилагательных [*краснуйу, б'элуйу*] в сочетании с выпадением интервокального [*й*] на стыке основы и окончания глаго-

лов: [*работаш*], безударный постфикс *-сы* в составе возвратных глаголов: [*бойалсы*], некоторые лексические локализмы: *певун, пеун* «петух», *мырчать, мыркать* «мычать», *будать* «бодать» и др. (подробнее см.: [Бувальцева, 1955; Галинская, 2002; Михова, 2006; др.]).

Научная систематизация материала дала диалектологам возможность классифицировать говоры исторического Белозерья как межзональные северного наречия [Карта № VI ДАРЯ «Диалектное членение русского языка»; Захарова, Орлова, 1970: 120]. Особенность межзональных говоров заключается в том, что на территории их распространения имеет место взаимоналожение ареалов противоположных (с географической точки зрения) зон. На территории Кирилловского района Вологодской области наблюдается взаимовлияние северо-восточной и северо-западной диалектных зон. Языковые явления, характерные для того и другого объединения, сосуществуют на общей территории и могут быть распространены в разной степени. Исследователями отмечается, что для межзональных говоров характерно «наличие ареалов некоторых явлений, в основном распространённых на других, далёких от неё территориях» [Захарова, Орлова, 1970: 116]. Важно отметить следующее: для межзональных говоров некоторые черты, определяющие специфику северного наречия, встречаются здесь наиболее последовательно. В то же время встречаются и отличительные особенности, присущие только этой группе говоров. Многие из этих особенностей привлекали внимание диалектологов в контексте описания фонетических, лексических и грамматических особенностей русского диалектного языка.

2.3. Говоры Кирилловского района Вологодской области в контексте лингвистического описания севернорусских диалектов

Фонетические особенности говоров Кирилловского района Вологодской области впервые были системно изучены в связи с подготовкой «Диалектологического атласа русского языка». Для местной интеллигенции были высланы анкеты – опросники с точными указаниями по сбору материала. Работа проводилась учителями, врачами, живущими в данной местности. Возможно, что на некоторые пункты анкеты были получены скудные ответы. Свидетельством этого служат те карты ДАРЯ, где при лингвогеографическом описании диалектных явлений присутствуют «белые пятна» на территории современного

Кирилловского района. Соседние Белозерские говоры были описаны К.В. Горшковой [Горшкова, 1968] и Н.М. Бувальцевой [Бувальцева, 1955]. Используя данные, собранные в середине XX века, исследователи отмечают яркие особенности живой речи, объясняют функционирование тех или иных диалектных особенностей с позиции исторического развития русского языка. Наиболее последовательно в диалектологических исследованиях описаны явления *консонантизма говоров* исследуемой территории: качество звонких губных согласных ([в], [в'], [w] или [ʋ]), качество и функционирование аффрикат [ц] и [ч'], особенности произношения долгих шипящих, качество [л] в различных фонетических позициях, специфика произношения сочетаний [дн], [бм], утрата конечного согласного в сочетаниях [см] и [с'т], а также выпадение [j] в интервокальной позиции [Зеленин, 1913; Аванесов, 1949; Орлова, 1959; Горшкова, 1972; др.].

Лексика говоров Кирилловского района интересовала исследователей в связи с подготовкой диалектных словарей [СРНГ; СРГК; СВГ; др.] и лингвистических атласов [ДАРЯ; ЛАРНГ; Мызников, 2003; др.], а также для решения ряда других научных задач. Наиболее масштабный научный вклад в изучение лексики исторического Белозерья внесла Ю.И. Чайкина. В её работах на основании лексических данных уточняются диалектные границы внутри данной территории [Чайкина, 1975; Чайкина, 1976; Чайкина, 2005; др.], описывается ономастическое пространство региона [Чайкина, 1969; Чайкина, 1984; Чайкина, 1988; Чайкина, 1989; Чайкина, Смольников, 2001; др.], реконструируется система промысловой лексики Северной Руси [Чайкина, 1986; Чайкина, Новосёлова, 1999; Словарь промысловой лексики, 2003; др.], делаются выводы о характере межъязыковых контактов русских с финно-угорским населением края [Чайкина, 1977; Чайкина, 1988; Чайкина, 1989; др.].

Грамматические особенности кирилловских говоров изучены значительно меньше, чем явления фонетики и лексики. Явления морфологии и синтаксиса, имеющие отношение к определению диалектных границ в Северной Руси, описаны в фундаментальных трудах по исторической диалектологии [Образование севернорусского наречия, 1970; Горшкова, 1972; др.] и по грамматике русского диалектного языка [Бромлей, Булатова, 1972], отражены на картах «Диалектологического атласа русского языка» [ДАРЯ, 1986] и в исследованиях, посвященных типологии русских говоров [Пшеничнова, 1996]. Это такие грамматические особенности исследуемых говоров, как наличие

форм местоимений и прилагательных р.п. ед.ч. без согласного (*молодоо, новоо, коо* и др.), образование форм д.п. и п.п. ед.ч. личного местоимения от основы *-мен-* (*к менё, об менё*), наличие [ф] в окончаниях р.п. и п.п. мн. ч. прилагательных и п.п. мн. ч. существительных (*без молодѣф, в большѣф домѣф*), специфические формы инфинитива с основой на заднеязычный согласный (*стеречи́, сечи́, печи́*), произношение долгого согласного в формах 2 л. ед.ч. возвратных глаголов (*смеё[шиш]а*) и некоторые другие особенности.

В последние десятилетия говоры Кирилловского района активно изучаются в области исследования структуры слова [Шаброва, 2003; Ильина, 2012; др.]. Привлекает внимание явление формально-семантической вариативности морфем и основ в структуре диалектного слова (*опрахотиться, обряхотиться, обряхошиться* и др.), сохранение в говорах Кирилловского района архаичных деривационных связей, утраченных в литературном языке и других территориальных диалектах (*нури́ть-изнури́ть, завирѣть-завирѣть-завор*), и ряд других явлений.

Обзор диалектологических исследований, посвященных говорам Кирилловского района Вологодской области, убеждает нас в том, что различные диалектные явления, представленные на этой территории, изучены неравномерно. Следовательно, данные говоры могут быть объектом повторного обследования. Несомненный научный интерес они представляют как «переходные». История края свидетельствует, что население данной территории было неоднородным, долгое время на политическую и экономическую сторону развития местных населённых пунктов оказывало своё влияние Новгородское и Ростово-Суздальское княжества. Ассимиляция финно-угров, скандинавов и славян нашла своё отражение в языке, сохранившем некоторые устойчивые черты и до настоящего времени.

Необходимо сказать и о том, что в настоящее время на территории Кирилловского района Вологодской области расположены гетерогенные по своему характеру населённые пункты. Кириллов и Феропонтово – культурные центры мирового уровня. Сюда приезжают туристы со всего земного шара. Высоко развита торговля, связь, туризм, инфраструктура. Степень влияния русского литературного языка на живую речь местного населения достаточно высока. В то же время существуют отдалённые деревни, в которые не ходит транспорт. Люди живут отдельной, закрытой группой, изредка добираясь пешком до деревень, куда приезжают автолавки. В таких населённых пунктах живут старые люди, сохранившие в своей речи архаичные черты ме-

стного говора. Записи бесед с этими информантами представляют собой бесценный материал. В результате фиксации образцов речи таких информантов можно выяснить, как происходит развитие говора, что исчезает, и какие черты являются наиболее устойчивыми.

Масштабное исследование говоров различных территорий России, осуществлённое во второй половине XX века, позволило определить говоры Кирилловского района Вологодской области как переходные севернорусские говоры, обнаруживающие локальные черты, сформировавшиеся на исследуемой территории в результате взаимодействия древненовгородского и ростово-суздальского диалектов, а также вследствие активных языковых контактов славянского и финно-угорского населения на этой территории. Вместе с тем развитие средств массовой информации, усилившее роль литературного языка в регионе, а также социально-экономические изменения на Русском Севере, следствием которых стало сокращение сельского населения, переселение уроженцев Кирилловского района в индустриальные центры страны (Череповец, Мурманск, Воркута, Мончегорск, Апатиты и др.), привело к значительным языковым изменениям на исследуемой территории. Поэтому в последние десятилетия в Кирилловском районе Вологодской области активизировалась работа, направленная на повторное исследование народной речи. Результаты сбора диалектных слов на данной территории вошли в картотеки «Словаря вологодских говоров» и «Лексического атласа русских народных говоров». Фонетические наблюдения над говорами Кирилловского района описаны в диссертационном исследовании Н.Г. Миховой «Говоры Кирилловского района Вологодской области: фонетический аспект» [Михова, 2006]. Наблюдения в сфере диалектной морфемики и словообразования представлены в электронной базе данных «Диалектного словаря строения слов» [Ильина, Крылова, Никифоров, 2013]. В следующих параграфах данной главы будут представлены некоторые итоги этих исследований. Не претендуя на полноту описания фонетической, лексической и грамматической систем исследуемых говоров, мы представляем результаты наблюдений, полученных нами в процессе записи народной речи в ходе диалектологических экспедиций 1988–2013 гг.

§ 3. Фонетические особенности живой речи жителей Кирилловского района Вологодской области

Кирилловский район занимает особое место на территории Вологодской области. Археологические находки свидетельствуют, что именно здесь проходили разные миграционные потоки; освоение географического пространства было хронологически неравномерным: в разные исторические периоды преобладающее население было неоднородным – финно-угорские племена, новгородские или ростово-суздальские переселенцы.

Ассимиляция населения повлияла на речь местных жителей. В настоящее время мы можем не только увидеть это в названиях, отдельных словах, но и услышать в разговоре с местными жителями. Наблюдения за живой речью жителей Кирилловского района Вологодской области позволяют говорить о том, что в настоящее время, безусловно, в большинстве случаев преобладает региональный вариант литературного произношения, однако можно услышать те специфические черты в произношении, которые отличают речь местных жителей от речи людей, проживающих на соседних территориях.

1.1. Произношение гласных звуков

Как и на многих других северных землях, на территории Кирилловского района Вологодской области распространено *полное оканье*: различие гласных фонем неверхнего подъёма во всех предударных позициях: *проход'ило, соб'ерал'и, воротушк'и-то, подошла, гормон'ист, с молоды'х л'ёт, роб'ат'ишк'и, соб'ер'ом, по топоч'ин'е, созывал'и, молоко, проход'и, говор'ил'и, прогор'ат, погл'ад'и, ворон'ёц, грохотуль-то, ф полов'ин'е, вм'есто сквороды', солон'инъ, по гороц'кому, волох'и пр'икрывал'и, в огород'ё, сквородн'ик, солон'ик, корас'об' лов'ил, простокваш'.*

Часто можно услышать [о] в заударных слогах: *н'и было с топкой, т'епла-то м'ён'ше, ухажороф – то, наложено, в горот, холодно, кон'ёшно, зъ дв'енацет' к'илом'етроу, слом'ило в'ётром* и др. Употребление гласного звука [о] в заударном слоге после твёрдых согласных у молодых информантов встречается достаточно регулярно (особенно в северной части района).

Можно встретить и неполное оканье: *ф коух'оз'е, куда пошл'ут, пол'ожым, пот'ом, сто'ит, сорока год'оу, родны'х, бог'атырь, кост'умоф, ход'ил'и, водо'й, мор'ишкь, в огор'од'е, подр'ушка,*

кол'эч'ко, корз'іноч'къ, потѳм, пошл'і, сосул'к'и, ход'іл'и, корѳѳа, ворон'эц, п'ирог'і, ф полов'ін'е, скот'ін'е, горѳху, з водѳй, хоз'аин, нос'іл'и, подовал'и, горѳздо, окол'эла, зов'ѳм, хорѳша, горшк'і, болѳто, однѳ топшынѳ и т. п.

В живой речи жителей в этой местности можно распространено *еканье* или *иканье*. Иногда эти фонетические явления "соседствуют" друг с другом: в речи жителей одной деревни (а иногда даже в одной семье) по-разному произносят слова. Хотя в большинстве случаев ареалы распространения еканья и иканья различны. Приведем некоторые примеры екающего произношения: гласный <е> в первом предударном слоге после мягких согласных реализуется в звуке [e]: д'ержѳл'и, в'ер'ѳфкам'и, н'ер'елѳс (забор), с'м'етѳну, ф с'ер'ед'э, б'ес'эды, ст'ел'іл'и, н'екл'і, р'еб'ѳта, пом'елѳм, ухл'естѳла, в'ес'ел'эй, пр'еснѳшк'и, б'еднѳ, л'еишы', н'екѳ, сл'ед'іл'и, подб'ер'ѳзов'ик'и, д'ер'ейн'а, т'еп'ер', вос'емнѳцѳт'и, подв'езѳт, н'емнѳшко, б'ессѳв'есна какѳ, до н'етрѳва дн'і и т.п.

Приведѳнные примеры свидетельствуют, что произношение [e] наблюдается как перед тѳвѳрым согласным (позиция С'ГС), так и перед мягким (позиция С'ГС').

При прослушивании диалектных текстов встретились случаи функционирования [e] на месте [и] в безударном положении в позиции С'ГС и С'ГС': гр'ебѳф, н'екѳк, сл'езѳл'и с'м'етѳну, х'ерѳрк, н'ектѳ, н'е хѳч'ут, наб'евѳжут гл'іной, д'ев'енѳсто.

Иканье можно встретить, например, в следующих образцах речи: [а вѳт постѳв'ѳт бл'ѳдо нѳ с'ир'ид'іну / дак вѳт т'ѳн'исс'и и јѳш // а тѳк јѳс'и фс'ем по тарѳѳк'и / дак у-у / рѳн'шы как'іје тар'ѳѳк'и / н'ѳкак'іх тар'ѳлок / н'ѳц'ѳ н'ѳ было // ну проз'евѳјеш' дак / нѳдо хл'ѳбѳт' бѳстр'ѳје // тѳл'ко лѳшк'и м'ел'кѳјут јид'ѳт / в'ѳднѳм бл'ѳд'е и јіл'и // картѳшку свѳр'ѳт / ф ѳ'ѳгѳн / ѳли горшѳк там назѳвѳјѳцѳ //].

В настоящее время случаи функционирования иканья незначительны. Подобное произношение можно встретить в речи жителей старшего поколения, у более молодых информантов, как правило, чаще встречается гласный [e] в первом предударном слоге после мягких согласных. Вероятно, вытеснение иканья еканьем — одна из особенностей развития говоров Кирилловского района Вологодской области. Следует заметить также, что еканье является прогрессирующей и устойчивой в диалектном отношении чертой. Этот тип безударного вокализма характерен для речи разных по возрасту жителей Кириллов-

ского района и не воспринимается ими как «непрестижная» особенность в произношении.

Особо нужно сказать о таком явлении как *ёканье*. Примеры подобного произношения немногочисленны (*в'олос'*, *в'осна́*, *тр'опи́т'*, *л'ожы́т'*, *п'оку́т*, *б'ору́т*, *с'остра́* и некоторые др.), но оно распространено по всей территории Кирилловского района. Изучение диалектных материалов позволяет говорить о том, что в настоящее время ареалы распространения данной фонетической черты сузились, подобное произношение встречается преимущественно в северной и восточной частях изучаемой территории. Ёканье – особенность речи женщин старшего поколения, сохранившего архаичный слой диалекта. У молодых информантов, а также у мужчин данная особенность не встречается. Возможно, ёканье является слабоустойчивой диалектной чертой и исчезает из говора под влиянием литературного языка.

1.2. Произношение согласных звуков

В живой разговорной речи жителей Кирилловского района Вологодской области сохранились черты, отличные от литературного произношения. Особенно ярко это заметно при произношении согласных. Остановимся лишь на самых ярких и наиболее частотных из них. Так, например, *качество звонких губных спирантов* может быть различным ([ɸ], [ɸ'], [w] или [ɹ]). Ученые-диалектологи (Р.И. Аванесов, К.В. Горшкова, Н.А. Липовская) отмечают, что многообразие произношения данных звуков связано с тем, что на территории современного Кирилловского района Вологодской области сосуществуют различные группы говоров. «... фонемы *в*, *в'* в одних говорах полностью относятся к сонорным, в других в большей или меньшей степени приближаются к ним, входя, в основном, в категорию шумных согласных. Но во всех русских говорах перед *в*, *в'*, как и перед сонорными, глухие и звонкие различаются. Эти противоречия в отношении места фонем *в*, *в'* в системе согласных русских говоров объясняются развитием этих согласных из звука *ѣ*. А, как известно, сонорные звуки являются промежуточными между гласными и шумными согласными. Более старые отношения, видимо, сохранены теми говорами, в которых *в*, *в'* ещё полностью относятся к категории сонорных согласных» [Аванесов, 1949: 149].

Анализ звучащего материала, записанного в Кирилловском районе, позволяет говорить о реализации <в> в звуке [w] на данной территории.

А) Перед глухим шумным согласным: з'имóвкѣ, д'ѣвкѣ, мутóвка, л'итóвк'и, нѣ в'ер'óвк'и пл'ел'ѣ, голóвку, [сопогóв-то] н'емнóго, п'ирогóв-то, шытóвкѣ, з'имóвкѣ, Ивáновкѣ, луц'кóвкѣ, лáвкѣ, св'екрóвкѣ, подос'иновку найд'óш, сл'ѣвк'и, кладóвкѣ, лыч'кóвкѣ, ножóвкѣ.

Б) Перед сонорным согласным: брát Пáвло, бр'óвнѣ, в д'ер'ѣвн'е, прáвнуц'ка, внуц'ка, вм'ѣст'и (вместе), давнó, зáмуш вы'шлѣ ф своју д'ер'ѣвн'у, П'етрóвнѣ, картóвн'ик'и, рóвннѣ.

В) Перед звонким шумным согласным: в д'ер'ѣвн'е, прáвда.

Г) На конце слова: лаборáнтов, маст'ерóв, коч'егáров, компр'ессоришкóв, дрóв н'е разр'ешáют руб'ѣт'; п'ѣт' годóв; óколо п'ен'кóв, пѣт' ц'асóв, гр'ѣбóв, корóв, зѣ п'етнáцат' к'ѣлóm'етров, П'етрóв дѣн', Ивáнов дѣн', тапушн'икóв над'ѣлаш, горóховн'икóв, п'ирогóв, зупц'икóв, хл'ѣв, колоскóв, по д'ев'ет'ѣ снопóв.

Следует отметить, что произношение [w] на конце слова не встретилось в центральной части Кирилловского района. При изучении говора села Ферапонтово и близлежащих деревень не было зафиксировано подобного произношения.

Д) В середине слова перед гласным: овѣц, обновáжываў, б'ес корóвы н'е жывáл'и; ф Корóвино, кровáткѣ, убáвил'ѣ, Ивán Ст'епáнович', п'át' п'ѣрвых клáссов, головолóмк'и, продавáла, сѣмовáр, говóр'át, на с''ѣвер'е, не бáловал'и, п'ѣрвый, половикóф, свѣжеш (свяжешь), фторóб áвгуста, нѣ Евгрáфовых похожа, навѣр'х, острóвом, набиwáют, ес' двоју'роднáя с'истрá, д'ѣверь, оwdовѣла, б'ѣлово, ц'óрново.

Е) В начале слова употребление [w] на месте [в] ограничено. Зафиксировано всего несколько слов, в которых встречается подобная замена. Следует при этом отметить, что частотность такого произношения слов очень высокая. Примеры: wót, wál'енк'и, wóc'ем, wc'ák'ий.

Необходимо сказать о том, что замена [в] на [w] встречается в речи информантов в пределах одних и тех же тематических групп. Для каждой части Кирилловского района можно определить ядро и периферию такого лексического поля. Слова, в которых на всей территории района встречаются диалектные реализации (замена [в] – [w]), следующие: *девки, вот, дров, коров, деревня*.

Следует заметить, что на всей территории Кирилловского района Вологодской области наблюдается позиционная мена согласных [в]/[ф] в соответствии с нормами современного русского литературного языка: [ф]сѣх *этих*, дѣ[ф]ки, дерѣ[в]ню, пять километр[ф], де[в]ок-то много, [в]месте, [ф]торой, [ф] коухозе, клюк[в]у, да[в]али, [в] Моск[в']е искать, с[в']оклу, от[в']ѣрстие, с [в]одой, нѣ[в]о [в]арѣли, коро[в]а, о[ф]ц'и. Количество случаев литературного произношения (в его региональном варианте) варьируется в зависимости от населённого пункта. Например, в с. Фералонтово нормированное произношение преобладает, а в более отдалённых от административных центров населённых пунктах диалектные и кодифицированные варианты функционируют синхронно в речи старшего поколения. Именно старшее поколение лучше сохраняет в своей речи языковые традиции говора.

Интересен тот факт, что при употреблении слова *церковь* на всей рассматриваемой территории встречается твёрдое произношение последних согласных: *цѣркава, цѣрквы, цѣрко[ф]*.

Замена предлогов у – в. В живой речи населения на всей территории Кирилловского района спорадически наблюдаются замены предлогов у – в. Как правило, данное явление встречается в беседах со старшим поколением, у молодых оно почти отсутствует. В процессе многократного прослушивания записей живой речи были выявлены единичные случаи диалектного употребления в центральной и южной частях Кирилловского района: *ѹ д'ер'евн'ах-то, ѹ л'иесѹ, ѹ Попѡвк'е, ѹ потоѹк'ѣ*.

На севере и северо-востоке изучаемых территорий такое произношение более частотно и встречается у лиц не только старшего, но и среднего возраста. В настоящее время функционирование предлога *в* на территории Кирилловского района большей частью соответствует литературной норме.

Качество и функционирование аффрикат. На современном этапе развития русских народных говоров употребление аффрикат разнообразно, даже в пределах одного региона можно встретить различные случаи употребления этих звуков. Историки языка утверждают, что совпадение [ц'] и [ч'] в одном звуке – одна из древнейших языковых черт. В отличие от других диалектных явлений цоканье встречается в памятниках письменности, относящихся к отдельным регионам, начиная с XI века. Особенность цоканья заключается в том, что данная диалектная черта встречается и на территории, где распространено севернорусское наречие и где – южнорусское. В некоторых регионах

наблюдаются «белые пятна» – ареалы, где это явление отсутствует. В процессе работы над составлением «Опыта диалектологической карты в Европе» эта особенность была отмечена и констатирована как факт [Орлова, 1959: 5].

В исследованиях Д.К. Зеленина, посвященных живой речи деревенских жителей Белозерского и Кирилловского уездов, приводится ряд слов, свидетельствующих о наличии мягкого цоканья, ранее распространённого в этой местности [Зеленин, 1913: 507–508]. Однако цоканье в фундаментальном труде Д.К. Зеленина не являлось предметом детального рассмотрения, поэтому, к сожалению, невозможно точно определить границы территорий, где встречалось данное явление в XIX в. Только последующие наблюдения и созданные позднее описания русских народных говоров дают более чёткую картину распространения и функционирования аффрикат на данной территории.

С 1946 г., когда стали активно собираться данные для создания Диалектологического атласа русских народных говоров (далее – ДАРЯ), вопросу о функционировании аффрикат в русских говорах уделялось особое внимание, детальное изучение материала сопровождалось его картографированием.

В научной литературе, посвященной описанию фонетических диалектных черт, отмечается, что устойчивость таких особенностей может быть различной, степень изменений зависит не только от социально-лингвистических характеристик, но и от фонологической и артикуляционной базы говора. Цоканье рассматривается как неустойчивый элемент диалектной фонетической системы. Отход от цоканья – это специфический процесс, гиперкорректизм, свидетельствующий «об активном участии языкового сознания говорящих в процессах языкового развития» [Кузнецова, 1975: 143].

А.М. Кузнецова отмечает, что диалект подвергается не только влиянию внешних условий (например, воздействие литературного языка), но и внутренних факторов, которые определяют специфику диалектной системы и степень её устойчивости. Диалектные явления, контрастирующие с литературной нормой и являющиеся непрестижными для современных носителей говора, перестраиваются, изменяя всю систему в целом. В число подобных явлений входит цоканье – неразличение аффрикат [и] и [ч]. Особо подчёркивается, что «эти особенности обычно оказываются слабоустойчивыми при воздействии с литературным языком и быстрее подвергаются преобразованию» [Кузнецова, 1975: 139]. Действительно, цоканье и чоканье – яркие фонетические явления, на которые обращают внимание все, а не только

лингвисты. Сами деревенские жители, те, кто не является носителем этой диалектной черты, нередко отмечают в беседе, что "там говорят не по-нашему", "красиво так говорят", "чирикают".

В.Г. Орлова в своём фундаментальном труде «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров» подчёркивает, что изучение функционирования аффрикат позволяет проследить историю развития говора. Чёткие изоглоссы, очерчивающие ареал функционирования диалектных явлений, представленные на лингвистических картах, отражают передвижение и расселение групп восточных славян в процессе истории [Орлова, 1959: 17].

На территории Кирилловского района Вологодской области отмечены различные варианты функционирования [ц] и [ц']. В.Г. Орлова, описывая диалектный язык Вологодской области в середине прошлого столетия, отмечала наличие большого количества параллельного сосуществования цокающих и нецокающих говоров. «В состав этой территории в направлении с севера на юг входят следующие районы Вологодской области: Ковжинский, Ивашкинский, *Кирилловский* (курсив наш – Н.М.), Кубено-Озерский (в этом районе вообще отмечены только нецокающие говоры), восточная часть Петриневского района, Чёбсарский (здесь также отмечены только нецокающие говоры), Мясинский, Вологодский, Сокольский, Междуреченский, Грязовецкий, Лежский...» [Орлова, 1959: 27].

Материалы, собранные в послевоенные десятилетия, дают достаточные основания выделить территорию северо-востока русских народных говоров как ареал распространения мягкого цоканья. Анализ карты «Границы между говорами с различным употреблением аффрикат в сочетании с границами между «землями» второй половины XII – первой половины XIII вв.» (см. [Орлова, 1959]) показывает, что восточная и северо-восточная части современного Кирилловского района в этот период находились на территории исторической Ростово-Суздальской земли. Остальные земли входили в состав Новгородского княжества. Вероятно, влияние древних диалектов привело к тому, что в одном и том же регионе наблюдаются различные диалектные черты. Происходит взаимовлияние и смешение диалектных особенностей.

Материалы лингвистических карт ДАРЯ – № 47 «Различение или совпадение согласных на месте [ц] и [ц']», № 46 «Согласный на месте [ц]», № 45 «Согласный на месте [ц']» – дают этому подтверждение: на территории Кирилловского района наблюдаются стыки изоглосс, очерчивающих границы распространения отдельных диалектных черт. На сравнительно небольшой территории были отмечены следующие

явления: мягкое и твёрдое цоканье, местами мягкое чоканье (все явления могут встречаться в единичных случаях). Однако карты дают лишь приблизительное представление, точно очертить границы распределения диалектных явлений возможно только при более подробном изучении живой речи местных жителей.

Анализ собранного нами диалектного материала показывает, что в Кирилловском районе и сейчас можно выделить территории распространения мягкого или твёрдого цоканья. Говор деревень северной, восточной и юго-восточной частей изучаемого региона характеризуется наличием мягкого цоканья: *бл'уд'ец'ко*, *н'иц'ó* (ничего), *истолц'ом* (истолчём), *поц'ему-ть*, *луц'це* (лучше). Следует отметить, что наиболее последовательно мягкое цоканье встречается в речи жителей «обособленных» деревень, наиболее удалённых от центра (например, Сусла, Коротецкая, Печеньга). Язык жителей таких населённых пунктов естественным образом «консервируется», яркие диалектные особенности встречаются в речи не только старшего, но и среднего поколения. Сами носители говора не считают такое произношение «неправильным». В то же время жители соседних деревень замечают столь яркое функционирование диалектных явлений.

Функционирование [ц'] не ограничено в употреблении морфологической структуры слова: мягкий согласный [ц'] встречается в любых формах и в различных морфемах, а также на стыке основы и суффикса.

Например, в именных образованиях: *ц'асы'*, *м'ац'иком*, *гост'инц'и*, *н'итоц'кьми*, *д'эвоц'к'и*, *з'емл'ан'иц'и*, *стър'иц'коф*, *кос'иц'к'и*, *собац'кь*, *пáлоц'ку*, *в'иц'ер'инк'и*, *ц'óрт*, *быц'ка*, *п'ат'ц'асов*, *ц'ай*, *дбц'кь*, *руц'к'и*, *ноц'*, *суц'ја* (сучья), *два́ језыц'ка*, *отц'óты*, *с'естр'иц'кь*, *ц'ерда́к*, *зънав'эсоц'кой*, *с луц'иной*, *ф п'ец'ку*, *р'ец'* (речь) *гоор'ил*, *в'ец'ер'инк'и*, *з ды'роц'кьм'и*, *күроц'ек*;

а также в формах имён прилагательных: *бога́ц'е*, *ц'óрново* (чёрного), *сл'ивоц'ноје*, *ц'истой*;

в глагольных словоформах: *ко́нц'илас'*, *око́лац'ивъл'и*, *истолц'ом*, *вы'ц'итъл*, *полу́ц'ицъ*, *накола́ц'ивъл'и*;

в наречиях: *снац'ала*, *ц'áсто*, *ны'нц'е*, *оц'ен'*, *сец'ас* (сейчас), *вруц'нују*;

в местоимениях: *н'иц'ó* (ничего), *н'ец'ево* (ничего), *ц'ó* (что), *ц'евó* (чего), *ц'ó-н'ибут'*, *поц'ему-ть*;

в числительных: *ц'э́тв'еро*, *ц'э́тв'óртый*.

Интересно, что распространение мягкого цоканья не имеет ограничения в пределах лексико-тематических групп или морфологиче-

ских характеристик слов. Примеры употребление этой диалектной особенности в материалах, собранных в середине XX века, разнообразнее и, как отмечают В.Г. Орлова и Л.Л. Касаткин, встречаются в речи практически всех жителей региона, в котором распространено данное явление. При сборе материалов для ДАРЯ было замечено: мягкое цоканье сосуществует с чоканьем, но употребление твёрдого [ц] отсутствует.

По нашим наблюдениям в настоящее время в речи жителей деревень Кирилловского района чоканье почти не встречается. Только в деревне Лобаново (северная часть Кирилловского района) было зафиксировано произношение: [а кúроц'ек дáк ч'úна – ч'úна подзывáјеш]. Возможно, это следы чоканья, ранее функционирующего на этих территориях. Мягкое цоканье встречается только у жителей старшего поколения и у людей, имеющих преимущественно начальное образование или неграмотных. Те, кто получил дальнейшее образование (как правило, средне-специальное) или сезонно проживает в другой местности, не имеют яркого употребления мягкого [ц']. В речи таких информантов наблюдается либо произношение, соответствующее литературной норме, либо частичное употребление слов с мягким [ц'] (большей частью в именных формах). А вот употребление [ч'] в основном соответствует литературной норме: [ч']ай, [ч']еловéк, дéво[ч']ка, тел'óно[ч']ек, [ч']étверо, знá[ч']ит, молó[ч']ный, электрú[ч']кой.

Многократное прослушивание записей живой речи, собранных в западной и центральной частях Кирилловского района (с. Ферапонтово и близлежащих деревнях – Яршево, Кньпшево, Усково, Щёлково, Теряево, Глебовское, Нефедьево, Акулово, Родино, Мыс) показывает, что здесь ранее было распространено твёрдое цоканье, которое в настоящий момент встречается лишь sporadически. Большинство проживающих употребляют аффрикаты в соответствии с литературной нормой. Вероятно, это связано с активным влиянием литературного языка в данной местности. Ферапонтово – мощный культурно-исторический комплекс, который ежедневно посещает огромное количество туристов из разных стран. Ежегодно туда приезжают специалисты и люди творческих профессий, историки, художники, культурологи. Почти всё население села занимается обслуживанием музея и сохранением культурных ценностей. Администрацией музея организована работа с молодёжью с целью передачи культурного наследия будущим поколениям. Как следствие, идёт активный процесс размыш-

вания диалекта, ухода из живой речи ярких фонетических черт, контрастирующих с литературной нормой.

Ранее цоканье (твёрдое и мягкое) было широко распространено на территории Кирилловского района Вологодской области. Материалы карт ДАРЯ № 45, 46, 47 подтверждают эти наблюдения. Данные, собранные в пятидесятые годы прошлого века, говорят о том, что здесь наблюдалось произношение [ц] и [ч], соответствующее литературной норме, а также цоканье (твёрдое и мягкое). В настоящее время происходит сужение ареала диалектного функционирования аффрикат на этой территории, уступая место нормированному произношению. Только в отдалённых районах у жителей старшего поколения ещё сохраняются указанные диалектные черты.

Следует отметить также, что в настоящее время невозможно определение чётких границ, отделяющих ареалы распространения твёрдого и мягкого цоканья. В некоторых (наиболее удалённых от центра) населённых пунктах архаичное произношение сохранилось у большинства жителей. Историки и лингвисты отмечают, что мягкое цоканье – особенность древнего новгородского диалекта. Можно сказать, что до наших дней сохранилось произношение, свойственное языку далёкого прошлого. Но очевидно, что диалектные особенности уходят, стираются в результате влияния литературного языка.

Качество свистящих звуков. На рассматриваемой территории наблюдается различное произношение свистящих звуков. Реализации фонем <с>, <с'> и <з>, <з'> неодинаковы в пределах этого административного района: в некоторых частях произношение приближено к литературной норме, в других – широко встречается диалектное употребление.

Качество глухих свистящих. Анализ диалектного материала, собранного в восточной и северной частях Кирилловского района, показывает: в речи местных жителей встречается различное функционирование глухого свистящего [с]. Произношение твёрдого глухого свистящего согласного [с] преимущественно соответствует литературной норме: *со́коу, послáт', просóх, соххóз'е – то, косы́'нк'и, засол'и́ш (2 лицо, ед.ч.), зь колбасóй, насышáт, кап'усты, стóја, вы'сохн'от, сорт'ировáл'и, с'усло-то, п'ёску, ньсол'и́л-то, л'ёс, масл'áть, ть скóтн'е, стар'ухьм, свáд'ен ја н'е пóмн'у.*

В беседах с информантами нам встретился шепелявый согласный [с^ш] или [с''] на месте мягкого глухого свистящего [с']. Фонетисты говорят о том, что шепелявость – очень мягкое произношение согласного, нечто среднее между мягкими звуками [с'] и [ш']. В научной

литературе отмечается, что «шепелявые свистящие представляют собой реликт иноязычной подосновы русского языка» [Аванесов, 1949, I: 136]. Шепелявый свистящий [с'] известен в других русских говорах. Р.И. Аванесов подчёркивает, что шепелявые свистящие сохранились на некоторых территориях Псковского края. При этом учёный отмечает, что звуки [с'] и [з'] в прошлом были широко распространены в диалектной системе русского языка.

В настоящее время признак шепелявости свистящих согласных распространён в Вятском крае и в Сибири, в среднерусских говорах Поветлужья, а также в Рязанской области. Непоследовательное употребление шепелявых согласных в соответствии мягким свистящим – одна из особенностей Белозерско-Бежецких межзональных говоров северного наречия [Захарова, Орлова, 1970: 120]. А.И. Сологуб считает, что произношение шепелявых звуков в соответствии с [с], [з] – инновация позднего, обособленного развития диалекта Вологодского края [Сологуб, 1970: 43].

Своеобразие говоров восточных и северо-восточных территорий Кирилловского района состоит в том, что шепелявый [с'] встречается в разных позициях:

А) перед гласными, в том числе и перед старым <h>, реализующимся в настоящее время в дифтонгическом сочетании [иe]: с'у'ено, с'эна, с'уем (сеем), ўс'о, с'эм'ьро, с'ициу (ситиу), с'емна́цат', с'ерух'и, с'эрые, фс'о, на пэнс'иу, совс'эм, с'инн'ик, с'ер'едá (кухня), с'и́ротá, с'ес'трóй, с'јиз'д'ил (съездил), с'у́лу, фс'ивó (всего), от'с'ид'эла, зь конс'э́рвам'и, кос'у́ц'к'и, на Рус'и́, из Новос'о́лок, на с'у́в'ер'е, ун'ив'ерс'ит'эты, с'и́жy, п'ат' б'ес'э́т, до шес'с'ид'ес'áтоо гóду, нам'эс'им, по вос'емна́ц'ц'ат' л'эт, с'ем'ја́, в'ес'ело, с'а́хару, пр'ин'ес'о́т, к'ерос'у́н сáм'и нос'у́л'и, с'ел'сов'э́т'е, с'а́м'и, ко́с'ит, относ'у́л'и, ў гúпс'е, до с'и́х по́р, ус'эм'трудно' было́, з'ус'и;

Б) в постфиксах возвратных глаголов: жен'у́с'а, вы'сто́ја́йс'а, достá́йс'а, б'еспоко́у́с'а, оказа́йс'а мужы́к, уч'у́с'а, об'е́рн'о́мс'а, пожа́р-то з'д'э́лалс'а;

В) перед мягкими согласными: с'н'и́мáл'и, мас'л'áтъ, и́с'т'и (есть, кушать), п'эс'н'и, п'эс'н'ам'и, пос'п'и́т' (поспеть), с'в'э́рху, мэс'т'ь, кр'ес'т'áт, с'в'э́т, с'п'áт, с'м'етáнъ, с'в'э́ц'к'и́й, с'т'огáт' (стегать, шить), с'п'е́рвá;

Г) на конце слова: мо́лодос'', прихóди́лос'', кудá фс'о д'е́вáлос'', э́с'' (есть), в'э́с'', род'и́лáс'' дак.

В речи информантов, проживающих в д. Клеменево (восточная часть Кирилловского района), были зафиксированы следующие реализации звука [с]: [с], [с'], [ш]: *пóшнич'ајут – пóсноје – поста, собирајемс'а – шоб'ирајемс'а, с'ем'ја*. Такие примеры эпизодичны, круг подобных слов лексикализован. Задача диалектологов – фонетистов и лексикологов – объединить усилия и стараться зафиксировать как можно больше слов, в которых прослеживается то или иное фонетическое явление.

Необходимо сказать о том, что материалы карты № 64 ДАРЯ «Диалектное произношение мягких переднеязычных *т, д, с, з* (I), мягкие шепелявые согласные на месте *ч и ц* (II) » (вопросы программы №№ 56, 60) свидетельствуют о распространении шепелявых свистящих в середине XX века в восточной, северо-восточной и частично юго-восточной частях Кирилловского района. В настоящее время ареал распространения данного явления значительно сузился под влиянием литературного языка.

Качество звонких свистящих согласных [з] и [з'] в живой речи жителей Кирилловского района Вологодской области, как правило, соответствует литературной норме: *созов'ут, вывоз'іл'и, з'амуш, отв'ез'ац'ь, розд'ил'іл'и, з'ьд'ерж'ал'ис'*. Но наряду с указанным произношением наблюдается и специфика в употреблении звонкого свистящего согласного [з]. Случаи диалектного употребления [з'] встречаются только **в позиции перед гласными переднего ряда**: *з'им'овка, з'ім'у, воз'іл'и, с'в'из'іс'т-то, з'ерно, коўх'оз'е*.

В речи жителей некоторых населенных пунктов (д. Петровское, восточная часть Кирилловского района, а также в д. Коварзино – северная часть указанной территории) встретилось произношение [з'] – *вз'а'ў* и даже замена [з] на [ж'] – *ж'м'еи*. Вероятно, в этой частной диалектной системе ранее наблюдалось функционирование шепелявого [з'], однако со временем под влиянием литературного языка утратилось быстрее, чем функционирование [с']. В настоящее время [з'] большей частью встречается в слове «зерно».

Варианты [жм'еи] и [з'м'еи] на севере района были отмечены чаще, чем на восточных территориях. Возможно, это связано с тем, что в северной части Кирилловского района Вологодской области больше обособленных деревень. Таким образом, говор в таких населённых пунктах консервируется, дольше сохраняя архаичные черты. В настоящее время эти особенности утрачиваются не только под влиянием литературного языка, но и в связи с исчезновением дере-

вень, уходом старшего поколения, являющегося хранителем прежних диалектных особенностей.

Записи живой речи, сделанные в округе с. Ферапонтово (центральная часть Кирилловского района), свидетельствуют о следующем: употребление свистящих [с], [с'] и [з], [з'], соответствующее норме русского литературного языка, преобладает над диалектным. Только в пяти населённых пунктах в речи местных жителей sporadически встречается произношение [с'']. Это деревни: Мыс, Захарьино, Кнышево, Погорелка, Родино, которые удалены от центра – с. Ферапонтово. Частотность употребления [с''] в живой речи незначительная. Необходимо сказать о том, что информанты либо несколько лет проживали в городах, либо имеют полное среднее образование и часто выезжают в культурные центры Кирилловского района. Вероятно, в связи с этим диалектные особенности в произношении свистящих звуков в данной части Кирилловского района размыты в большей степени, чем в других его частях.

Таким образом, в современных говорах Кирилловского района Вологодской области в соответствии с фонемой <с> литературного языка встречаются следующие реализации: [с]; в соответствии с фонемой <с'>: [с'] [с''], [ш].

Реализации звонких свистящих фонем представлены вариантами: <з> – [з], <з'> – [з'], [з'']. В большинстве случаев наблюдается соответствие литературной норме русского языка. Следует отметить, что в разных частях Кирилловского района функционирование свистящих согласных неодинаково: в деревнях восточной и северо-восточной частей Кирилловского района диалектное употребление свистящих встречается чаще, чем на других территориях.

Шипящие согласные. В древнерусском языке, как известно, шипящие звуки были мягкими согласными, и только к XIV – XV вв. они отвердели. Процесс отвердения – длительный период, в некоторых говорах рефлекс мягких шипящих встречается до настоящего времени как реликтовое явление. Л.Л. Касаткин пишет: «Однако до сих пор в русских говорах известно произношение мягких щелевых шипящих, причём перед гласными [и, е] мягкие [ш', ж'] встречаются чаще, чем в других позициях, что свидетельствует о том, что отвердение шипящих раньше происходило перед гласными непереднего ряда и позднее перед [и, е]» [Касаткин, 1999: 360–361].

Произношение шипящих согласных в говорах Кирилловского района имеет свои отличительные особенности. Анализ записей живой речи жителей этой территории свидетельствует, что варианты

реализаций шипящих различны. Звонкий шипящий [ж] произносится твёрдо в соответствии с общерусским звучанием: *жы'л'и, кáм'енны́е жырно́ва, службы'ў ф кáждом дóм'е, н'е с'ержу́с', од'óжы, ржы, жен'и́ўс'а, два́ мужыка́, то́же, ба́ржы, н'е нужны́, б'ежа́т', ло́жец'ку, пожылы́'е, бо́жый хра́м, чужы́'х, пр'ижыма́т', на ка́жрый пра́з'н'ик, молод'óжы мно́го, то́жо, жа́л'и, пожыла́, посажо́ны.*

В большинстве случаев глухие шипящие употребляются в соответствии с литературной нормой: *ро́ш, на́шн'а, уша́т, ка́шы навар'иш, волну́шк'и, ма́тушка, штаны́', шла́, горик'и́, кон'ёшно, за́муш, п'ешко́м, прои́ш'и, карто́шка, згоноша́т (сделают быстро), шыроко́ отм'еча́л'и, п'ер'ешла́, пушн'ину́, тушы́'т', бол'шо́й, де́душко, ба́рышн'у.*

Глухой твёрдый шипящий встречается в следующих позициях:

А) в начале слова: *[ш]éс' (шесть), [ш]л'у́зы – то, [ш]есна́цат л'ёт;*

Б) в глагольных флексиях форм второго лица единственного числа: *вы'сти́ра[ш], одева́[ш], ноче́[ш], наварí[ш], гляди[ш], не зна́е[ш] куды́' и дева́цца, понима́[ш], зна́[ш] чевó, послу́ша[ш], ро́[эш], живе́[ш], хóди[ш], поста́ви[ш], вы'кати[ш], подыма́[ш], знаё́[ш], не мо́[ж]о[ш], пи[шо́ш] (пишешь), оформ'иру́[эш], зап'исыва́[эш];*

В) в середине слова: *постáр[ш]е, по[ш]ыка́рн'ей[ш]е, бо́л'[ш]е, ран'[ш]о, новы́'[ш]е.*

В говоре жителей деревень восточной и северо-восточной территорий Кирилловского района Вологодской области в соответствии с [ш] литературного языка спорадически встречается в позиции перед гласными переднего ряда мягкий шипящий [ш^с] или [ш']. Для речи жителей этих населённых пунктов характерно периодическое смешение звуков [с] и [ш]. Как правило, информанты произносят некий средний (шепелявый) звук, как на месте свистящего согласного, так и на месте шипящего.

Были выявлены следующие случаи функционирования данного явления: *ш''эс', ш''ес'д'ес'áт, на́ш''е.* Следует отметить, что функционирование шепелявого шипящего весьма ограничено. В записях живой речи, сделанных в д. Рюхино и с. Волокославино встретилось произношение *[ш'ин'эл'], [хорóш'еje].*

Диалектные данные, собранные в середине прошлого столетия для составления карт ДАРЯ, показывают наличие мягких, полумягких и шепелявых шипящих [ш'], [жс'], [ш'], а также функционирование звука [з'] на месте шипящих в южной части Кирилловского района Воло-

годской области, а также на пограничных северо-восточных, восточных и юго-восточных территориях района (карта ДАРЯ № 63 «Мягкие звуки в соответствии с *ш*, *ж*», вопрос программы № 55). Возможно, шепелявые (а также мягкие и полумягкие) шипящие занимали и другие ареалы, однако вся территория Кирилловского района в то время не была подробно исследована в этом аспекте и это не нашло своего отражения в атласе.

В настоящее время фонема <*ж*> реализуется в согласном [*ж*], соответствующем литературному языку; фонема <*ш*> представлена следующими фонетическими вариантами: [*ш*], [*ш'*], [*ш''*]. Необходимо отметить, что реализация [*ш'*] – раритетное явление; а [*ш''*] наблюдается преимущественно в речи старшего поколения.

Взаимодействие свистящих и шипящих согласных, наряду с цоканьем, – самая яркая, с точки зрения лингвистов (Аванесов Р.И., Горшкова К.В., Орлова В.Г., Касаткин Л.Л.), диалектная черта, вносящая существенные изменения в фонологическую систему говора в процессе его развития. В диалектном языке происходила трансформация в системе оппозиций согласных фонем: изменялся набор дифференциальных признаков и возможность сочетания гласных и согласных звуков. Историки языка и диалектологи связывают возникновение в русских говорах цоканья и смешения свистящих и шипящих согласных с воздействием языка (или языков) с фонетической системой, включающей только свистящие согласные (например, финские или балтийские). Современные исследования в области экспериментальной фонетики на базе русского и европейских языков дают основания для создания классификации согласных, в которой свистящие и шипящие объединены в одну группу. «По интенсивности шума фрикативные согласные отчётливо делятся на два класса: сибилантные (свистяще-шипящие) типа русских [*с*], [*з*], [*ш*], [*ж*] и все остальные» [Кодзасов, Кривнова, 2001: 175]. Прежде всего, это связано с самой природой этих согласных, а именно с характером шума, который образует данные звуки.

Долгие шипящие. Тщательное изучение рукописных текстов XIV в. позволило лингвистам сделать вывод о том, что долгие шипящие [*ш'ш'*] и [*ж'ж'*] были мягкими. Они могли функционировать в речи в следующих вариантах: [*ш't'ш'*], [*ж'д'ж'*], а на некоторых территориях – [*ш't*] и [*ж'д*]. К.В. Горшкова говорит о том, что в период XIV – XV вв. в новгородском говоре «лабиовелярность ещё не была связана с системой согласных» [Горшкова, 1972: 89]. В системе

консонантизма того времени противопоставленность согласных по признаку «твёрдость – мягкость» была развита недостаточно.

Р.И. Аванесов отмечает следующую особенность долгих шипящих в русских народных говорах: «в пределах одного и того же говора их произношение часто очень неустойчиво: например, может быть очень различной степень мягкости: их произносят мягко и полумягко или полумягко и твёрдо, а также без взрывного элемента (например: *ш'ш'*) и с взрывным элементом (например: *ш'ч'*)» [Аванесов, 1949, I: 129].

Материалы карты № 52 ДАРЯ «Звонкие долгие шипящие и их соответствия» (вопрос программы № 38) показывают, что на территории Кирилловского района в середине XX в. наблюдалось твёрдое произношение [жжж] в словах типа е[жжж]у, во[жжж]и. Только на северной границе встречался мягкий долгий шипящий [ж'ж']. В настоящее время отмечены следующие случаи употребления долгого твёрдого звонкого шипящего: *дро[жжж]ёй* (Ферапонтово), *дро[жжж]и* (Кнышево), *дро[жжж]ёчек полбжыиш* (Чеваксино). Случаев употребления мягкого долгого звонкого шипящего не наблюдается.

Карта ДАРЯ № 48 «Глухие долгие шипящие и их соответствия не на стыке морфем» (вопрос программы № 36 «а») отражает специфику реализаций долгих шипящих и их территориальное распространение в середине прошлого века. Были зафиксированы варианты: [ш'ш'], [ишш], [ишч]. В современных говорах Кирилловского района на месте литературного *ш* произносится долгий твёрдый глухой шипящий [ишш]: *вар'ат п'ишшу* (Ферапонтово), *насто'яшшый* (Ферапонтово), *насто'яшшо* (Кнышево), *обр'ёжут гол'ен'ишша-то* (Ферапонтово), *картошка н'е прор'ошшена*, *кладб'ишшо* (Кнышево), *водохран'ил'ишшъ* (Кнышево), *мушшы'ны*, *жéнишшыны*, *выр'ашишывал'и* (Рюхино), *ишболоком*, *отишжы'т'ије* (Мыс), *расишшы'тывас'с'а*, *п'омошшы*, *м'ошшинују т'эхн'ику*, *о'вошшы*, *с насто'яшшым* (Ферапонтово), *выр'ашишывал'и* (Рюхино), *кл'еишшй* (Кнышево), *норм'ироф'ишшыком* (Кнышево), *прошшай* (Мыс), *ишш'у* (Мыс), *робот'ашишый* (Коровино), *нашшып'ајут* (Коровино), *компр'ёсоришшыкоў* (Левково), *ишш'учк'и* (Левково), *запр'еишш'оно ўс'о* (Левково).

Долгий мягкий шипящий встречается преимущественно в речи более молодых информантов: *јаш'и'иш*, *таш'и'иш*, *насто'яш'и'иш*, *иш'и'иш'у*, *и'и'иш'ёл'*, *кладб'иш'иш'е*, *и'и'иш'јка*, *товар'иш'иш'и*, *вэш'и'иш*.

Особо следует сказать о произношении слова *женщина*. В большинстве случаев оно произносится (как уже было указано выше) с долгим твёрдым глухим шипящим – [жéнишшына], однако было за-

фиксировано и другое произношение данного слова – жé[нч]ины. Сочетание [шч] встретилось только в слове *щи* [шч'и] на рассматриваемой территории. Подобное произношение в настоящее время является спорадическим, хотя в XIX веке было преобладающим.

Качество бокового сонорного латерального согласного. По данным Диалектологического атласа русского языка (карта № 61 «Диалектные замены л твёрдого» в соответствии с вопросами программы №№ 48 и 49) на территории Кирилловского района наблюдались случаи различного произношения на месте [л]. В 50-е гг. XX столетия были зафиксированы замены [л] на [й] в середине и на конце слова: *во[й]к, па[й]ка, до[й]го, поше[й], уна[й]*. В некоторых частях района были выделены ареалы распространения *l* – «среднего», европейского в различных позициях.

Замена [л] на [й] и наличие в говорах *l* – европейского – специфика древнего новгородского диалекта: «на территории, генетически связанной с говорами новгородского диалекта, с путями ранней новгородской колонизации, проходят изоглоссы конечных отвердевших губных, мены [л] или [l] на [й]» [Горшкова, 1972: 87].

Современные наблюдения над говорами Кирилловского района и анализ диалектных текстов, собранных и записанных в этих местах спустя несколько десятилетий, показывают, что на данной территории встречаются различные реализации <л>.

А) На конце слова наблюдается замена [л – й]: *жы'й, куп'и'й, ув'о'й, забы'й, ф' С'око'й, го'лот бы'й, ста'в'и'й, са'м не вар'и'й, в'и'но потр'ебл'а'й, нав'е'ша'й, пр'и'ш'о'й с вой'ны', не п'ер'еход'и'й, шы'й бра'т м'ен'ша'к, б'и'й, по'е'ха'й, по'ш'о'й, уш'о'й да и не'т, ра'бо'та'й, спа'й, вз'а'й, подп'и'са'й же'му, па'па не п'и'й, за'бол'е'й, пр'и'глас'и'й, уц'и'й, по'й – то, д'е'я'й, у'го'й, шо'й.*

Б) В суффиксах глаголов прошедшего времени употребляется [й]: *жен'и'йс'а, уц'и'йс'а, воз'и'йс'а, ост'а'йс''а, соб'и'ра'йс'а, дост'а'йс'и (достался), прожы'с'а, з'д'ел'а'йс'а, род'и'йс'а, т'ан'у'йс'а, ост'а'йс'а, назы'ва'йс'а.*

В) В середине слова на месте твёрдого [л] встречается [й]: *йо'й'и, па'й'ка, м'а'й'ка (мялка), до'й'го, ко'й'х'о'с, исто'й'ку'т, пр'а'й'ка, сто'й'б'ан'ка, уго'й'к'и, сто'й'п, во'й'к, нос'и'й'к'и, жо'й'г'и (баловники), хо'й'ст'ана'а, вы'с'е'й'к'и, хо'й'ст'и'нь.*

Г) Перед гласными наблюдается произношение [l] европейского на месте [л]: *ход'и'ла, каб'лу'ц'о'к, не прода'й'ала, т'е'сно ста'ло, ис'толба', дол'г'и, ф'шко'лу, клу'бо'ц'ек, тр'е'на'ло, уц'и'ла, кан'и'ку'лы, б'е'ль'е, лов'и'л'и,*

вы'шлa зáмуш да и фс'о, былá, golodát', úбыло, пр'úбыло, дóўго шлá, мо́лку не стáло, мо́лод'ен'к'и́е.

Д) Функционирование [л], [л'] в соответствии с литературной нормой: *ходí[л']и, покупá[л']и, [л]адóшку, [л]аптá, н[л]óтный, н[л']е[л']ú, катá[л']ись, за[л']еденéет, мáс[л]a нé бы[л]о, в го[л]осовóм цехе, н[л]áнки, бó[л']ше, пропи[л']ú[л']и, вá[л']еноц'ки, уц'ите[л']á, крýг[л]a така, переп[л']етá[л']и, утеп[л']áем, на [л]ошадя'х, мо[л]око́.*

В речи жителей деревень, относящихся к Ферапонтовскому сельсовету (центральная часть Кирилловского района), употребление вариантов, отличных от литературной нормы, встречается меньше. Диалектное произношение встречается у лиц преклонного возраста или у тех, кто занимается сельскохозяйственными работами. В собранном нами материале встретились такие случаи употребления сонорного:

А) на конце слова: *од'евáў, д'éлаў, пахáў, с'и'еў, н'е с'ид'ёў, кр'ес'т'иў, пр'ишиоў, даў, знаў, обно́важываў, кот'оў, бы ў, над'ў, службы ў;*

Б) в глагольных суффиксе -л- : *уч'иўс'а, жен'иўс'а, род'иўс'а, умы'ўс'а;*

В) в середине слова: *ф коўхóз'е, воўк;*

Г) *l* – европейское (зафиксировано в единичных случаях): *род'úlá, на лошад'ú, ход'úла, шлá, стáла выход'út зáмуш.*

В большинстве случаев произношения слов с [л] наблюдается соответствие литературной норме. Вероятно, речь жителей центральных территорий сильнее подвержена влиянию литературного языка. Также причиной исчезновения диалектных черт на этой территории является тот факт, что в деревнях, входящих в Ферапонтовский сельсовет, проживает большое количество дачников из крупных городов. Коренное население в некоторых населённых пунктах отсутствует совсем. Люди, родившиеся здесь, несколько лет жили в городах, а впоследствии вернулись. Поэтому резко выделяющиеся диалектные особенности в их речи стираются или исчезают совсем.

Диалектное *произношение заднеязычных согласных* было отмечено в начале XX в. Д.К. Зелениным. В своём исследовании «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» автор ставит задачу – проследить процесс постепенного распространения мягкого [к'] в различных великорусских говорах, в том числе и в говорах современного Кирилловского района Вологодской области. Отличительная черта данного явления, по мнению авто-

ра, заключается в следующем: «Уже одна обширность этой области говорит о том, что м. к (мягкий [к']) – сокращение Д.К. Зеленина) встречается в говорах не одного какого-нибудь типа, а в говорах очень разнообразных. И действительно, м. к мы видим одинаково как в говорах акающих, так и в окающих, в говорах цокающих и не цокающих, в говорах дзекающих (сицкари Моложского уезда), в говорах, в которых гласные *e* и *u* не смягчают предшествующий им согласный (полехи Калужской губ.), и т.д., и т.д. Словом, область распространения м. к не совпадает с областью распространения ни одной другой диалектической черты в великорусских говорах» [Зеленин, 1913: 1–2].

В Кирилловском уезде, по данным начала XX в., ассимилятивная мягкость заднеязычных согласных встречалась в юго-восточной его части и на восточной границе с Вологодской губернией. Зафиксировано немного слов, отражающих рассматриваемое явление на данной территории: *Парáнькя, прéницькя, руськяя, руськево, цярськей, скольке, тольке* [Зеленин, 1913: 507]. На остальной территории Кирилловского уезда мягкий [к'] не наблюдался, о чем свидетельствуют, по комментариям Д.К. Зеленина, и ответы на программы Академии. В Белозерском уезде изучаемое явление было отмечено на небольших ареалах, расположенных на юго-западе. «Из 16 сообщений о говорах разных местностей Белозерского у. только 4 указанных свидетельствуют о м. к, прочие 12 этой черты не знают» [Зеленин, 1913: 508]. Учёный считает, что функционирование мягких заднеязычных согласных в речи жителей этой местности – результат влияния говора Череповецкого уезда, где это явление было широко распространено.

Карты Диалектологического атласа русского языка №№ 66, 67 «[к'] на месте к твёрдого после мягких согласных», «Мягкие согласные на месте твёрдых *з, х* после мягких согласных» (вопросы программы №№ 51, 52) показывают: на территории Кирилловского района употребление ассимилятивной мягкости заднеязычных согласных в указанных позициях в середине XX века практически не встречается. Исследователями выделены небольшие ареалы употребления [х'] (свѣ[р'х']у, ве[р'х']ом) в пограничных районах на севере и на востоке; только на восточной границе – спорадическое употребление [к'] после звуков, выступающих на месте этимологического ч: дóч[к']а, дѣвóч[к']а и т. п. На основной части Кирилловского района ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в указанных позициях не встречается.

Л.Л. Касаткин, изучая говоры Кожуховского сельсовета Биряковского района и Слободского сельсовета Харовского района Вологод-

ской области, приходит к выводу о том, что наличие мягких заднеязычных согласных – черта, привнесённая ростово-суздальскими колонистами. «В вологодских говорах результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных распространены на той территории, где сталкивались два колонизационных потока – новгородский и ростово-суздальский. На территории новгородской колонизации, не испытавшей интенсивного воздействия ростово-суздальских говоров, этого явления нет. Таким образом, можно считать, что явление это было занесено в вологодские, новгородские по происхождению говоры ростово-суздальским колонизационным потоком» [Касаткин, 1999: 209].

В результате многократного прослушивания и анализа собранного нами диалектного материала не было выявлено ни одного случая употребления прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных в живой речи современных носителей говора. Причиной отсутствия данного диалектного явления в говорах Кирилловского района может быть утрата данной черты за прошедшие десятилетия. Значительную роль в этом играет влияние литературного языка, а также резкое уменьшение количества жителей в деревнях, исчезновение многих районных населённых пунктов. Отсутствие молодого поколения и малое количество молодёжи в современной деревне практически сводит на нет процесс передачи диалектных фонетических традиций. Естественное убывание населения приводит к размыванию диалектных черт, а в дальнейшем и к полному его стиранию. Непрестижные черты в произношении уходят, уступая место литературной норме.

1.3. Другие фонетические явления, отмеченные в говорах Кирилловского района

В процессе анализа записей живой речи были отмечены следующие фонетические явления в области вокализма и консонантизма, встречающиеся в большей или меньшей степени в различных населённых пунктах по всей территории Кирилловского района.

А) Изменение сочетания [дн] в [нн]: *онна́, онно́, ла́нно*.

Б) Переход [бм] в [мм]: *омма́н, омма́ныва́ют, омме́р'а́л, омма́ныва́т'.*

В) Утрата конечного согласного в сочетаниях [ст], [с'т'] на конце слова: *жы'с', болéс', рýп', пýс' (пусть), жéс' (есть), дás (даст), сорокоу́с (сорокоуст), мо́с (мост), мо́лодос'.*

Г) В речи жителей старшего поколения по всей территории Кирилловского района наблюдается утрата интервокального *j* и стяжение гласных: *знáэт, д'эльэ́т, мо́эт, жу́мкэ́т (жуёт), ро́эт, фстáвл'áэ́ш, фстр'еч'áэ́ццъ, зъворáч'ивэ́т, н'е лáзэ́м, бу́эт, п'ер'еэ'хъл'и, вы'моэ́ш, нъэ́жжáэ́т, пострóэн, нъывáэ́ццъ, рáзноэ, фс'áк'иэ, над'эльэ́т, густóэ, нав'éшывэ́т, накрóэш, кидáэш, п'ер'езр'éэ́т, робóтэ́т, п'ер'иб'ерáш.*

Д) Перестановка звуков в слове *глина*: [в нáшэй д'ер'éýн'е гл'íну до с'íх пор гн'íлой зовúт] (д. Лобаново, северная часть Кирилловского района).

Необходимо сказать о том, что перечень слов, отражающих диалектное произношение, является небольшим. Один и тот же вариант диалектного функционирования лексемы отмечается в разных населённых пунктах.

Данные особенности характерны для севернорусского наречия. Следует отметить, что такие фонетические явления в настоящее время являются раритетными. В речи жителей населённых пунктов, близких к районному центру, они почти не встречаются, тогда как в отдалённых деревнях можно услышать диалектное произношение.

Необходимо сказать о том, что эти явления могут встречаться в речи людей часто выезжающих в город, и, наоборот, отсутствовать у тех, кто постоянно находится в диалектной среде. В прошлом такие фонетические явления были широко распространены на территории Кирилловского района Вологодской области. В настоящее время они встречаются в редких, единичных случаях, исчезая под влиянием литературного языка. Таким образом, можно говорить о том, что за последние десятилетия произошло сужение ареалов этих особенностей.

В результате анализа диалектных текстов, собранных во время полевых экспедиций, можно выделить следующие специфические черты, функционирующие в говоре в настоящее время:

А) наличие оканья, еканья, иканья и ёканья;

Б) употребление [w] на месте [в]/[в'];

В) распространение твёрдого и мягкого цоканья и исчезновение чоканья;

Г) частотное употребление долгих твёрдых шипящих, шепелявых звуков [с''] и [ш''];

Д) на месте бокового сонорного латерального согласного [л] в говорах Кирилловского района можно услышать [л], [ɭ], [ʎ].

Изучение живой речи свидетельствует: на территории современного Кирилловского района Вологодской области сосуществуют реализации, характерные для прошлого состояния ростовского и новгородского говоров. Фонетические особенности, определявшие специфику древнего ростовского говора, в настоящее время встречаются на восточных и северо-восточных территориях (например, билабиальный [w]); на западе, юге и в центральной части в большей степени функционируют особенности, характерные, по мнению историков языка, для древнего новгородского диалекта (например, цоканье). Следует сказать, что новгородское влияние оказалось устойчивым в большей степени, чем ростово-суздальское. Эти черты лучше сохранились в говорах до наших дней.

§ 4. Природа глазами жителя Кирилловского района (на материале лексики говоров)

Горожанин и сельский житель воспринимают природу по-разному. Это объясняется тем, что в их повседневной жизни различаются степень соприкосновения с растительным и животным миром, степень влияния климатических и ландшафтных особенностей местности на хозяйственную деятельность и т.п. Для сельского жителя природа играет огромную роль. Так, состав почв, увлажнённость, продолжительность тёплого времени года определяют возможность выращивать те или иные сельскохозяйственные культуры, от наличия водоёмов и их фауны зависит существование в деревне рыбного промысла и т.д. Несовпадение восприятия природы городским и сельским жителем отражается в языке, о чём свидетельствуют многочисленные исследования русских говоров (Вендина; Радченко, Закуткина; Демидова; др.). Так, для картины мира носителей диалектов характерны естественный характер, конкретность, прагматичность, эмоциональная окрашенность и др. [Радченко, Закуткина, 1994: 38–43].

Эти и другие черты проявляются в говорах Кирилловского района Вологодской области. Данный раздел посвящён картине природы, сложившейся в сознании носителя этих говоров и отражённой в их лексическом составе. Диалектные слова (лексемы), на основе которых восстанавливалась эта картина, включены в состав словаря «Лексика природы говоров Кирилловского района Вологодской области», пред-

ставленного в электронном приложении к данной книге. Материалы для этого словаря собирались в ходе диалектологических экспедиций в Кирилловский район, проводившихся кафедрой русского языка ВГПУ на протяжении нескольких десятков лет.

Рельеф, почвы, водоёмы

Картина природы, сложившаяся в говорах, в первую очередь, определяется реалиями окружающего мира, существующими в той или иной местности. Кирилловский район отличается от прочих административных районов Вологодской области наибольшим ландшафтным разнообразием. Не случайно в 1992 г. здесь был создан национальный парк «Русский Север» – одно из наиболее посещаемых туристами мест Вологодчины. Облик центральной и северной частей Кирилловского района во многом определяется холмами и грядами ледникового происхождения, между которыми разбросаны озёра (самые крупные из них – Сиверское, Бородаевское и Ферапонтовское). В то же время на этой территории встречаются и равнинные участки, болота. Для южной части района, напротив, характерны низины, часто заболоченные. На всей территории района много рек и ручьёв [Разнообразие..., 2007].

Холмы, озёра, низины, болота, реки и ручьи – всё это составляет природную среду, окружающую кирилловского жителя, и определяет его мировосприятие, которое отражается в языке.

В Кирилловском районе диалектные лексемы используются для обозначения таких элементов рельефа, как низкие места (низины), возвышенности, ямы, овраги. Наиболее чётко в сознании диалектоносителя противопоставлены первые два понятия. Названиями низких мест являются слова *логовина*, *ложина*, *низовина*. Обозначения возвышенностей более многочисленны. В говорах Кирилловского района представлен целый ряд существительных со значением ‘возвышенность, холм’: *веретьё*, *верховье*, *горбушина*, *скат*, *увал*, *угор*, а также уменьшительно-ласкательная форма *угорчик*. Небольшая возвышенность называется *горбышом*, возвышенное место, покрытое лесом, – *боровиной*. Как и в литературном языке, в кирилловских диалектах может отражаться противопоставление «подножие – склон»: *подгорье* – *отлогье*, *отлог* (о пологом склоне), *стенной обрѣзан* (о крутом склоне). В то же время в лексемах *подгор*, *подгорок* ‘склон или подножие холма’ эта оппозиция снимается. Интересно, что для сельского жителя важным является различие пологого и крутого склона. Это может

быть связано, например, с тем, что крутой склон потенциально является источником опасности. Не случайно по отношению к нему используется экспрессивный фразеологический оборот: *На холм не ходите: стеной обрѣзан*.

Обозначения других элементов рельефа среди диалектной лексики Кирилловского района представлены незначительно. Единично зафиксирована лексема *ро́ссошь* 'овраг'. Существуют также слова *кальга́* (*ка́лья*) и *курга́н*, которые называют яму (впадину, выбоину). Последние два слова связывают обозначения рельефа с группой слов, обозначающих водные объекты и их части, поскольку *ка́льей* (*кальго́й*) называется также лужа, а *курга́ном* — глубокое место в реке, озере.

Связи между лексемами, употребляющимися по отношению к разным природным объектам, демонстрирует и уже рассмотренное слово *борови́на*, другое значение которого — 'небольшой лесок, роща', а также существительное *скат*, которое помимо возвышенности может называть в кирилловских говорах высокий крутой берег. Семантический переход «гора => лес» (в слове *борови́на*), согласно Н.И. Толстому, является семантической универсалией не только в славянских, но и в других языках [Толстой, 1969: 22-103]. Подобные случаи развития значения отражают ассоциативные связи, возникающие в человеческом сознании.

Для жителя деревни важным элементом природной среды, свойства которого определяют возможность заниматься земледелием, является почва. Несмотря на это в говорах Кирилловского района зафиксировано незначительное количество диалектных обозначений почвы. Это слово *скоморо́шка*, имеющее широкое значение 'почва, земля', а также обозначение дёрна — *дерно́* — и прилагательное *дерни́стый*. Существованием фразеологизма *ро́вда* (*ро́вга*) *не вы́шла*, употребляющегося по отношению к не прогретшейся, не до конца оттаявшей земле, подтверждается тот факт, что диалектная картина мира во многом определяется хозяйственными нуждами человека: *Иишо́`ро`ўга`настоя`щему не вы`шла, а уж си`ять собира`ются* [СВГ: 9, 58]. Закрепившееся в этом фразеологизме слово *ро́вда* (*ро́вга*) имеет прибалтийско-финское происхождение, что отражает бывшие языковые контакты славянского населения с финскими племенами.

Как уже было сказано выше, природа Кирилловского района богата различными водными объектами: озёрами, реками, ручьями, родниками, болотами. Диалектные лексемы используются преимущественно для обозначения разновидностей водоёмов и их частей, а также пространственно смежных с водоёмами объектов; исключение состав-

ляют диалектное название ручья *ручеві́на* (*ручейі́на*) и его уменьшительно-ласкательная форма *ручеві́нка* (*ручейі́нка*), а также слово *исток* 'родник, ключ'. Кроме того, несколько слов маркирует такие мелкие водные объекты как лужа (*лѣ́га*, *кальгá* (*ка́лья*)) и яма, заполненная водой (*боча́г*). Существование в деревнях выкопанных прудов, из которых берут воду, послужило причиной появления слова *копанец*, имеющего яркую внутреннюю форму (копаний, выкопанный пруд).

В восприятии диалектоносителями рек и озёр на передний план выдвигаются следующие факторы: характер течения реки (*бы́стрь* 'место с быстрым течением'; *ключ*, *въюн* 'водоворот в реке'), излу́чины (*излу́к*, *криву́ль*), глубина водоёма (*ку́ргáн* 'омут'; *ка́мешник* 'каменистая мель', *мелководо́ица* 'мелкое место, по которому переходят реку'), наличие наносов песка и ила (*намо́бина*), наличие залива у озера (*пле́шь* 'часть озера, вдающаяся в сушу, залив'), особенности береговой линии (*скат* 'высокий крутой берег', *зали́в* – 'низкое, заливаемой место на лугах или на пашне'), состояние водной поверхности (*ряби́ца* 'мелкая рябь, зыбь'). Кроме того, в языке отражается факт изменения рекой её русла (*за́водь* 'старое русло реки', *плёс* 'новый берег реки после изменения её русла'). Две лексемы непосредственно связаны с использованием водоёмов в повседневной деятельности людей: *за́водь* 'огороженная часть водоёма, прилегающая к пастбищу', *купа́лище* 'удобное для купания место'.

Отдельная группа слов связана с замерзанием водной поверхности: *распо́лица* 'ледоход', *шух* (*шох*) – 'мелкий лёд', *ері́к*, *наслу́з* – 'вода на льду во время оттепели', *про́лубь* – 'прорубь', *гли́ба* 'отдельная льдина', *закра́ек* (*закра́йка*) 'полоса воды между берегом и краем льда'.

При обозначении ручьёв могут маркироваться такие признаки, как время появления ручья (*зажор* – весенний ручей), отсутствие зимой ледяного покрова (*та́лица* – незамерзающий ручей).

Ещё одним водным объектом, занимающим значительное место в диалектной картине мира, является болото (*лѣ́ва* 'болото, низкое болотистое место'). Наличие вблизи населённого пункта болот влияет на особенности ведения человеком хозяйственной деятельности. Сельскому жителю приходится учитывать, что лес, растущий на болоте (*болотня́к*), отличается низким качеством древесины (А там не лес, а оді́н болотня́к [СВГ: 1, 37]), что на болоте необходимо соблюдать осторожность, чтобы не попасть в не заросшее травой окно (*по́лынью*) или топкое место, трясину. Последнее обозначается с помощью целого ряда существительных, большая часть которых имеет корень *-топ-*

(ср.: *топѣть, то́пкий*): *потопна, топина, топище, провал, дыбун*. Зыбкое, топкое болото обозначается специальным прилагательным *сла́бый*: *Зди`ся боло`то-то сла`боѣ, всё прова`ли да прова`ли*. Названиям трясины противопоставлены слова *пригорода, суходол*, употребляющиеся по отношению к сухому месту на болоте. Высохшее болото обозначается существительным *суходолье*: *Раньше было болото сырое, кругом обходили. Теперь вышло, так по суходолью можно дойти́мдо соседней деревни*. Кроме того, в кирилловских говорах отражается различие в поверхности болот: *кочка́рник, кочко́ватка, кочко́ватик, кочу́рник* 'кочковатое болото', *то́лица* 'болото, поросшее лесом', *лы́ва, травя́ник (травя́нник, траве́нник)* 'болото, поросшее травой', *чисть* 'лишённое кустарника болото'.

Климат

Для сельского жителя важной характеристикой природной среды является климат, во многом определяющий специфику годового цикла сельскохозяйственных работ. Анализ лексики кирилловских говоров показывает, что в картине мира диалектоносителя наибольшее место занимают такие природные явления, как осадки, облачность, ветер. Кроме того, оценивается общее состояние погоды с точки зрения температуры и влажности, а также наличия или отсутствия на небе солнца.

Следует отметить, что восприятие диалектоносителями климата отличается от восприятия почв, элементов рельефа, водных объектов. Во-первых, климат отражается в диалектной картине мира как динамическое явление (что соответствует объективной действительности). Об этом свидетельствует большое количество глаголов среди слов соответствующей тематической группы (22 слова из 73): *направля́ться, чири́ть, размола́живаться, фу́кнуть* и др. Во-вторых, восприятие климата нередко связано с его оценкой относительно определённой нормы, причём сознание диалектоносителя выделяет отклонения от нормы, а сама она при помощи отдельного слова чаще всего не обозначается. Например, маркируется отсутствие росы по утрам при хорошей погоде (*сухоро́с*), отсутствие снега зимой (*бессне́жица*), зимняя оттепель (*теплуха*), ненастная погода (*больша́я погóда, непогóдые* и др.) и т.д.

Общее состояние погоды в кирилловских говорах определяется на основании одного из двух признаков. Во-первых, погода может быть охарактеризована с точки зрения температуры воздуха. При этом существуют отдельные слова для обозначения жаркой погоды летом

(жарина ‘жаркое летнее время’, *нарко* ‘душно, знойно (при высокой влажности воздуха)’), чрезмерно тёплой погоды зимой (*талица, теплуха*) и сильного мороза зимой (*трэсни да лопни*). Как видим, слова, относящиеся к температурной норме для того или иного времени года, отсутствуют.

Во-вторых, общее состояние погоды может оцениваться по шкале «ясная, солнечная погода – пасмурная погода – ненастная погода». Солнечную погоду обозначает существительное *разгълье*, а процесс её становления – глаголы *размолаживаться, разведриваться* ‘становиться ясным, проясняться (о небе, погоде)’. По отношению к пасмурной погоде используются прилагательные *пасменный, суморочный*, а также глагол *захмуриваться* ‘становиться пасмурным’. Ненастье обозначается словами *большая погода, непогодье, погода, мокрота*, а его наступление – глаголом *запогодить*. Как видим, слов, связанных с солнечной погодой, меньше, чем обозначений пасмурной и ненастной. Это не случайно: в русском языке в целом количество обозначений негативных отклонений от нормы преобладает над количеством обозначений позитивных отклонений.

Общее состояние погоды во многом определяется наличием или отсутствием осадков, из которых носители диалектов чаще всего обращают внимание на дождь и снег. Значительно меньше в кирилловских говорах обозначений для гололёда (*гололёдь*), инея (*хуржа*) и тумана (*суморочно* ‘туманно’). По отношению к росе не употребляют специальные диалектные лексемы, хотя маркируется негативное отклонение от нормы – отсутствие росы утром при хорошей погоде (*сухорос*): *Уж какой день сухорос, что и за погода*.

Осадки тёплого времени года – дожди. Отношение к ним как к небесному явлению, дающему жизнь природе, выражает сочетание *божья роса* ‘дождь’. Другие названия дождя в кирилловских говорах – *помока, чира*. Кроме того, существует достаточно много лексем, употребляющихся по отношению к разным видам дождей: мелкому и сильному, кратковременному и затяжному. Подобная дифференциация не случайна: тип дождя влияет на ход хозяйственной деятельности человека. Это можно проиллюстрировать словом *сеногной*, обозначающим мелкий продолжительный дождь во время сенокоса. Внутренняя форма существительного указывает на последствия *сеногноя* – гниение скошенного сена. Также по отношению к мелкому дождю употребляются слова *чира, спорный (спорый), чирить, трусить*. Для обозначения сильного дождя используется существительное *заливень*, однокоренное с литературным *ливень* и образованное от

глагола *зали́ть*. От этого же глагола образовано прилагательное *зали́вный* ‘очень сильный (о дожде)’.

Другим признаком, на основе которого в говорах различаются виды дождей, является длительность. В словах *перевáлинка*, *спры́сточек* суффиксы *-к-* и *-очек-* передают значение кратковременности. Затяжной дождь обозначается словом *плаксу́н*, внутренняя форма которого также очень выразительна. Эту выразительность создается через связь с глаголом *пла́кать*, а также с помощью суффикса *-ун-*, имеющего экспрессивную окраску.

Ещё одно явление, тесно связанное с дождями, – это гроза: *перевáлина*, *пого́да* (в одном из оттенков значения этого слова). Сознание диалектоносителя в этом явлении особенно выделяет молнии, о чём свидетельствует существование глаголов *стрекáть* и *опекáть* (*опе́чь*) ‘сверкать (сверкнуть) (о молнии)’.

Осадки холодного времени года – снег. Диалектные лексемы употребляются в кирилловских говорах для обозначения таких его разновидностей как снежная крупа (*труха́*, *трупá*) и мокрый снег с дождём (*сля́кость*). Кроме того, существует много названий для метели (вьюги): *зави́руха*, *ту́ха* (*ту́хта*), *курева́*, *кутельма́*, *за́волока*. Отдельные слова используются для обозначения первого снега (*первотáлец*, *покро́в*) и подтаявшего снега на дорогах во время оттепели (*ту́ха*, *ту́хта*: *Ту́ха на доро́гах – не пройтí, не прое́хать!*). Как уже было сказано ранее, маркируется такое отклонение от нормы зимой, как отсутствие или малое количество снега (*бессне́жица*).

К обозначениям осадков примыкает несколько слов, называющих тучи и облака. Это существительные *оболок* (*оболо́ко*) ‘облако, туча’, *перевáлинка* ‘небольшая туча’, *судо́рна* ‘скопление облаков, облачность’, а также глаголы *заволока́ться* ‘покрываться тучами (о небе)’, *заоболо́кивать*, *заоболо́чивать* (*заоболо́чить*) ‘(безл.) заволакивать, закрывать тучами (о небе)’.

Небольшую группу метеорологической лексики кирилловских говоров составляют слова, употребляющиеся по отношению к ветру. При этом большинство из них обозначает северный ветер: *северо́к*, *северя́к*, *северя́ник*, *си́вер*, *си́верик*, *белозёр*. Как видим, первые пять слов имеют корень *-север-* // *-сивер-* и образованы от названия стороны света. Подобные существительные используются для обозначения северного ветра во многих говорах (например, по данным «Словаря русских народных говоров» слово *си́вер* ‘северный ветер’ употребляется в архангельских, вологодских, новгородских, московских, вятских, уральских, сибирских и других говорах). Небольшую террито-

рию распространения имеет слово *белозёр*, внутренняя форма которого – ветер, дующий с Белого озера (это озеро расположено к северо-западу от Кирилловского района). Кроме того, по отношению к ветру используется глагол *фукнуть* ‘дунуть’. Существительное *боковик* называет боковой ветер и, вероятно, связано с судоходством.

Растительный мир

Среди лексики растительного мира можно выделить две основные группы: слова, относящиеся к отдельным растениям и их частям, и обозначения растительных сообществ (лесов, лугов) [Соколова, 2007: 111–146].

Обратимся к названиям отдельных растений. Общим обозначением любого дерева является слово *деревина*. Помимо этого, диалектные слова используются по отношению к таким распространённым в Кирилловском районе деревьям как сосна, черёмуха, берёза, ольха; не имеет диалектного названия ель, для обозначения которой, видимо, употребляют литературное слово. Вместо литературного *сосна* в говорах могут использовать его акцентологический вариант *сósна*. В качестве названия берёзы существуют слова *берёзина* (любая берёза) и *чистушка* (*чистюшка*) (обозначение берёзы повислой). Для обозначения черёмухи в кирилловских говорах используется целый ряд слов, однокоренных с литературной лексемой: *черёминка*, *черемшá* и *черёмша*, *чéремхá* и *черёмха*. Один корень с литературным существительным имеет и лексема *олешина* ‘ольха’.

К обозначениям кустарников относятся названия ивы (в том числе вербы), красной смородины, шиповника, можжевельника. В основе лексемы, относящейся к иве, лежит цветовой признак (светлая кора): *светлу́ха*, а также уменьшительно-ласкательное *светлу́шка*. Один из оттенков значения этого слова – ‘ива со светлой корой’ [СВГ: 9, 104]. Интересно, что восприятие такой разновидности ивы в говорах может быть связано с оценкой дерева с точки зрения практической пользы: *светлу́ха* ‘ива со светлой корой, непригодной для дубления кож’ [СВГ: 9, 104]. Для обозначения такого вида ивы, как верба, используется слово *талина*. Красная смородина называется словом *княженица*. Обозначения шиповника, как и литературное слово, мотивированы наличием у этого растения шипов: *шипца́* и *щипца́*, *шипичник* и *щипичник*. Первая лексема является также названием плодов этого растения и, во втором значении, названием плодов крыжовника. Можжевельник в кирилловских говорах обозначается словом *вересок*, куст можжевельника – *вересина*, отдельная ветка – *вересинка*.

Ряд лексем представляет собой не видовые названия, а обозначения дерева, имеющего какой-либо признак. Во-первых, это сухое дерево: *подсушина*, *засушина* 'высохшее дерево', *подсушник* 'дерево, начавшее сохнуть с вершины', *сухоподстой*, *сухопостой* 'высохшее на корню дерева, кустарники; засохшее на корню дерево'. Все эти слова имеют один корень (-сух- // -суш-) и связаны с прилагательным *сухой*. Во-вторых, это гнилое дерево (*дряблина*). Кроме того, гниль на дереве обозначается словом *оболонь*. Прилагательное *заморёный* имеет значение 'гнилой (о дереве)'. В-третьих, это молодое дерево с неокрепшей древесиной (*пресняк*, *преснина*). В-четвёртых, дерево с дуплом (*дупляк*).

В сознании носителей говоров выделяются и некоторые отдельные части деревьев и кустарников. В первую очередь это ветки: *ветвина* 'ветка, прут', *вица* 'гибкая ветка, прут', *ломина* 'сухой прут, хвостина'. Кроме того, высохшие ветки, хворост обозначаются словами *нашина*, *сушник*. Существование отдельного названия для этой реалии, видимо, объясняется её значимостью для человека: хворост служит для растопки, поддержания огня. В кирилловских говорах существуют также отдельные диалектные обозначения для корней выкорчеванного дерева (*кокора*), нароста на стволе дерева (*налив*, *набалдашник*, *болоня*), пней (собирательное существительное *пеньё*). Щель в стволе дерева называется *расщетиной*, щель в бревне, пне – *рошпом*. Наличие *расщепин* и *рошпов* имеет значение, например, при использовании древесины в хозяйстве: *Не бери́ это бревно́, в нём ро́шпеш* большой. *Смотри́, чтобы́ ро́шпов не́ было в де́реве*. С *расщетиной* могут быть связаны даже определённые магические действия: *Змею́-то лови́ли, в расщепину́ кла́ли, она́ там высо́хала, пото́м её колду́н себе́ брал*. Отдельная группа слов обозначает кору и древесину различных деревьев: *подобранник* – кора ивы, *светлу́ха* – кора ивы, растущей в низинах, *сосновина* – древесина сосны.

Группа диалектных названий травянистых растений в кирилловских говорах также многочисленна. В картине природы диалектоносителей особое место занимают такие травы, как лютик едкий (*желту́ха*, *желтушник*), щавель (*киселка*, *кисля́тка*), репейник (*липу́льник*), кипрей (*мако́вник*), полевой хвощ (*пи́стик*), осока (*резу́н*), подорожник (*пу́тик*, *придоро́жник*), луговой клевер (*сосу́льник*), *сердцевая трава́* (валериана). Все эти растения или полезны для человека (щавель – съедобное растение, клевер луговой – кормовое растение, кипрей и подорожник – лекарственные травы, репейник используется в косме-

тических и в лечебных целях), или могут причинить вред (лютик является сорняком и, кроме того, ядовит для скота).

Толкования некоторых слов, обозначающих травы, приведены собирателями недостаточно точно, из-за чего не могут быть соотнесены с конкретным растением: *урезная трава* 'лекарственное растение (какое?)', *урез* 'водное растение (тростник?)', *тягун* 'растение, настойка из корня которого обладает целебными свойствами', *клóнники* 'растение (какое?)', *омег* 'ядовитое двулетнее растение из семейства зонтичных (какое?)' и др. Однако и на примере этой группы слов видно, что отдельные лексемы существуют для тех растений, которые приносят человеку пользу или вред.

Как и среди обозначений деревьев, в этой группе слов есть лексемы, относящиеся к растениям, имеющим какой-либо признак. Во-первых, это может быть место произрастания растения. Трава, растущая на прибрежном лугу (и сено из неё), называется *бережуйной*, полевая трава (и сено) – *полюна*, трава, растущая на болоте – *травяник* (*травяник*, *травенник*). Во-вторых, таким признаком может быть непригодность для кормления скота: *старокулá* 'старая, не скошенная прошлым летом трава' (*Старокулóй отравить скотину-то можно*), *тáйбола* 'высокая трава, непригодная для кормления скота'.

Существуют также обозначения для отдельных частей травянистых растений: *озорной пух* 'семенные пушинки камыша', *сосулька* 'соцветие клевера'. От семенных пушинок камыша надо защищать огород, соцветия клевера являются хорошим удобрением, а в голодные годы их употребляли в пищу.

Из названий ягод в «Словаре вологодских говоров» и в материалах экспедиций зафиксированы только обозначения для брусники, голубики, земляники, а также клюквы, перезимовавшей под снегом. Первые три лексемы отличаются от литературных аналогов суффиксом: *брусница*, *голубица*, *землянка*. Аналог слова *подснежица* (*подснежница*) 'клюква, перезимовавшая под снегом' в литературном языке отсутствует.

Очень интересны диалектные названия грибов. Здесь основную оппозицию составляют обозначения несъедобных и съедобных грибов. К первым в кирилловских говорах относится только слово *поганька*, фонематический вариант литературной лексемы *поганка*. Зато обозначения съедобных грибов многочисленны. В кирилловских лесах растут белые подосиновики (*красик*, *красноголовик*, *векишарь*), белые грибы (*поддубик*, *толкáч*), волнушки (*волдэница*, *волдоница*), сыроежки (*синюха*, *синюшка*, *сыроега*, *красулька*, *красушка* (*красушка*),

желтушка, серушка, зелёнка), груздь перечный (*скрипун*), маслята (*соплевик, подсосенник*), подберёзовики (*челик (чили́к), черногольшвик, обабок*), валуи (*сопьяк, соплевик*), дождевик (*воронье яйцо, дедушкин табак, табакёрка, чёртова баня*). Слово *ба́бье у́хо* называет рыжик с неправильной шляпкой: *Ба́бье у́хо – это два-три рыжика, шляпки будто срослись. Их солить нельзя, только варить, так как рыжики прокиснут* [СВГ: 11, 159]. Съедобными или условно съедобными являются некоторые из трутовиков (*трут, трутень*); также они применяются в народной медицине.

В целом эта группа слов очень интересна. Во-первых, в говорах часто существует несколько обозначений для одного и того же гриба. Особенно многочисленны названия сыроежек, отражающие разнообразие вариантов окраски шляпки (красная, синяя, желтая, зелёная). Лексемы, обозначающие грибы, позволяют проиллюстрировать тот факт, что в основе слов, относящихся к одной и той же реалии, могут лежать разные мотивировочные признаки, то есть для людей могут оказываться значимыми разные стороны одного явления. Так, названия сыроежки могут быть мотивированы особенностями употребления этого гриба в пищу (можно есть сырым: *сыроёга, сыроёжка*) или цветом шляпки (*желтушка, синюха* и др.). В основе обозначения маслёнка – либо особенности поверхности шляпки (скользящая на ощупь: *соплевик*), либо особенности произрастания (*подсосенник*). Интересны в этом плане названия гриба-дождевика. Все они метафоричны, что, видимо, объясняется необычностью облика этого гриба. В основе номинации *воронье яйцо* лежит форма и цвет гриба. Остальные названия – *дедушкин табак, табакёрка, чёртова баня* – видимо, относятся к уже созревшему грибу и обусловлены находящимися внутри него порожковатыми спорами.

Кроме того, существуют обозначения для грибов с одинаковыми свойствами. Во-первых, это грибы, используемые для засолки: *солёнина (солонина)*. Во-вторых, грибы, употребляющиеся в пищу после отваривания: *отварушка*. В-третьих, грибы, появляющиеся во время колошения ржи: *колосовики*.

Помимо слов, обозначающих отдельные растения и их части, в говорах существуют названия для растительных сообществ. Прежде всего, к ним относятся обозначения леса и его частей. Во-первых, типы леса различаются в зависимости от преобладающих пород деревьев: сосновый лес (*сосняг*), осиновый (*осняк*), лиственный (*листвяник*), смешанный (*разнолесье*). Во-вторых, в зависимости от места произрастания. Лес, растущий на болоте, называется *болотняк*; он отличается

низким качеством древесины и оценивается диалектоносителями негативно (*А там не лес, а один болотняк*). Лес, растущий на берегу реки, называется *прибрежник*, *бережѣна*. В-третьих, виды леса могут выделяться в зависимости от внешних особенностей и качества древесины составляющих его деревьев: *малоросник* ‘мелкий лес’, *жердняк* ‘тонкий высокий лес’, *ровняк* – ‘лес из стройных прямых деревьев одинаковой высоты’, *балона* – ‘больной, низкий, кривой, нестройной лес’, *уделочный лес* ‘строевой лес’. Отдельный участок нестройного леса, вырубаемого на дрова, обозначается словом *дровяник*. В-четвёртый, маркироваться может возраст леса: *подсад* ‘молодой лес’, *подсосенок* ‘молодой сосновый лес’, *подсадина* ‘полоса молодых посадок деревьев’. В-пятых, лес может различаться по густоте деревьев. Так, редкий лес называется словом *порядье*, густой лес, заросли – *слепняк*, *тайбола* (в одном из значений), *чаща*. Признак густоты может сочетаться с другими признаками: *суходол* ‘редколесье в сухом месте’, *частокол* ‘молодой лес из высоких тонких деревьев, расположенных близко друг к другу’.

Кроме того, существуют отдельные названия для участков леса: поляны (*гладь*, *пустоляна*, *тайбола* (в одном из значений), *плешина*), лесного покоса (*дуброва*, *дубровка*), опушки (*подлесок*), просеки (*прут*, *ремень*, *визіра*).

Второе растительное сообщество, значимое для человека и занимающее определённое место в диалектной языковой картине мира, – это луг. Общими названиями для разных типов луга являются слова *палестина*, *исада*, *пóжня*. В говорах также могут маркироваться особенности расположения луга: *лука* ‘луг в излучине реки’, *бережѣна* ‘прибрежный луг’, *сухмённый покос* ‘сенокосный луг на сухом месте’.

Животный мир

Обратимся теперь к группе «Животный мир». В любых говорах большую её часть составляют обозначения домашних животных, что связано с прагматическим характером диалектной картины мира. Названий диких животных меньше. Как правило, обозначаются животные и птицы, имеющие промысловую ценность или представляющие опасность для человека.

Общее название диких зверей в кирилловских говорах – *боровá*, *дичáтина*. Для обозначения одного животного используется слово *зверіна*.

Самое большое количество слов относится к такому опасному лесному зверю, как волк: *лесной*, *пёс*, *зверюга*, а также *бирюк* (распро-

странённое в русских говорах обозначение волка) и *волча́га*. Первые три из них, вероятно, носят описательный характер и могут быть связаны с запретом произносить настоящее имя зверя, чтобы избежать его нападения.

Два других крупных животных, встреча с которыми в лесу может оказаться опасной для человека, — кабан и медведь. Отдельная лексема используется для обозначений детёныша кабана — *кабанёнок*. Существует слово *пённыйк* с очень конкретным значением ‘медведь, питающийся личинками насекомых, которые извлекаются им из разломанных пней’. Другая лексема, относящаяся к медведю, — *пёстун*. Так называют в говорах медвежонка одного-двух лет, оставшегося при матери. Интересна внутренняя форма этого слова. Оно производно от глагола *пёстовать* ‘нянчить’. Контекст проясняет мотивировочный признак в основе этого слова: *Пёстуны, онí не отхóдят от мáтери-медвёдицы, а ня́нчатся с медвежа́тами ма́ленькими*.

Кроме того, диалектное название употребляется по отношению к хорьку (*хóрик*). Сознание диалектоносителя также выделяет из диких зверей лося — существует диалектный глагол *рыча́ть* (*рича́ть*) ‘издавать характерные звуки (о лосе)’.

Дикие птицы в целом обозначаются словом *дичьё*. Из общей массы этих птиц носители кирилловских говоров выделяют тех, для обозначения которых существуют отдельные слова и в литературном языке: жаворонок (*жа́ра́вка*), журавль (*жу́равель*), кукушка (*ку́куля*), ласточка (*ла́стивка*, *каса́тушка*), тетерев (*поле́вик*), скворец (*скво́рчик*), соловей (*соловьёныш* ‘детёныш соловья’), тетерев (*тетере́нок* ‘детёныш тетерева’, *чува́кать* ‘издавать звуки, характерные для тетерева’), со́рока (*стре́кануть* ‘издать характерные звуки (о сороке)’).

Среди пресмыкающихся носители говоров выделяют лягушек и змей: *ля́гва* ‘лягушка’, *но́рос* ‘лягушечья икра’, *пологоло́вец*, *палоголо́вец*, *попоголо́вец* ‘головастик’, *урча́ть* ‘квакать’, *за́дина* ‘змея’, *чёрная змея́* ‘уж’. Из насекомых внимание диалектоносителей привлекают муравей (*ма́рыш*), овод (*о́вад*, *па́ут*), стрекоза (*си́лик*), сверчок (*стри́чок*; *сверча́ть* — издавать звуки (о сверчке)), а также пчёлы (пчелиный улей — *поро́ёк*).

* * *

Таким образом, картина природы носителя кирилловских говоров отражает такие общие черты диалектного восприятия мира как прагматичность, конкретность, образность, деление объектов познания на части и др. Сознание диалектоносителей выделяет в окружающем

природном мире объекты, имеющие определённое практическое значение, так или иначе включённые в круг повседневной деятельности человека (лекарственные травы, опасные звери, участки болота в зависимости от степени их проходимости и т.д.).

§ 5. Наблюдения над особенностями диалектного словообразования в говорах Кирилловского района

Явления диалектного словообразования начали изучаться диалектологами значительно позднее, чем фонетико-морфологические черты и лексическое своеобразие говоров. Тем не менее во второй половине XX века в русской диалектологии появился ряд исследований, посвящённых диалектному словообразованию. Это анализ слов одной части речи отдельных говоров [Иванова, 1972; Завалишина, 1981; др.] и различных их совокупностей [Опыт, 1982]. Это описание различных единиц диалектной словообразовательной системы: словообразовательных категорий [Яцкевич, 2006; Новикова, 2006], типов словообразования [Араева, 1981; 1994; Антипов, 2001; Гудкова, 1983; др.], словообразовательных гнезд [Пантелеева, 1978; Шелепова, 1985; Галинова, 2000; др.]. Это подробное описание отдельных словообразовательных формантов: их формальной репрезентации в сочетании с различными производящими основами [Антипов, 1997; 2001], семантического потенциала [Араева, 1994; Вяткина, 2004; Катышев, 2001; Оглезнева, 1996], функциональных характеристик, например, продуктивности в исследуемой системе [Павленко, 1974; Методические рекомендации, 1990; Евдокимова, 1995; др.]. На основании частных исследований на материале различных русских говоров уже состоялись несколько попыток концептуального описания русской диалектной словообразовательной системы и методов ее исследования [Порохова, 1968; Пантелеева, Яценецкая, 1979; Вендина, 1998; Азарх, 2000; Русская диалектология, 2005]. В основном наблюдения в области диалектного словообразования касаются явлений севернорусских и сибирских говоров. Исследуемые нами говоры Кирилловского района Вологодской области в этом отношении изучены недостаточно: на их материале делаются выводы относительно функционирования отдельных словообразовательных формантов, преимущественно в области исторической диалектологии (см., например: [Чайкина, 1977; Чайкина, 1988; Герд, 1995; др.].

Экспедиции, ориентированные на изучение диалектного словообразования, работали в Кирилловском районе с 1996 по 2003 гг. Организация работы в такой экспедиции существенно отличается от работы, ориентированной на фонетические или лексические программы. Приведём результаты работы одной из таких экспедиций. Местом её работы были пять населённых пунктов Кирилловского района: г. Кириллов, сёла Горицы и Ферапонтово, деревни Борбушино и Зыбошное. В состав рабочей группы входили студенты I–III курса филологического факультета ВГПУ. В течение трёх лет работы состоялось четыре выезда, в результате которых был собран значительный по объёму диалектный материал.

Основу сбора данных по диалектному словообразованию исследуемых говоров составил вопросник, ориентированный на изучение производной лексики в составе диалектных словообразовательных гнезд [Шаброва, 1998]. Применялась методика сбора данных по «матрице» гнезда. Основные принципы этой методики состоят в следующем.

1. Наиболее продуктивным для работы по словообразовательным программам представляется *метод направленной беседы*. Следует помнить, что беседа по словообразовательной программе для информанта значительно сложнее и утомительнее, чем по лексической, поэтому целесообразно чередовать эти виды работ.

2. Перед экспедицией в результате работы с данными диалектных словарей формируется первоначальный список непроемких диалектных слов – предполагаемых вершин словообразовательных гнезд. Эти слова ранее были зафиксированы на исследуемой территории, они не обнаруживают формальных и семантических признаков производности. Возможно, в исследуемом говоре от таких слов могут быть образованы другие слова. Это и предстоит выяснить собирателю, параллельно работая по словообразовательным и лексическим программам.

3. После того, как наличие слова в говоре установлено, можно переходить к изучению его словообразовательного потенциала. Если в говоре обнаружилось несколько однокоренных слов, то можно попробовать определить, есть ли между ними отношения словообразовательной производности. Для этого следует обратиться к списку продуктивных для той или иной части речи словообразовательных типов. При этом вопросы могут быть направлены и на выявление слова через его словообразовательное значение, и, наоборот, на определение значения через слово.

Так, например, производные от глагола *боркать* 'звенеть, стучать', 'болтать' [СВГ, 1: 39] (*бо'рк/ну/ть* 'произвести какой-либо звук', 'чиркнуть, издать резкий звук' [там же], *за/бо'ркать* 'застучать, зазвенеть' [СВГ, 2: 95]) могут быть прямо названы информанту («*Известно ли вам это слово? Что оно означает?*»), а также могут быть выявлены через словообразовательные значения («*Боркать – стучать. А если стукнуть один раз? А если начать стучать?*»). Среди реально существующих в говоре информант может называть и *потенциальные слова*, образованные по аналогии, но не известные данному говору. Поэтому в беседе с разными информантами следует перепроверять результаты предшествующих бесед, чередуя вопросы разных типов относительно одного и того же слова.

4. Выявление состава однокоренных производных слов в исследуемом говоре и обнаружение между этими словами отношений словообразовательной производности дает основание для предварительного моделирования *словообразовательного гнезда*. Зная закономерности структуры типовых словообразовательных гнезд с вершинами определенных частей речи, можно предположить, какие производные слова с какими значениями могут его составить, иначе говоря, составить «гнездо-матрицу» (см., например, [Тихонов, 1990]). Вместе с тем не все потенциально возможные компоненты этой матрицы могут быть реализованы в исследуемом говоре в предполагаемых значениях. Какие из этих компонентов существуют в говоре и в каких значениях – серьезная задача, которую и будут решать собиратели в беседе с информантами.

В результате работы по «матричной» программе могут быть описаны реально представленные в говорах совокупности однокоренных слов. Оптимальные результаты дает сочетание бесед по «матричным» и лексическим вопросам, позволяющее более полно выявить значение каждого слова и избежать излишнего давления на собеседника логикой гнезда-матрицы. Фрагмент расшифровки такой беседы приводится ниже. В ней участвуют три собеседника: собиратель (С) и два информанта (И₁: Анна Алексеевна Шаброва, 86 лет; И₂: Анна Львовна Струничева, 81 год), жители деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области. Речь идет о словах диалектного корневого гнезда с вершиной *-назг-*; о наличии в говоре непроизводного глагола с этим корнем собирателю было известно заранее.

С: *А пазгать – это что делать?*

И₁: *Пазгать? Ну вот вицу тятя возьмёт и начнёт пазгать, если навар-заешь чего. Бить то есть. Или matka. Такую устроит пазгань, дак ж... всю исхлещет!*

И₂: *... Я раз <еду в поле отцу> понесла, дак на мосту пазгнулась, всю стекляшку пролила. Ой, меня matka-то отчихвостила!*

И₁: *На нашем-то на мосту недолго и на тот свет пазгнуться. Поди, с Леушка <отец И₂> никто не обихаживал, и свет вы с Виошкой худой жжёт-те.*

С: *Пазгнуться, получается, это упасть? А пазгаться?*

И₁: *Пазгаться? Вон, бабы в кине из-за мужика пазгаются, одна другую за волосёе дерёт! Или муж с женой. Вон Шумиловские не отстают пазгаться, Людка который раз с синяком ходит.*

С: *А когда друг с дружкой пазгаются, как таких людей назовут? <Вопрос раздела «Человек» программы ЛАРНГ>.*

И₁: *А дураки назовут. Скажут: собачистую себе бабу взял, горлопанку.*

С: *А мужик если?*

И₁: *Фулюган, скажут, зимогор.*

И₂: *Вьют, дак и пошли друг дружку пазгать...*

В результате беседы, фрагмент из которой был приведен выше, а также после беседы с другими жителями этой деревни мы структурировали корневое гнездо с вершиной -пазг- в говоре деревни Борбушина, получив при этом дополнительные сведения о семантике других диалектных слов, функционирующих в данном говоре: *зимогор*, *наварзать*, *обихаживать*, *отчихвостить*, *собачистый* и др.

Работа по словообразовательным программам, ориентированным на исследование явлений глагольного словообразования, дала возможность выявить следующие особенности диалектного словообразования в исследуемом говоре.

Предварительный список диалектных непроизводных глаголов, зафиксированных на этой территории, состоял из 400 слов. В результате были структурированы 164 отглагольных словообразовательных гнезда объемом от 2 до 20 слов. Отмечены типичные для диалектного словообразования явления формального и семантического варьирования словообразовательных гнёзд: наличие в гнездах фонематических вариантов (*разбудать* – *разбодать* ‘забодать’), словообразовательных вариантов (*обстѣчи* – *обостѣчи* ‘обогнать’) и синонимов (*разбудать*, *забудать*, *сбудать* ‘забодать’), особенности семантической организации гнезда (выделение внутри гнезд различных семантических зон) и т.д. Было отмечено также, что ряд непроизводных глаголов, ранее отмеченных на данной территории, не имеют произ-

водных, употребляются в говоре изолированно или вообще не употребляются, а только опознаются информантами (например, *ху́хнать*, *хылкать*, *жу́лькать*, *курёвнать* и др.).

Исследование диалектных словообразовательных гнезд в говорах Кирилловского района позволило сделать следующие выводы.

Диалектная словообразовательная система, являясь территориальной разновидностью общерусской словообразовательной системы, в основном состоит из общерусских элементов, вступающих в локально не ограниченные отношения. Об этом свидетельствует то, что отглагольное словообразование осуществляется в этой системе с помощью продуктивных в русском языке словообразовательных формантов (*за/рюхать* 'начать хрюкать' – *рюхать* 'хрюкать', *по/шиньгать* 'пощипать шерсть в течение непродолжительного времени' – *шиньгать* 'щипать, терзать шерсть', *про/шляндать* 'пройти мимо чего либо, гуляя без дела' – *шляндать* 'бродить без дела, шляться', *у/муслять* 'испачкать слюной' – *муслять* 'пачкать слюной', *на/крятаться/ся* 'наработаться до каких-либо отрицательных последствий' – *крятаться* 'тяжело и много работать', *баж/у́тк/а* 'капризный человек' – *бажиться* 'хотет, желать чего-либо', *зыб/у́л/я* 'треснувший лед' – *зыбать* 'колебать, качать', *лявз/у́н* 'сплетник' – *лявзать* 'сплетничать', *нявга/л/о* 'плакса' – *нявгать* 'надоедливо, монотонно плакать', *пóрха/лице* 'место, где пернатые чистят перья' – *пóрхать* 'барахтаться в песке (о птицах)' и др.). В результате, как правило, в системе отглагольного словообразования образуется типовое гнездо, в структуре которого преобладают производные глаголы, различным образом модифицирующие значение исходного действия, а также встречаются производные существительные со значением лица (производителя действия) или предмета (орудия или результата действия), реже – отглагольные прилагательные. Пример типового отглагольного словообразовательного гнезда приводится ниже (гнездо №1).

карз/á/ть→ 'обрубать ветки, сучья у деревьев'	карзáть-ся 'терзаться'→	ис-карзáть-ся ₁ 'истерзаться'
	вы-карзать 'обрубить ветки, сучья'	
	до-карзáть 'закончить обрубать ветки, сучья'	
	о-карзáть 'обрубить ветки, сучья со всех сторон'	
	по-карзáть 'пообрубать ветки, сучья в течение некоторого времени'	
	ис-карзáть 'исцарапать'→	искарзáть-ся ₂ 'исцарапаться'
карз-у́нь[й-а] 'место в лесу, где заготавливают ветки, сучья'		

Приведём фрагмент беседы собирателя с информантами относительно слов данного гнезда (С – собиратель, И₁ – Анна Алексеевна Шаброва, 86 лет; И₂ – Анна Львовна Струничева, 81 год; И₃ – Ольга Павловна Мышина, 58 лет.

С: *Карзать* – это что делать?

И₁: *Карзать-то? А, поди-ко, чего-то делать... Ольга, карзают-то ведь сучья?*

И₃: *Сучья. Топором берешь и карзаешь. На Карзунье.*

С: *На Карзунье?*

И₃: *Ну, Карзунья... Мы маслушки-то с тобой, помнишь, брали. На Карзунье маслушек-то сей год много.*

С: *А ещё где-нибудь карзают?*

И₁: *А к избе привезут в сучьях – дак и тут карзаешь.*

И₂: *Обкарзать надо со всех сторон.*

С: *А Карзуньей-то почему назвали?*

И₃: *Дак карзали, лес там заготовляли.*

И₁: *Обкарзали, намусорили, не пройти и не проехать.*

И₁: *Нюрка, ты на Карзунье гадюку-то видела?*

И₂: *Ой, Алексеевна, не говори. Согрешила я с гадюкой-то. Еле ведь тогда от неё ноги унесла.*

С: *А выкарзать можно что-нибудь?*

И₁: *Выкарзать? Ну, вырубить, сучьё-то это.*

С: *А карзаться?*

И₃: *Карзаться? Искарзался весь, дома-то когда худо. Бабы карзаются, как в доме чего неладно. А что ещё? Не помню, поди.*

Наряду с общерусскими явлениями в диалектной словообразовательной системе можно выделить и региональные особенности.

Во-первых, это существование в ней диалектных производящих глаголов – вершин словообразовательных гнезд. В таких гнездах на основе общих закономерностей отглагольного словообразования образуются локально ограниченные элементы – диалектные производные глаголы, имеющие различную территорию распространения. Это общедиалектные глаголы (гнездо № 2), а также глаголы севернорусского ареала распространения (гнездо № 3).

Гнездо № 2.

б ^ж /й/ть → 'хотеть, желать'		б ^ж йть-ся 'хотеться' →		за-б ^ж йть-ся 'захотеться'
		за-б ^ж йть 'захотеть'		
		б ^ж -у ^т к-а 'тот, кто часто капризничает'		
		б ^ж -ён-ый 'любимый'		

Ср.: *баж/а/ть* (нврс., вор., влгд., вят., олон., симб., ниж., пенз.), *баж/е/ть* (яросл., вят.), *баж/и/ть* (влгд., перм., нвг., ниж., яросл.), *баж/ан/и/ть* (нвг.) ‘желать, хотеть чего’ [Даль, I: 37; СРНГ, 3: 44]; *баж/и/ть* ‘очень хотеть’ [СВГ, I: 18].

Гнездо № 3.

ня'вз/а/ть →	за-ня'вгать ‘начать плакать’	
‘кричать’,	по-ня'вгать ‘поплакать’	
‘плакать’,	раз-ня'вгать-ся ‘раскричаться, расплакаться’	
‘говорить	ня'вз-ал-о ‘тот, кто постоянно плачет, капризничает, плакса (общ.)’	
невнятно’	навз-ун ‘тот, кто постоянно →	нявзү[и-й]-а
	плачет, капризничает, плакса (м.)’	‘плакса (ж.)’

Ср.: *нявз/а/ть* ‘тихо плакать, хныкать’ (волог., олон., новг., сев.-двин., вят., перм., енис., тобол., сиб., томск., урал.) [СРНГ, 20: 332]).

Приведём пример беседы, ориентированный на сбор информации по гнезду с вершиной *нявгать*. С – собиратель, И₁ – Анна Алексеевна Шаброва, 86 лет.

С: Бабушка, а кто *нявгает*?

И₁: *Нявгает?* Вон кошка *нявгает*, ись хочет. Человек *нявгает*, тоже ись хочет. Ты маленькая была, *нявгала*. *Нявзунья* была.

С: Девочка – *нявзунья*, а мальчик?

И₁: *Нявзун*, *нявгало* – кто как скажет. А больше, если *разнявгался*, дак тумака дадут. Не *нявгай*!

С: А почему начинают?

И₁: А вот вы с Пашей *раздерётесь*, бывало, и *заявгаете*.

Во-вторых, это не типичная для общерусской словообразовательной системы сочетаемость производящих основ и словообразовательных формантов. Так, например, образование производных глаголов совершенного вида от общерусского производящего *бодать* в говорах происходит с помощью приставки *за-*, как в литературном языке (*забодать*, *забудать*), а также путем присоединения приставок *раз-* и *у-* (*разбодать*, *разбудать*, *убодать*), что не характерно для словообразовательного гнезда с данной вершиной *бодать* в литературном языке. В некоторых случаях в диалектном гнезде представлены отношения словообразовательной производности, утраченные в системе современного литературного языка (*ку-мэкать* ← *мэкать* ‘соображать, размышлять’). Это свидетельствует о том, что словообразовательная система исследуемых говоров является более архаичной, чем соответствующая система литературного языка.

В-третьих, это региональное варьирование формальной и семантической структуры гнезд. Так, среди вершин исследуемых гнезд достаточно часто наблюдается варьирование фонематического состава в структуре корневой морфемы (*ку́фтать*, *ку́хтать* ‘кутать’, *жва́рить*, *шва́рить* ‘бить’, *мырка́ть*, *нырка́ть* ‘говорить невнятно’), а также варьирование основообразующих суффиксов (*владáть*, *володова́ть* ‘владеть’). Вариантность вершин наследуется в гнезде, вследствие чего в некоторых из таких гнезд можно выделить подгнёзда, образуемые от различных вариантов вершины гнезда (гнездо № 4).

<i>влад/áть</i> →		<i>о-владáть</i> ‘сделать что-либо своей собственностью’
		<i>со-владáть</i> ‘справиться с кем-либо, подчинить себе’
<i>волод/ова/ть</i> →		<i>за-володова́ть</i> ‘завладеть’

В некоторых случаях варьирование фонематического состава наблюдается и эпизодически (*выкоба́ниться* ‘вделать что-либо наперекор здравому смыслу’ – ср.: *кобе́ниться* ‘упрямиться’).

В-четвёртых, вершины многих гнёзд, как показали наблюдения, имеют в говорах несколько значений. Поэтому в структуре этих гнёзд могут быть выделены отдельные семантические зоны, которые развивают отдельные значения производящего глагола. Примеры подобных гнёзд приводятся ниже (№ 5–6).

Гнездо № 5.

<i>сн/ова́ть</i> ¹ →		<i>по-снова́ть</i>
‘в ткацком деле:		‘поткать в течениис нескоторого времени’
соединять нить		<i>о-снова́ть</i>
основы и уток’		‘соединить основную нить и уток; соткать что-либо’
<i>сн/ова́ть</i> ² ‘быстро ходить взад и вперед’ →		<i>снова́ть -ся</i> ‘бродить без дела’

Гнездо № 6.

<i>кулик/áть</i> ¹ →		<i>кулика́ть-ся</i> →		<i>кулик-ну́-ться</i> ‘перевернуться через голову’
‘переворачивать’		‘кувыркаться’		
<i>кулик/áть</i> ² ‘бросать’ →		<i>кулик-ну́-ть</i> ‘бросить’ →		<i>куликну́ть-ся</i> ‘упасть’
<i>кулик/áть</i> ³ ‘бить’ →		<i>ис-кулика́ть</i> ‘избить’		
<i>кулик/áть</i> ⁴ →		<i>до-кулика́ть</i> ‘перестать ходить (обычно об умерших)’		
‘ходить, передвигаться’		<i>от-кулика́ть-ся</i> ‘то же, что <i>докулика́ть</i> , отлучиться’		
<i>*кулик/áть</i> ⁵ ‘пить (вино, водку)’ →		<i>на-кулика́ть-ся</i> ‘напиться вина, водки’		

Приведем пример диалога, ориентированного на сбор информации по гнезду с вершиной *куликатъ*. С – собиратель, И₄ – Николай Павлович Шабров, 60 лет.

С: Николай Павлович, а что банку *куликнуть* – это что сделать?

И₄: Это, Катя, перевернуть. Дном вверх. Вот так поставь.

С: А *куликатъ*?

И₄: *Куликатъ*? *Куликатъ* – получается, что переворачивать. Ещё *куликатъ*, например, в кусты, когда чего не надо. *Искуликатъ* можно кого-нибудь, кто если худой человек.

С: Это что сделать?

И₄: Ну, извальять, избить, *искуликатъ* если. А ещё говорят – он *накуликался*. Пьяный.

Достаточно часто диалектное словообразовательное гнездо в исследуемом говоре представляет собой сложное образование, в котором может присутствовать несколько ступеней производности, могут быть выделены зоны как формального, так и семантического варьирования. Таковым, по нашим данным, является гнездо, приведенное ниже (гнездо № 7).

<i>шár/и/ть</i> ¹ ‘искать’ →	<div> <i>вы</i> ‘-шарить’ ‘отыскать’ <i>на-шáрить</i> ‘найти, обнаружить’ <i>о-шáрить</i> ‘обыскать везде, где можно’ <i>по-шáрить</i> ‘поискать’ </div>	
<i>шár/и/ть</i> ² ‘тереть, лить’ →	скоб-	<i>на-шáрить</i> ‘натереть’
* <i>шарить</i> ³ ‘бить’ →		<i>шár-ну-ть</i> ‘ударить’
<i>швár/и/ть</i> ¹ →	<div> <i>швár-ну-ть</i> ‘содрать резким движением’ <i>за-швáрить</i> ‘испортить трением’ <i>на-швáрить</i> ‘начистить, натереть’ <i>по-швáрить</i> ‘пооттирать, почистить’ <i>со-швáрить</i> ‘удалить что-либо, стереть’ </div>	
<i>швár/и/ть</i> ² ‘бить’ →	<i>швár-ну-ть</i> ‘ударить’ →	<i>швáрнуть-ся</i> ‘упасть’
	<div> <i>от-швáрить</i> ‘избить’ <i>у-швáрить</i> ‘уйти’ </div>	
<i>швár/и/ть</i> ³ ‘шаркать ногами при ходьбе’ →		

<i>жв́ар/и/ть</i> ¹ ‘тереть, → чистить, скоблить’		<i>на-жв́арить</i> ‘натереть; вымыть мочалкой в бане’ <i>по-жв́арить</i> ‘потереть; помыть мочалкой’
<i>жв́ар/и/ть</i> ² ‘интенсивно, → с усилием делать что-либо’		<i>на-жв́арить</i> ‘накосить сена; затопить баню, печку’
<i>жв́ар /и/ть</i> ³ ‘бить’ →		<i>жв́ар-ну-ть</i> ‘ударить, стукнуть’ <i>на-жв́арить</i> ‘набить, избить’

Наблюдения над функционированием производных слов в говорах Кирилловского района показали, что в диалектной словообразовательной системе на равных основаниях соседствуют общерусские и территориально ограниченные элементы и отношения. Это убеждает нас в том, что явления диалектной словообразовательной системы следует изучать в недифференцированном виде путем целенаправленного опроса носителей говора с помощью специальных словообразовательных программ.

Крестьянская семья Архиповых—Татауровых. 1906 г.

*Дмитрий Петрович Татауров, уроженец
д. Дымково Новгородской губернии.
Начало XX в.*

Анна Алексеевна Шаброва.

*Фотографии
30-х и 70-х гг. XX в.*

Ученики Борбушинской начальной школы Кирилловского района. Начало 60-х гг. XX в.
 3-й ряд: Струничев Николай, Белов Владимир, Воронцов Николай, Маркелова Любовь, Назарова Галина,
 Струничева Валентина, Гагарина Нина; 2-й ряд: Маркелов Николай, Воронцова Валентина, Хохлова Нина,
 Полина Татьяна, Мионов Федор, Корягина Нина; 1-й ряд: Воронова(?), Гагарин Николай,
 Назарова Татьяна, Хохлов Николай, Сергеев Геннадий; Взрослые: 3-й ряд: Гусева Роза Ивановна,
 2-й ряд: Людмила, зав. клубом, 1-й ряд. Шаброва Анна Алексеевна

Жители Кирилловского района у памятника воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Концы 90-х гг. XX в.

1-й ряд: Маркелова Екатерина Игнатьевна, Струничева Тамара Никитична, Маркелова Мария Акимовна, Кочнева Александра Григорьевна (?), Корягина Зоя Александровна, Корягина Александра Дмитриевна, Максимова Валентина Семеновна, Воронова Мария; 2-й ряд: Корягина Маргарита Ивановна (?), Шаброва Анна Алексеевна, Некрасова Надежда Ивановна, Струничева Анна Львовна, Грибова Нина Георгиевна, Гоголева Зинаида (?), Степанова Агния Васильевна, Максимов Анатолий Павлович, Харитоновна Аполлинария Виссарионовна

Н.П. Шабров за штурвалом самолета. 1957 г.

ГЛАВА II

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЖИТЕЛЯ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение феномена диалектной языковой личности относится к числу актуальных проблем современной диалектологии [Гольдин; 1997; Иванцова, 2002; Трубинский, 2004; др.]. Для решения этих проблем необходим значительный корпус текстов, разнообразных в тематическом и жанрово-стилистическом отношении, ярко иллюстрирующих фонетико-интонационное, лексико-фразеологическое и грамматическое своеобразие речи информанта, а также показательных в сфере анализа его когнитивных и поведенческих особенностей [Тимофеев, 1971; Иванцова; 2005; др.]. Длительные наблюдения над речью сельских жителей Вологодского края в Вологодском государственном педагогическом университете позволили не только сформировать обширную лексическую картотеку, послужившую основой «Словаря вологодских говоров» и других лексикографических проектов кафедры [Вологодское словечко, 2009; Золотые россыпи, 2014; др.], но и систематизировать значительный по объему корпус текстов, записанных со слов отдельных информантов. Актуализации этих материалов служит проект «Народная речь Вологодского края», в рамках которого представляются речевые портреты пожилых вологжан – носителей вологодских и белозерско-бежецких говоров.

Описание речевого портрета каждого информанта в нашей работе включает в себя краткую биографическую справку, представление записанных с его слов текстов в форме звучащей речи (в приложении к монографии), орфографической записи и / или упрощенной фонетической транскрипции, а также комментариев собирателя, относящийся к наиболее ярким особенностям языковой личности информанта. В конце каждого из четырёх разделов этой главы приводится список диалектных слов, отмеченных в записях речи, с опорой на лексикографические источники.

§ 1. АННА АЛЕКСЕЕВНА ШАБРОВА

В гостях у Анны Алексеевны Шабровой за пятнадцать лет полевых записей говоров Кирилловского района побывало более сотни диалектологов. В её гостеприимном доме на краю деревни Борбушина находилось место для студентов из Вологды и Череповца, для аспи-

рантов-диалектологов из Санкт-Петербурга, для специалистов из Германии и Швейцарии, изучающих русский язык и самобытную культуру северной деревни. Хозяйка угощала гостей немудрёной домашней едой, доставала с полки старинные фотоальбомы, на страницах которых навсегда остались её родственники, односельчане, ученики.

Особая порода людей – сельские учителя. Каких только испытаний не выпало на их долю в бурные двадцатые, индустриальные тридцатые, трагические сороковые, тревожные пятидесятые, беспокойные шестидесятые и во все прочие десятилетия XX века! Чем только не приходилось заниматься сельскому учителю кроме своей профессии: и разъяснять генеральную линию партии, и агитировать крестьян приобретать облигации государственного займа, и собирать сведения о составе семей и численности домашнего скота, и участвовать в переписи населения! И – вместе с односельчанами – пахать, жать, сеять, косить траву, заготавливать дрова, делить радости и тревоги своего беспокойного времени. И на протяжении долгих лет оставаться для своих учеников – уже взрослых людей, состоявшихся в семье и в профессии, – другом, советчиком, примером для подражания. Возможно, поэтому, идут годы, а сельский учитель не торопится дряхлеть, по-прежнему остаётся для своих односельчан не просто соседкой, бабкой Нюрой, а Анной Алексеевной.

Судьба А.А. Шабровой (Татауровой) во многом отразила драматические события новейшей истории нашей страны. Родной деревни Большое Дымково, в которой 1 ноября 1911 года родилась Анна Алексеевна, уже давно нет на географической карте. Эта земля лежит на дне водохранилища, а остатки сельского кладбища покоятся возле Покровской церкви недалеко от Кириллова. Родная семья Татауровых относилась к числу зажиточных: имела достаточно земли, собственное кустарное кожевенное производство, мельницу, небольшую пасеку. И семь человек детей, на долю которых выпали аресты и расстрелы, война и тяжёлый труд. Когда в начале тридцатых годов Анна закончила Белозерское педучилище, возвращаться ей было уже некуда: семью раскулачили, дом и скот отобрали для колхозных нужд, старших братьев арестовали. Спасением для неё стали добрые люди: заведующие и учителя сельских школ, в которых она работала после училища, односельчане и семья мужа, Павла Прокопьевича Шаброва, ставшего вскоре председателем Борбушинского колхоза. В этой деревне Анна Алексеевна прожила более шестидесяти лет, выучила всех сельских ребятишек в начальной школе. В этой же деревне 26 июня 2001 года она скончалась, немного не дожив до своего девяностолетия.

Анна Алексеевна Шаброва охотно беседовала со студентами-диалектологами о природе, о крестьянском труде, о невероятных происшествиях, свидетелем которых она была или о которых слышала от очевидцев. Обращают на себя внимание некоторые фонетические особенности речи информанта: произношение долгих твердых шипящих (*н'йишый, зав'эдушый*), неслогового у на месте [в] и [л] в слабых фонетических позициях (*коўдовствó, по ўся́кому, Паў́лик*). В грамматическом отношении речь Анны Алексеевны близка к литературной норме. Далее приводится расшифровка записи одной из бесед с А.А. Шабровой (общая продолжительность звучания – 1 час 23). Самой яркой диалектной чертой в этой записи является употребление диалектных слов: они выделены в тексте жирным шрифтом и прокомментированы в примечаниях с опорой на лексикографические источники.

Разносторонний разговор (00.00)

– *Когда в хлеву черное находят в зерне, это что?*

– **Спорынья.**

– *А её используют для колдовства?*

– Не знаю, матушка, я с коўдовством не знакома.

– *А вот если человек со странностями немножко: такой вот то ли сумасшедший, то ли со странностями, ведет себя не так, как все, как его назовут?*

– **Дура́к, полуу́мный.**

– *А скажут половина дурака?*

– Половина дурака, да.

– *А скажут лешачиха?*

– По-другому так часто называют лешачи́ха.

– *А за что?*

– Не знаю. Руга́еща. Вот пришла сюда. Я лежу́. <Лешачиха>: «Так и знала, што дрыхнешь». Ну а ёйное ли дело, какое дело: я лежу́, не лежу́? Посидела и ушла: «Нигде меня не любят». Ушла и всё.

– *Бабушка, а если у человека волосы вот так вот не прибраны?*

– **Растрёпа.**

– *А еще как? Скажут ли, что заполщенные волосы?*

– А? Запо́лщенные? Да.

– *Ясно. А вот если у женщины на голове ничего нет (не покрытая голова)?*

– **Гологоло́вая.**

О зимогоре (01.31)

— *А если человек неряшливый, как его назовут?*

— Неряхой, и всё.

— *А не назовут, что этот человек зимогор?*

— Зимогор? Зимогор — это специальные люди были, которые ходили по деревням собирали крошки, хлеб. А сами и хлеб пропивали да продавали. У нас зимогор ходил с зимогоркой, и у них ребёночек был.

— *Зимогорок.*

— Как звали её — не помню. Он такой чудак: всякие фокусы знал делать. Дак мы ещё ходили маленькие. Нас мама не отпускала. Хотя тятя: «Пусть идут, научацца всему, посмотрят». Дак мы еще таким давидом вон у них останавливался у Нефёда. <Зимогор>: «Чё, ребята, пришли-то?» — «Пришли». А он уж знает зачём пришли. <Зимогор>: «А может вам показать што-нибудь, фокус какой-нибудь?» Здоровенный. Это зимогор и зимогорка. Вот недавно, годов десять тому наза. С ним сзди с клюшкой ходила с котомкой зимогорка. Вот Хрущову спасибо: всех таких нишшых, всех этих зимогоров определил в эти дома престарелых. А теперь опять появились, снова идут.

О заговорах (02.59)

— *Бабушка, а вот когда от испуга лечат, как заговаривают? Чево делают?*

— С испуга? Дак к колдунам тоже ходят.

— *А как вот это делают?*

— Не знаю, я ведь не колдунья.

— *А не выливают воду, вот так. Воду изо рта на человека не выливают?*

— Вспрыскивают.

— *Дак как это делают?*

— Не знаю.

— *Просто спрыскивают неожиданно?*

— Да. Вот, озык. Да, вот придет Львовна: «У тя есть слова, найди». Вот найду слова, прочитаю и говорю: «От Бога, от людей, от ветра». Три уголька надо спустить. Я говорю: «У тебя от людей». — «Так и знала, што от людей!».

— *Какие это три уголька? Куда три уголька?*

— В воду. А потом этой водой надо спрыснуть её нечаяно. Но и дать попить и умыцца. Вот и так, как легче стало. Я и говорю: «Больше тебе делать не буду».

— *Бабушка...*

– Не помню, у меня́ памяти́ нет, а на́до чита́ть, дак ка́кой толк? Не один раз это прочита́ть, не буду чита́ть.

– *А ты как узнала, что от людей озык?*

– Да потому́ што шипи́т на тот уго́лѣк.

– *А что, он в воде шипит?*

– В воде́ шипи́т.

– *А гры́жу как ле́чат?*

– А гры́жу по ў́всякому ле́чат. Де́душка у нас, Проко́пий, дак заго́варивал. А хто дак зашпы́пывает зубами́ своими́ или де́снами, если́ зубо́в нет. Где у кого́ ка́кая гры́жа бы́вает пупо́вая, а бывает и мошо́ночки.

– *А жабу заговаривают?*

– А где жа́ба бы́вает? Где-то в груди́ не бы́вает жа́ба? Не зна́ю.

– *Не знаешь, да? А вот вода, которую заговаривают, её как-нибудь называют?*

– Не зна́ю. Вот, Дми́триевна Валерку ко́гда роди́ла, Гри́ша-то у ей загуля́л, она́ и ходила к колду́нам. Дак колду́нья ка́кую-то верё́вку в во́ду спуска́ла, ни́точку. Вот говори́т: «Гляди́, как он те́бя не люби́т-то, крути́ща верё́вка-та». Говори́т <Дми́триевна>: «Ви́дела и са́ма, вода́, – говори́т, – забу́рлила». А пото́м <колду́нья>: «Он люби́ть те́бя не бу́дет, а жи́ть от те́бя не уи́дёт, с то́бой жи́ть бу́дет».

– *А если человек в животное превращается, дак как это назвать?*

– Животное, и всё. Как он в живо́тное превращае́цца?

– *А не может человек в животное превратиться?*

– Ко́нѣшно. Не зна́ю. Пья́ный дак, ко́нѣшно, он живо́тное, не челове́к.

– *Почему говорят, что те́тя По́ля – колду́нья, ве́дьма?*

– Да не ве́дьма, у ней ма́ть бы́ла колду́нья – зна́ла это всё. А так-то ни́кто хо́ть вы не ска́жете ни́кому – она́ рассу́рди́ща.

– *А е́ще е́сть на дере́вне колду́ньи?*

– Нет, зде́сь не́ту. Бы́ла да умерла́.

– *Она́ де́тям пере́дала своё колдо́вство?*

– Говори́т, што до́чка всё́ зна́ет. Вот, э́тот Ми́ша, цыга́н-то, бы́л, с до́чкой жи́л.

– *Переда́ется по же́нской ли́нии?*

– Нет, говори́т, ко́му хо́чешь мо́жно пере́дать. Бы́ла колду́нья, Лебе́дева-то, говори́т. Пере́дала Шу́рке. Вот и всё́. А Шу́рка те́перь умерла́. Дак ко́му пере́дала? Неи́звѣстно. А Ню́рка бо́льшая дак, Зи́нка не бу́дет, не ве́рит ни́чему. Зна́чит, ко́му-то чу́жому пере́дала. И умерла́ ле́гко. Говори́т колду́ны му́чающа до́лго – не мо́гут умерѣ́ть, а вот она ле́гко умерла́. Колду́ном мо́жет бы́ть то́лько тот, у ко́го о́чень хо́рошая па́мять. Да, па́мять, е́сли хо́рошая, дак она́ все сло́ва мо́жет запо́мнить, всё колдо́вство э́то вся́кое. А е́сли не по́мнишь, дак че́, ка́кой толк? Мне да́ли списа́ли. Вот от озы́ка, от зме́й, ишшо ка́кие...

– *Покажи.*

– А где-то есть от о́зыка. Сеча́с поищу́. На́до найти́.

– *Давай-ка, читай.*

– Я знаю, што ты меня обманываешь: всё записываешь.

– *Где очки? Передайте очки.*

– Бежит речка с се́вера на юг, с за́пада на восток. Омы́вает речка пё́нье, коме́нье и всяко́ корёнье. Обмóй у меня у раба́ бо́жия, у А́нны па́льчики, суста́вчики, жилы подколённые, головные, внут́ренние. С ве́тру пришло́ – уго́лки спуска́ешь на ве́тер и иди, от наро́да пришло́ – к наро́ду иди, от зло́го, от лихого́ челове́ка приста́ло – зло́му челове́ку пойд́и (по́пить, умы́ться и водо́й). Вот и всё. Вот, от о́зыка.

– *А больше нет никаких?*

– Были, да потеря́ла. Были мно́го. Мне сказа́ли – запи́ши. Па́мяти нет, дак запи́ши. А я записывала, а потом подумала – к че́му мне это всё.

– *Ну ладно, спасибо.*

О поминаниях (09.35)

– *Поминания дак это чево?*

– Поминания, дак устраи́вают питьё о́пять да еду, да помина́ют за сто́лом, да хóдят на моги́лы да. Отмеча́ют, што севодня́ год прошёл, как она умерла́ или он умер.

– *Это только раз в год бывает?*

– Раз в год, в этот день, когда́ она умерла́.

– *А для кого не устраи́вают поминания?*

– У ково́ нет родных ни́ков. Вот Ле́ня умрёт, то какое помина́ние об нём бу́дет? Или как Льво́вна вон говори́т: како́е обо мне помина́ние бу́дет? Дом заколо́тят да до свида́ния. Свезу́т да.

– *А на году́ их сколько́ бывает-то?*

– А помина́ют и в со́рок дней, помина́ют и в полго́да, помина́ют и в год.

– *А скажут ли, что на году́ было́ несколько́ поминаний?*

– Мо́гут сказа́ть. Зна́чит, и в де́вятый день хóди́ли, и в два́дцатый день хóди́ли, и в тре́тий день хóди́ли. Это́ всё помина́ния. А е́сли с чу́жими лю́дьми е́щё пригла́шают дру́гих, дак помина́ния настоя́щее. Поминки́ е́ще называ́ют. Помина́ния или поминки́. Поминки́. На поминки́.

О беседах (11.05)

– Когда́ де́вушку засва́тали за кавале́ра свое́го, она за́муж выхо́дит. Она де́лает для кавале́ра, то е́сть для ба́рышней бесе́ду, то е́сть ве́чер, и называ́ющая они́ просва́тки.

– *А что такое сватанье?*

– А сватанье одно и то же. Просватки и сватанье – одно и то же.

– *А называют ли просватками пир, когда приезжаю сватать невесту?*

– Нет. Никакова веселья не бывает. А тут весельё и праздник. Тут даже пиво варят, бывает. Бывает, угощают девиц и гостей. На просватки приходят гости, што севодня просватки. Праздник. Устраивает вечер. Ну, по-городскому – вечер, а по-деревенски – беседа. Бывает, она и причёт отдаёт, когда начинающа эти просватки. А потом веселье. Выпьют с парнями. Пьяные.

– *А просто беседы бывают, когда молодежь собирается?*

– Бывают. Тоже беседой называют. Посиделка ещё. Бывает, приходят, знаете, с чем? С прялками. Тоже называлось «пойдём на беседу». Придут прялки – спрядут. Одна перед одной, которая больше и лучше напрядёт. Вдруг ребята с гармонью приходят: «Девки, бросайте свои прялки, давай плясать». И пошли все плясать. Устроили беседу. «Чего мало напрядли?» – «Да севодня ребята приходили».

– *Много раньше было бесед?*

– А беседы были по очереди. Вот у нас, я маленькая была ещё, только начинала маленько гулять-то, в седьмом классе училась, дак. Три беседы было. Вот были беседы с Николы. У нас беседы с Николы. Две недели идут. С Николы до Рождества. С Рождества идут в Уломе в самой, потом идут там в Воланцах. Те по две недели. А там три деревни вместе были – дак во всех тех деревнях тоже по две недели. Девицы и справляли. Есть пять девиц, то есть пятнадцать девиц – так надо, значит, на каждую штобы, каждая. А если не приходит на каждую по вечеру, дак второй раз обойдётся. А если как лишка – то двое собирающа. Ну, вот за меня, помню, отдавали да решето картошки, да сколько-то хлеба, не помню. Не коровай ли хлеба отнесли за меня? Беседа. Дома некуда было – семья большая пускать. Дак и наймовали. Тут одна женщина бедно жила, дак она всё пускала к себе эти беседы.

О наймовании (14.24)

– *А что значит наймовали?*

– Наймовали – это значит за деньги просились, штобы провели вечер за нас. Женщина уж готовит, скажет: «Несите свои лампы и свой керосин». Так лампы свои нальём полно керосину и несём лампы свои. Одну-две. «У меня, мол, ничего нет». Она уж приготовит помещение: вымоет пол, лавку, везде пыль обтерёт, штобы пришли, не запачкались.

– *А один человек может наймовать?*

– Может и один устроить вечер.

- А если я это делаю?
- Ты наняла, ты наймешь.
- А они?

– Наймут. Все соберёмся, вон, скажем, тетя, как её звали, у хохлушки старуху, забыла уж: «Тётя Наташа, пусти нас-то». – «Я большим девкам; большие девки у Тани будут справлять». – «Сколько тебе надо-то?». – «Да уж сколько вам не жалко». – «Нет, уж, вы скажите, сколько определите». – «Да по решету-то картошки принесите». Вот по решету картошки принесём, она на вечер нас и пустит. Придешь, скажешь: «Бабушка, мне бы картошки надо». – «Полезай в подполье, доставай». Вот пойдём, достанем в подполе картошки. Положила и понесла.

- Если ты наймешь, то как про себя скажешь?
- Наняла, наймую. По найму ходили, как по найму.
- А я?

– Наймешь. По найму вот вечер. Значит, избу наймовали, вот как. А бывает жать наймовали, косить наймовали. Вот у нас так жать рожь наймовали. Жито мелкое, ячмень, овес, это другое всё сами жали, а вот рожь наймовали. Зараз возьмут, рожь-то осыпаецца, надо её жать срочно. Возьмут человек пятнадцать девиц. «Приходите, девушки, кто хочет, дак сядня к нам жать». Мама просит, и придут. Но кто придёт, другие скажут, што к другому ушла, другому обещалась. Вот человек пятнадцать придет, надо их завтраком накормить, обедом накормить, чаем напоить, вечером опять чаем напоить и ужином накормить. Три раза покормить да два раза чаем напоить. А за это ещё надо отдать деньги, сколько они берут на день. Вот, Некрасиха говорит: «Я вот за пятнадцать копеек день жала». Бывали случаи. Я уж не помню, за сколько там. У нас тоже наймовали. У нас не одни мы, а многие, у ково большие семьи да большие полосы, дак наймовали девицы, а девицы радехоньки: надо на одежду-то, а особенно деньгами плотят дак тем более. Сами ещо напращивающа.

- А можно сказать «нанаймовать»?
- Нанаймовать.
- А как будет «нанять»?
- Нанять – это значит ково-то, человека коково-то нанять работать.
- А если его наняли, дак он какой работник?
- Нанятый. Нанятый работник.
- А казаком не назовут такого работника?
- Нет.

О жатве (18.54)

— *Это кто развара?*

— Тихо переваливаетца или я идё толстая, идё как утка.

— *А вот таких женщин развар много бывает?*

— Нет, немного таких. Только старухи одни, а каких молодых не бывает развар штоб. Развары ведь они не в чести, их не любят. Особенно в деревне. Надо, штоб она пошевеливалась.

— *А пошевеливается, скажешь, что ходко работает?*

— Вот Анна Некрасова говорит: «Я по восемнадцать суслонов жала. Это очень много. За двоих работала. Дак у них посмотришь — только снопы вертяцца.

— *А что такое суслоны?*

— Суслон — это одиннадцать снопов. Надо сжать и поставить их в кучку. Я помню как груды ставили, как суслон ставили.

— *А груды как ставили?*

— А тоже надо десять—одиннадцать: так три, так три, да так три, да сверху три. Вот и четыре будет. Двенадцать снопов. А суслон сверху епшо ево раскроют и шляпу положат. Под суслоном можно скрыться от дождя, и ты не обмочит.

— *А сколько суслонов выставляют на поле?*

— А сколько полоса даст. Вот у нас была большая полоса. Дак на одной полосе было восемнадцать суслонов, а на другой пятьдесят. Это в одном поле. Вот, какие были большие полосы. Потому што тринадцать человек, я помню, семья была, пока Александр, старший брат, не отделился от нас: взял жену, да епшо и ребёнок родился. Дак вот их трое да нас десять человек.

— *А бывало, что собирали по три—четыре суслона?*

— Бывает, и такие два суслона нажнёт, ой, говорит, два суслона на полосе и колосок маленькой. Это, конечно, бывает, у бабули на поле: ни лошади у них нету, ни коровы путевой нету и навозу нету. Кашу, пшена им возят.

— *Это значит они бедные были?*

— Бедные были. А у нас всё сами делали. Не наймовали нико́во, штобы пахать или там ещё че-нибудь. У нас, я помню, отец, пока я жива, никогда не забуду: мы с Афонькой принесли ему еду. Я говорю ему: «Мы те еду принесли». — «Ладно-ладно, оставьте тут». — «Да ведь выстнет всё». А вы знаете, когда рожь сеём, запомните, ребята, шапка упадёт, дак её некогда поднимать. Вот как надо торопиться сеять. Думай, завтракать или обедать. Скорее надо сеять рожь. Сеять пять дней, а потом вдруг сама взойдёт. А теперь после сентября сеять, то к сентябрю. Самый лучший сев — это в августе месяце: с пятого августа до сентября. Так вот и урожай будет, и хлеб будет, было много хлеба.

– Бабушка, а грудa – это что?

– А грудa – это тоже такой же суслoн, а тoлькo штo нa грудкoй, и свёрху три снопa. Так два снопa и свёрху сноп и всё – грудa. А суслoн закрывать обязательно надо. Её составят эти снопы, а потом свёрху разломают и сделают шляпку, и закроют. И стоит эта рожь, выстаиваеца. Когда она выстоицца – её можно сразу солoдом иссушить.

– А сноп перевязывают чем?

– Соломой перевязывают.

– А как она называется, то, чем перевязывают?

– Забыла. Вязка. На вязку берём, если мелкое жито, то на вязку брали хоршую солому тонкую белую. А солому, где полоски-то вместе соединяешь, потом перевиваешь – вязка и будет. А если рожь просто берёшь горсточку, завиваешь у колосков, расправляешь её, а полоски-то так лежат вдоль колосков то, и ложишь. А потом завязываешь.

– А на один сноп сколько надо их?

– На один сноп – одну вязку.

– А на пять?

– Пять вязок надо. Значит, если овёс иль ячмень, да пшеницу – брали солoму. А рошь рожью и завязывали. Где как зовут. Кто вязкой зовут.

О провором человеке (25.18)

– А проворый человек это какой?

– А проворый усё умеет делать. Всё знает. Проворый, говорят, он.

– А если он хитрый?

– Хитрый? Тоже проворый. А не проворый, дак он чё – половина дурака.

– А кто самая проворая старуха у вас на деревне?

– Самая проворая, проворая была Лия.

– А почему?

– Она умела хорошо разводить печь, она и шить умела на руках, она и соткать умела чёво хочешь. А вот, дочку-то не научила ничему: и заплаты не зашьёт. Акимовна у нас проворая.

– Даки они, значит, обе проворые?

– Акимовна и шить может, и всё, и соткать может, и связать может – всё. Она проворая, она очень. Обе проворые.

О ляпаке (26.42)

– А скажи, что такое ляпак?

– Ляпак можно назвать. Ляпак вырвали сучком, платье я вот разорвала, помню. Ляпак вырвала. Не зашить было. Влезла маленькая на сосенку, я вот, как теперь помню. Новое платье было. Поехали, побежали цыплят

кормить. На сучок задели, дак ляпак вырвала. Ляпак, говорят. А потом зовут. Прозвище такое есть — ляпак. Такой непутёвый. Ляпак и сам не понимает чё. Вот ляпаком назовут. Вот Колью Зайцева зовут ляпак.

— А такие ляпаки часто в деревьях бывают?

— Нет, мало таких.

— А если вырвала два, то, как скажешь? Два ляпака вырвала?

— Два ляпака вырвала.

— А если много, то, как сказать?

— Вся платье было изорвано, в ляпаках. Ляпаки — это вырываешь.

— И зашить уже никак нельзя? Дыры?

— Дыры.

— А маленький кусочек ткани ляпаком назовут?

— Нет.

— Маленький ляпак, так скажут?

— Мне маленький ляпачок.

— А такие ляпачки куда нашивали?

— Куда, одеяла делали. И такие красивые. Теперь ведь мода потом пошла, а сейчас, вот я помню, так они вышли ляпачками этими: то треугольнички, то длинные такие коротенькие и разные-то делают. Так ведь загляденье. Делают серёдка. Это называлось серёдка, а каймы другие делали. Вот такие стёганные одеяла у невест раньше и были у деревне. Это такие из ляпаков одеяла. Ляпак.

— А вот если всё платье в заплатках, то скажешь, что оно всё започиненное?

— Пришла вся в платье започиненом.

— А может быть кофта започинена?

— И кофта может быть започиненая.

— И пальто?

— И пальто всё изодраное, започиненое.

— А вот если штаны починяют, то, они започиненные?

— Штаны? Започиненные.

— А такого человека, у которого всё започиненное да худое как его назовут?

— Никак.

— А не назовут отерёбок?

— Нет, не знаю.

— А как скажут?

— Да вот, Изоська-то здесь. Знаешь? Дак вот, все четыре сына у меня учились. Когда бы я к ним не пришла, она всё сидит и почиливает. Дак они выросли все в тряпчочках. Я как-то ей сказала: «Господи, когда к вам не приду вы всё почиливаете». — «А где новова-то взять? Вот, из двоих доделываю одни штаны, и сбоку делаю одну».

- Значит она бережливая хозяйка?
- Бережливая, да и нужда была большая.
- А я починиваю?
- Починиваешь.
- А если они двое сидят, то, что они делают?
- Починивают или штопают. Одно и то же слово. Штопают, конечно, чулки да носки.
- А остальное?
- А остальное всё починивают. Штопать там ведь знаете, как вас учили в начальной школе штопать дырочки на чулках, на штанах на трикотажных. А ведь, починывание – это заплату ложат сюда.
- Значит починивание говоришь?
- Да.
- А вот если тебе некогда, то скажешь что тебе не до починивания?
- Вся в прорехах ходит. Чё, некогда започинить – ходишь? Некогда мне започинить. Да, не до починивания.
- А когда не до починивания бывает?
- А когда нет времени, проленицца. Ленюсь я, дак. Можно много кое чего п починила, а ничево не починила.
- А если человек ленивый, то, как про него скажут?
- Лентяйка.

О бохвалах (33.06)

- А не скажут, что человек бохвал?
- Есть такие бохвалы.
- А бохвалы какие?
- Какие бохвалы. Всё у ней хорошо. Всё хорошо: она и печёт хорошо, и варит хорошо, и делает всё хорошо. У ней и приданово всяково. Вон, бохвалка приехала, Вёра-то Некрасова. У ней веть платьё-то чемодан целый привезла. А не охота одевацца-то. Бохвалицца, значит. Я зря не вскочу. Лишь бы можно жить, мне ведь чево не надо, денек мне хватает, пенсии явно богато, закупить всево. Рынок рядом. Выйди из дому – и рынок рядом. Дак чё, можно было бы закупить всево, дак просто уж, так поехала в деревню. Вот и бохвал.
- Много в деревне бохвалов?
- Нет. Мужики другие есть такие бохвалы. Вот. Наш в магазине. Дак это бохвал настоящий.
- А почему?
- Выставляет себя, только я.
- Вот если я буду говорить, что у меня сорок платьев и все шёлковые?

– Бохвалишься.

– А если ты будешь это говорить?

– Ой, да, посмеют все. Чё, помешана старуха-то. Сорок, нет, не насчитаетца. С рóду не бывало сорок.

– А человека как называют, если он очень любит наряжаться?

– Катя любит наряжацца. У неё, поди, и сорок есть.

– А как её назовут?

– Бохвалка.

– А скажут, что она басиха?

– Басицца, модничать, молодеть, молодёет.

– Красивого человека как назовут?

– Очень красивая? Тоже модничает, говорят, своей рóжей. Так и скажут.

– А если лицо оспой побито, то, как скажут?

– Корявый.

– А если женищина?

– Корявая.

– А у вас была кто корявая?

– Жёнщин не было, а парни были, мужики.

– Какие?

– Да как вот, Гриши Корягина два брата были корявые. Дедушка, свёкр наш, тоже был корявый. Я бабушке и говорю, своей свекровке: «Мама, пошто ты пошла такая красивая (она было красивая, высокая, стройная, румяная была), пошто ты пошла замуш за папашу». Он такой некрасивый, да и корявый ещё. <Мама>: «Матушка, дак ведь одали меня. Я ведь из прислуг, прислугой была, а ему надо было женища. Вот и сказали. Вот наш и живёт в работницах. Девка-то хорошая, красивая. Пришли сватать-то к маме, а не ко мне. Ну вот. А мать две коровы было да лошадь, да хозяйство хорошо да. Да ничо, Машка, рассуждать: чем в людях-то жить, лутше со своим хозяйстве жить. И вышла замуш». А говорит бабушка: «Ты не любила ево, нисколечко не любила. Так всю жизнь с ним и жила».

– А если на лице одна вмятина от оспы, то, как назовут?

– Никак не назовут. Со шрамами, дак с ямками-то. А у меня выступали вот здесь, я помню, пятна, как эти, когда рожают. Да как они называютца. А у меня и замуш ешшо не выходила. А весной у меня выступают тут как какие-то пятна. Это недостаток витаминов. Я потом посмотрела. Да как меня один парень, не с нашего курса, всё меня звал девушкой с пятнышками.

О жердинах (39.01)

– Бабушка, а очень высокого, большого человека как назовут?

– Дылда, говорят. Вырос-то какой.

– А ещё?

– Жердина-то какая.

– А ещё жердиной что назовут?

– Жердиной? Высоково парня.

– А в лесу, что жердиной назовут?

– Жердина. Это огород городят жердинами. Тонкая, длинная, высокое дерево тонкое. Вот такие жерди растут по болотам. Их специально ищут, но их рубят. Они особенно ценные еловые, сосновые жерди. Осиновые, берёзовые – они непрочные. Ольховые тем боле: они один гот простоят. А берёза – это тоже не так долго стоит. А вот сосны, ёлка.

– А сколько их на огород надо?

– Конечно, пять–шесть жердей в одно крясло да в другое крясло, да ещё сколько надо.

– А что такое крясло?

– Крясло – это. Ставят два кола, и ещё два кола перевивают, и ложат жерди. Вот крясло. Опять следующие два кола ставят, и к ним три прикладывают опять.

– А что такое перевивать?

– Сейчас всё гвоздями приколачивают, а раньше, чтобы положить жердь надо два кола перевивить. А между ими жердь положить.

– Значит перевязать?

– Перевязать.

– А верёвкой перевязывают?

– Не верёвкой, а вицами. Ей-богу ими. Вот пошла огороды городить, я не понимала ничё. Мне женщины и говорят: «Поруби виц вот такие». Вот я рубила и таскала к ним, а они перевивчали. На второй день пошла, сказала, што могу тоже и перевивчать. Стали другие таскать вицы. Да я уже перевивчала. А уш следующий раз пошла: «Я могу и жерди рубить». – «Ну, можешь, дак руби». Рубила жерди, окарстовала и приносила им.

– А что такое окарстовать?

– Окарстовать – это обрубать сучки.

– А вот если я все сучки обрубала, это значит, что я сделала?

– Как у всех?

– У дерева все сучки обрубала, дак я обкорзала?

– Обкорзала, обрубала.

— Дак не водил, вышла, да, и говорю: мне надо попасти надолго. А вышла я ненадолго. Вышла по дорожке в это место называецца.

— *А что нужно в лесу сделать, чтобы выйти?*

— Переодевацца.

— *Зачем переодеваться?*

— Как зачем? Если заблудишься, никак не можешь нигде выйти — снимай с себя всю донага одежду, встряс и переодень.

— *Просто переодеть?*

— Переодеть и всё. Встрясать одежду. Молитву какую-нибудь прочитать. Вот у нас Пётр Машу возил в лесу. Говорит <Маша>: «Вышла — тропка, место незнакомое. Не знаю куда идти. Господи, шо за беда за такая? Давай молитву читать. Прочитала молитву. Вроде полегче стало. Дай-ка я переоденусь. Переделась. Всё сняла, а в деревне, дак чё, штанов никаких не было. Рубаху да платёе сняла, да пальтушку, осенью дак. Всё перетрясла, передела. Господи, да ведь это долгий сосняк, место у нас там называецца. Слава тебе, Господи, я ведь на дороге и стою. Пошёл, говорит, в ладоши хлопает от меня. А, догадалась? Вот, догадалась по дороге.

— *А кто сказал?*

— Леший какой-то, старик.

— *А какой леший?*

— А не видела она. Только слышала слова, што говорит: «А, догадалась?». В ладоши захлопал. Она говорит: «Знакомая дорога, вот и пошла по этой дороге».

— *Бабушка, говорят, что тень давит. Это как?*

— А давит. Мне тоже, было со мной, было так. Приехала я в Зыбошновскую школу. Отвели мне комнату, вот такую маленькую. Но ничё не предупредили. А потом уж я догадалась, што мне на спине лежать и руки за голову нельзя. Это не тень давит, а стинь какая-то падает на человека. Ну вот, все спали верху, я одна ўнизу. Они на вышке все спали, а я одна в комнате спала, не боялась. Ну, легла я спать. Долго ль, коротко ли спала. Очнулась — ни рукой, ни ногой. Расветало, светло. Хоть бы ногой могла пошевелить. А я слышала, што, если рукой хоть маленько пошевелить иль кто-нить до тебя дотронулся, ты бы и ожила. Ну, как мёртвая лежу, как мёртвая — ничево не чувствую ничё, ни сказать ничево. Всё, умерла. Потом не знаю, как я очутовалась. Или кто на меня, мол, муха села или чё ли, и как-то пошевелилась и очутовалась. Потом приходит Анна Даниловна. Это хозяйка. Я ей говорю: «Анна Даниловна, со мной сёдня ночью беда была». — «Какая?». А я говорю: «Я была мёртвая». А это, говорит, стинь на тебя легла. На Анну, говорит, Ивановну, здесь

учительница до меня была, тоже она спала, говорит, а на неё вместе тоже была. Да, говорит, кто-то зашёл, да её начали будить чё-то – она как мёртвая была. Ну, дак я говорю: я дак не помню, как я очуствовалась. Видно, говорит, не судьба тебе умирать. Вот мне чевó сказ'ала Анна Даниловна. Ну, в общем, мёртвая совсём была. Ни рукой, ни ногой – ничём не чувствую, только соображаю, што я лежy. А што подняться ли, руку поднять ли, ногу ли – ничевó не поднять.

– *Это как называется?*

– Это стинь, говорят, пала на человека. Ну, в общем, мёртвый человек был. Совсём всё останавливалось. Сознание было, но не могу пошевелить-то ничём, ни сказать ничевó.

– *Бабушка, а в деревне люди, которые нечистую силу знают, были?*

– Были.

– *А как называют таких людей?*

– Колдуны.

– *А ведьмой назовут?*

– Ведьмоми назовут.

– *А знатихой назовут?*

– Зовут.

– *А он?*

– Знаток. Пришли из города ко мне знакомые: «Анна Алексеевна, мы к вам ночевать пришли». – «Пожалуста, ночуйте, я говорю, как вас сюда послало? Зачём пришли-то?». – «У вас тут дядя Миша. Мы к нему пришли». – «А о чём говорить-то?». – «А, вот с мужем будут говорить. У мужа чё-то не в порядке. В постелях не так».

– *Это как?*

– Половое бесiлие было у мужа. Надо было лечицца, а они пошли к колдунам.

– *Значит, колдун мог наколдовать так, чтобы постелю отнять?*

– Да, постелю отнять.

– *Это как?*

– А как колдуют. Ево сноха рассказывала: «Вышла в замуж, самохóдкой привёл муж. Сын-то ночь спит – ничевó. Вторую ночь спит – ничевó. На третью ночь ёсли ничевó не будет – уйду домой. Не буду жить. Какой мужик? Значит, дедко видит, што невеста невесела, поди, сын сказал чё-нибудь. Это Олёхо знала ж. Ну вот, говорит, дедко у нас колдун настоящий. Так и сказал, говорит: «Затопи-ка матка баню сёдня, надо молодых помыть». – «Я, говорит, не иду в баню». – «Давай, иди-иди». Пришли, говорит, мы с бани. Дедко вымылся сначала в бане, потом мы пошли в баню, говорит: «Пришли из бани – стоит сороковка вина». Налил, говорит, всем по стопки: себе и нам двоим. <Дед>: «Пейте, давай». Выпили по рюмке, не по стопке, маленькие рюмочки. Я и говорю:

«Ладно уж, севóдня-то нoчóю, а самá дóмаю: всё равнó не бóду жить. Кáкóй жить». Ну, вот. Пóтóм, значит, леглi спать. Всё срáзу появилось. Вот с этово, со стóпки вина, он наговорил, и стало жить.

– *На вино наговорил?*

– Наговорил.

– *А по-особому как называют колдуна, который делает только добрые дела?*

– Нет, óсобо не назовóт. Всё равнó колдóн.

– *А если худое делает?*

– Худóе дéлает, дак её не лóбят, ругáют.

– *А если заговаривает, то по-особому не назовут?*

– Ну, спасибо говорят, дéньги даóт, да, ешóо чó-то даóт.

– *А если травами лечит? Травником не назовут?*

– Нет, не назовóт.

– *А если женщина нашётывает, то, скажут, что бабка нашётывает?*

– Бáбка-шептóнья есть. Некрáсиха-то всё знáла. Потерялся телёнок, убежáл. Никитá, вся деревня ищёт. Я иду с тетрадка́ми из школы. Кто-то вышел и говорит: «Анна Алексеевна: все ушли, телёнка-то. У Хаптовых пята́ро ребятишек да их двоё, стари́коф-то. Не мо́гут ево найти́. Телёнка выпустил. Никто́ не мо́гут ево найти́. Везде́ ищшут. Я говорю́: я ничево́ не слышала. Я вот положу́ тетради – то́же пойду́ искать. «Иди-ка сюда́-то, попроси́ Анну Некрасову. Она́ тебе со школы́ знако́мая, дак попроси́». Я положи́ла тетрадки и к Анне: «Анна, телёнок потерялся у Хаптовых». – «Как потерялся?». – «Выбежал, да, и не могут никак найти́». – «У́ ты есть незарезанный хлеб?». – «Есть». – «Принеси́ крайчик хлеба, бухáнки от-решь». Я принесла́ буханки ей. Ну вот, говорит: «А тепе́рь пойде́м искать. Ты иди́ впе́рёд». Она́ позади́. Нашла́ девятое кря́сло, два-то кола́ сто́ят. Чó-то пошепта́ла. Вот, я знáла, да у меня́ па́мьят ху́дая. Она́ меня́ учи́ла. На́до этот корова́й-то по́ложить. Этот хлеб-то переверну́ть ка́к-то че́рез этот и иди́ти с этим хле́бом. Ты, говори́т, иди́, вот так, а я пойду́ доро́гой. Телёнок, говори́т, сейча́с на тебя́ вы́йдет. Я то́лько в лес захо́жу – телёнок-то на меня́ иде́т. Го́споди. Я и закрича́ла: «Ка́тя! Ка́тя! (баб-то всех зна́ю, дак) Иди́те! Телёнок-то вот на меня́ иде́т. На меня́, на хлеб прише́л телёнок-та».

– *Бабушка, а если человек зачерчивается, то, он что делает?*

– Че́рти – черти́ть, бе́сы – беси́ть, и сам сатана́ выхо́ди со дна́. Это уж зачерти́лся. А тепе́рь: че́рти не черти́тесь, бе́сы не беси́тесь, сам сатана́ уходи́ от меня́. Тут уж расчерти́лась.

– *А это когда делают?*

– Это де́лают прóтив Но́вому го́ду, в свя́тки, в любо́й де́нь.

– *А зачем?*

– Зачём? Жениха штоп потсмотреть, подслушать.

– *Это когда с нечистой силой хотят погадать?*

– Да. Вот, наша мама гадала. Моя мама. Пошли на кладбище в церковь на паперть. Пришли на паперть в церковь и зачертились все. Только, говорит, зачертились, как посмотрим: покойники-то всё-то пошли в келью рядами, говорит. Мы бегом. Я, говорит, не помню, как я с горушки слетела. Церковь-то на горушке была. Оказалась на озере. Господи, у озера. Зимой, дак. Пришли домой, говорю: «Девки, ведь мы не расчертились. Давайте расчертивацца». Надо погадать. Замуж охота, охота дак. Я опять зачертилась, вышла на горушку, девки-то и говорят: «Едут, как оттуда, от Кирилова на лошади, брякают. Ну, значит, видно, туда тебя». Ну, в тот год и вышла замуш.

– *Когда человек зло приносит, это как называют?*

– Худое имя колдун. Так, говорят, колдун худой человек.

– *А зло если приносят, то назовут это порчей?*

– Порча, портить, портите.

– *А говорят что сглаз?*

– А сглаз'ить это бывает, озык называецца.

– *Это как?*

– Ну, озычают человека. Меня тоже раз озычали. Я сделала мужу веноч. Сама-то толку не было да некогда, а нашла дома красный матерьял, да было очень много разных у меня, как это, бумаги. А Люба Некрасова приехала вокурат в отпуск. Я и говорю: «Люба, сделай ты мне Павлику веноч. Больно мне хочецца ему снести, этот хороший веноч, штоб везде алело». А вокурат от дороги-то видно-то наша могила. Значит, вокурат весной, в какой-то день, не знаю, она мне веноч-то сделала. Я из школы пришла и договорились с Лебедевой, што я пойду с ней. Я одна мало ходила на кладбище. Уш на второй год ходила. Первый год боялась одна ходить, што со мной худо, может, будет. Иду, с веноч-то и блещит, а у Белоусова женщины пошли на мусор скидывать. «Кто, говорят, идёт? Давайте дождёмся. Ой, Анна Алексеевна с венком, дак она к Павлику пошла». Ну, вот. Я захожу. Все: «Ой, какой веноч-то хороший. С кем пойдёшь-то?». Да я, говорю: «С Александрой Филиппьевной». Весь день отзанималась, хорошо себя чувствовала. Вечером пошла-то, после уроков. Только я зашла к ним, говорят: выпей чашку-то чаю. Выпила чашку. Пошли. До гор идти. Больше не могу идти. Она говорит: «Чё отстаёшь-то?». – «Не могу». – «Давай веноч, я понесу. На, возьми. На, возьми мою палку. Иди с палкой». – «Филиппьевна, и с палкой не могу идти». Она говорит: «Дак чё с тобой сделалось-то?». – «Не знаю. Может, меня озычали женщины?». А она говорит: «Ты не подумала, што все высыпали на дорогу». Я говорю: «Всем диво показалось, эко диво, што я и то каждый-то, каждую-то неделю бегаю туда на могилу». Ну вот, она говорит: «На, неси

венók-то. Я немно́жко отста́ну, а ты иди́ и не оборо́ачивайся». Вот идёт, видно, вот, чё-то пошепта́ла, погово́рила. От о́зыка есть у меня́ где-то слова́ записанные. Ну, вот, погово́рила, подходит ко мне — как лиц'о-то изо рта́ как мне вспры́снет. Ой, я говорю́, ой, што ты?! А она́ о́пять изо рта́ взяла воды. На, говори́т, немно́жко умо́йся. Я обмо́лась. <Анна Алексе́евна>: «Ну, тепе́рь пойдём. Ну, дава́й тепе́рь посиди́м мале́нько». Посиде́ли, посидели — на́до иди́ти. Ту́да сошла́ — всё норма́льно. Я говорю́: «Фили́ппевна, ты чо́-то, видно, погово́рила мне». — У тя, говори́т, о́зык. Лю́ди тебя́, говори́т, обо́йкали. Домо́й пришла́ — хоро́шо. Коро́ву обряди́ла, уро́ки подгото́вила. Всё. Как-бу́дто со мной ничево́ и не бывало. Это на-зывает́ся сглази́ли.

— *А это взглядом или словом?*

— И гла́зом, и сло́вом.

— *А если прикоснулись, значит ли что это прикос?*

— Нет, ко мне никто́ не прикаса́лся.

— *А как называется предмет, которым порчу наносят? Какими предметами порчу наносят?*

— Кла́дут шерсть с но́ктями. Остри́гүт но́кти. Меша́ют то́же. У неве́ст находи́ли ча́сто пот но́гами. Вот. Бро́сят, перешагнёшь и испо́рчена бу́дешь. Ишшо́ чё де́лают? Бо́льше не зна́ю. Се́мечки рассу́пывают, зерно́ какое-нибу́дь.

— *А слово «кудес» не слышала?*

— **Кудеса́** — это ря́жанные-то хо́дят в свя́тки-то дак. Кудеса́ и на́зывают́ся дак.

— *Кудеса — это те, кто ходят?*

— Да, кто хо́дит.

— *А был ли предмет, чтобы рано вставать?*

— Нет. Ра́но встава́ли, кому́ на́до дак. Ой, уста́ла.

— *Бабушка, а от нечистой силы что оберегает?*

— Крест.

— *А ещё?*

— И перекрести́ца на́до.

— *А ещё? Булавку зачем колют?*

— А это то́же, што́б не сглази́ли.

— *А куда закалывают?*

— А куда хо́чешь. Где-то у меня́ то́же була́вки есть. Везде́ в пла́тьях наты́каны. Де́сять штук купи́ла — везде́ и наты́кала. А уж стару́ха, дак всё равно́ умира́ть-то.

— *Чтобы не сглазили, булавку надо воткнуть?*

— Да, што́бы не испо́ртили и не сглази́ли, де́вушки. Неве́сту — дак всю иго́лками обы́тут да була́вками. Когда́ не́веста пойдёт, што́бы не ис-

портити. Вот вы, когда будете замуж выходить, так на весь подол и куда-нибудь эти приколки. Знаете што такое.

— Их надо приколоть на невидимое место?

— Нет, спрятать.

— Бабушка, скажи, зачем так руки складывать?

— А, это фи́га, што ты меня всё равно не испортишь.

— Это специально так складывают?

— Да, специально. Фи́га. Которая колдунья, дак сходит со словами, дак держи фи́гу — тоже не возьмёт. Это вот у нас Любка Некрасова всё ведь знала. Она и говорила: «Делай фи́гу, то никакое слово не будет». Поля, говорят, колдунья.

— А когда человеку привидится что?

— А привидища, бывает сбываеца.

— А у тебя бывало, чтоб сбывались сны?

— Бывал сон, бывал.

— Расскажи.

— Задумала про жениха: што выйду ли я замуж за Ивана Ивановича, за кавалера. Заведущий он мой был. А мне вместо заведущево, вместо жениха приснился отец. Вот. Как я домой приехала. Еду домой. Господи. Отец едет с дровами. Дрова-то рассыпал, нас мамой засыпал нас дровами, а сам сел на лошадь да и поехал. Я и говорю: «Мама, тятя-то вернёцца?» Она: «До церкви доедет, так и вернёцца». Ну вот. А идёу домой-то, господа, поросёнок лежит. Я взяла на свой-то платок, да, и хотела поросёнка лицо обмыть, как гляжу — отец мой лежит-то, весь-то, всё место чёрное. Всё-таки, я думаю, попала, думаю, попала, уснула. Опять проснулась. Чо-то теперь забывать стала, што мне годов-то девятнадцать-двадцать. Вот, такая маленькая, молоденькая ещё была. Первый год работала. Ну, вот. Утром встаю и спрашиваю технички, в школе ночевала, на новом месте, дак. Она попросила, мол, ночуй у меня, поколдую я тебе. Положила мне спицки: суженый — ряженный, приходи, водички ведёрко проси до положи лошадку поить. Ей ничё не приснилось. А мне вот этот сон. Говорит: не выйдешь замуж. Недели две прошло, отец-то и умер. Телеграма пришла. Я поехала. Глядишь, идёт: «Чё, Мария Евлампьевна, сон-то, видно, в руку?» Ей-то и говорю. «Матушка, я тебе сразу хотела сказать, да побоялась, што растроилась, што у тебя дома большое несчастье будет». Приехала домой-то, господа, захожу — брат встречает меня старшенький. «Нюра, — говорит, — как живой лежит». Я пошла. Правильно, как он всегда румяный был, а это место всё чёрное. Мы уж, говорит, приводили фельдшера. Дядя Гриша приходил, ево двоюродный брат. Говорит: «Всё уж мёртвый, а застывать — не застывает, не остывает». Я говорю: «Дак поддержим ешшо». Шура приехал-то, брат старший. «В Архангельске был, — говорит, — не приехал ешшо, ждём». Дак говорит:

«Нет ешшо родных, только, вот, Погореловские пришли, да никово нет». Я говорю: «Завтра-то, завтра ешшо дома будет. Чё, умер, дак мёртвый?» Дядя Гриша сказал: «Нет, у него разрыв сердца. Ну, я не знаю, разрыв почему, што мёртвые пятна весь зад, и всё было мёртвое».

— *А почему дрова рассыпались?*

— А дрова-то рассыпались — мама тут замерла. Тут остановить пришлось лошадь. Пришлось с мамой возища, што, думали, еле-еле её, отживёт. А вот, где он-то лежал как поросёнок-то. В этом-то месте она тоже и замерла. Вот два раза. Потом уж очуствовался: упал на камни какие-то дали, фельдшер был тут-то.

Об обете (74.42)

— *Бабушка, поблазнить — это что?*

— Покажецца.

— *А говорят только так или ещё как-нибудь?*

— Только поблазнивают, показалось ли, слышалось ли.

— *А допустим, обет дают какой-нибудь?*

— Обет дают. Я давала. У меня нога болела, вот. Прокололи мне этим нырком. Такие нырки устраивают, со стол длиной еловые, острые. Вот, кто быстрее и дальше. У нас ребята-то старшие были, бросили. Я стояла. Мне нырок-то вокурат-то и попал, в лодыжку. У меня нога и заболела. Я три класа кончила. Мне в школу-то в четвёртый класс за пять километров надо было ходить, а нельзя ходить-то. Я всё плакала. Нельзя мне в школу ходить. А бабушка говорит: «Сделай-ка обет: помолись на коленках Богу, Феодосий Преподобному. Если заживёт ножка — мы с тобой к Феодосию сходим, молебен отслужим. Я батюшку скажу, молебен отслужим, если у ты ножка заживёт». Ну, вот, а то-то и научись, што у меня тебя язва большая образовалась на ноге. А кто-то и научись, што квасцы — такой камень кислый, как квасцы. Видно, продают в аптеках. С белком яйца натереть на блюдечке, и получицца пенка белая. На эту на тряпочку и привязать. У меня быстро ранка-то очистилась, и быстро затянуло, зажило. Нога-то у меня и зажила. А мне и снится: лежу я. Мы двое с девчонкой болели. У одной девчонки руки болели так, дак все говорили, што волос. С мамой от волосу ходила, колдовали. Дак в шпэлоку' поддержишь. Только язва сделалась большая. Да, всё. Ну, вот. Всех-то и врачей у меня отец выводил везде. Только и говорят, што пройдёт, пройдёт. А как пройдёт до школы? Доживёшь, а не пройдёт если? Зима началась, а у меня одна нога не заживает. Нельзя ходить. Вот, это и квасцами сказали. Начали лечить. Нога-то у меня и зажила. Я легла спать, бабушка и говорит: дай обет, помолись Богу. Баушка у нас религиозная была очень. Я на коленках со слезами помолилась Богу и дала обет, што если всё хо-

рошо — молебен отслужу, сходим. Вот, и пошли. Значит, сплю я, заходит угодник Феодосий. Я лежу под образами, как будто уже умерла. Он и говорит: «Не тоскуй, девочка. Мажь ножку-то яичком, с квасцами-то — она у тебя и заживёт». Ну, вот. Господи. Встала. <Анна Алексеевна>: «Бабушка, я сдняя Феодосия видела во сне». — «Как?» — «Видела». А я её и не знаю, не видала иконы этой, не знаю. Ну, вот, заживёт нога-то, и сходим в церковь-то к Феодосию день ты и скажешь. А часовенка за шесть километров была. Надо церква пять километров, а надо ешшо идти до часовенки. Феодосию день и пойдём. Пришли к одному. Этот Феодосий-то, этот, Феодосий-то этот в церковь. Нога-то зажила. Бабушка, вот, этот, вот этот мне угодник приходил. Она заревела и grit: «Феодосий — батюшко приходил к тебе». Вот. Батюшко, сказала, батюшко. Одному этому и служим. Нога зажила у меня и стала в школу ходить. Четвёртый клас кончила. В Кириллов поступила.

— *А когда хотят приворожить, то, как такой заговор называют?*

— Не знаю.

— *А вот, постелю отнять, это какой заговор? Поссорить?*

— Нет, это половое бессилие по-научному.

— *А чтобы рассорить?*

— Есть, говорят, такой заговор.

— *А присуха и отсуха что за заговоры?*

— Не знаю.

— *А вот, бывает, что в поле колосья скручивают? На урожай порчу наносят?*

— Это не знаю, тоже. У нас не бывало случаев. Со мной, тоже, был случай один раз. Я покойников-то не боялась хоть, не боюсь. Сейчас одна, вот, остаюсь здесь и близко нет никого людей. Не боюсь: мёртвый не тронет, живых надо бояться. А Павлика у меня повезли, умер когда, надо вести анатомировать его. А весной умер, седьмого мая, дак. Шестого мая повезли ево. А бездорожица была. Там есть у нас глиняная горушка. После Зыбошного. И никак лошадь не могла подняться в эту горушку. Его одноо оставили. Двое повезли-то. Шурка, царство ей небесное, говорит, этот, Саша. Ево повезли они-то. Не боялись поодиночке-то остацца с покойником. Оба и пошли помогать мужиков звать, штобы вывести в горушку. Пока в Зыбошно-то ходила. Он-то один и лежал на телеге-то, покойник-то, но пришли. Я всё думала: он, наверное, в это время и вышел. Где-нибудь ходит тут. Тело-то его осталось, а душа-то, поди, тут и ходит где-нибудь. До осени дожила. Осенью надо на совешшание идти. А хозяйка уехала: надо новую квартиру найти. Вот, а с председателем сельсовета договорилась, здесь сельсовет был, што вместе пойдём домой. Я говорю: «Ты, Григорий Фёдорович, иди, а я тебя как-нибудь догоню. Только вот зайду в один дом ешшо». Зашла, да бабен-то такая, прогово-

ри́ла, ви́дно, до́лго. Вот, он и уше́л. Мужик, дак. Я всё догоня́ла, догоня́ла – никак не могла́ догони́ть. Дошла́ до Зауло́мской – не́ту Грийши, не́ту ни-где. Добежа́ла до ле́су. На́до иди́ти одной в лес. Все́ бы хорошо: как то́лько переи́ти глиня́ную гору́шку? Вот. Хотя, Гы́ня напуга́л меня. Разде́лась: боти́нки, сапо́ги, не помню, че́ было. Подо́л загну́ла, ра́ньше веть су́мок не́ было, все́ узелоч́ки, узелок. Ту́фельки свои́ в узелок по́ложила. То́лько погляде́ла, што все́ в узелок по́ложила и в ру́ки взяла. А как перешла́ глиня́ную гору́шку, как доро́гу, вот э́ту, перешла́, кило́метра два? Ника́к не помню. Очу́лась – у ку́ста стою́, в Зыбо́шном про́тив шко́лы. Го́споди, а как же я лес-то перешла́? А где ж глиня́ная гору́шка? Я глиня́ной гору́шки не ви́дала. Ника́к по лесу́ не ви́дала. Ни́чево́ не ви́дала. Очу́ствовалась: го́споди, стою́ я у ку́ста. Огоньки́ уж. Пошла́ домо́й поти́хоньку. Го́споди, ви́дно, меня́ Бог пере́нёс!

ПРИМЕЧАНИЯ

Баси́ться – наряжаться, хорошо, нарядно одеваться [СВГ, 1: 22].

Бахва́л – лгун, обманщик; хвастун [СВГ, 1: 25].

Бахва́литься – хвастаться [КСВГ].

Бахва́лка – сплетница; хвасту́ня [СВГ, 1: 25].

Бездоро́жица – бездорожье, распу́тица [СВГ, 1: 27].

Бесе́да – вечернее будничное собрание молодёжи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют [СВГ, 1: 30].

Бо́лос – по суеверным представлениям: мифическое существо, живущее в теле человека, служащее причиной его болезни [КСВГ].

Вы́шка – чердак; помещение, комната на чердаке, используемая обычно для хранения одежды, мезонин [СВГ, 1: 105].

Вя́зка – жгут, скрученный из соломы для связывания снопов, ср.: *вя́зиво* [СВГ, 1: 106].

Гологоло́вый – без головного убора, с непокрытой головой [СВГ, 1: 119].

Гору́шка – небольшая возвышенность, холм, пригорок [КСВГ].

Гру́да – малая укладка снопов ярового в поле; малая укладка льна из 10 снопов; большая укладка снопов или сена; др. [СВГ, 1: 131].

До́лгий – высокого роста; длинный [СВГ, 2: 39].

Замере́ть – начать плохо чувствовать себя [СВГ, 2: 131].

Запо́лстить – спутать, свалять (о волосах, нитках и т.п.) [СВГ, 2: 141].

Започи́нить – починить [СВГ, 2: 142].

Зачерти́ться – в святочных гаданиях: начать гадание особым ритуальным действием, провести черту, защищающую гадающего от злых сил [КСВГ].

Зимого́р – бродяга, босаяк, живущий случайной работой; драчун, хулиган; др. [СВГ, 2: 171].

Зимого́рка – неопрятно, бедно одетая женщина; нищенка [КСВГ].

Знато́к – знахарь [СВГ, 2: 174].

Крясло – возм., имелось в виду *прясло* «звено изгороди в длину жерди, доски (от столба до столба)» [СВГ, 8: 106]; ср. также: *крясла* «сани; боковые стенки из досок, используемые для увеличения полезной площади саней или телеги при перевозке сена, снопов и пр.» [СВГ, 4: 9].

Кудес – ряженный во время святок [СВГ, 4: 12].

Лешачиха – по суеверным представлениям: лесной дух в образе женщины; жена лешего; др. [СВГ, 4: 39].

Ляпак, ляпачок – лоскут ткани, кожи; заплата [СВГ, 4: 64].

Наймовать – брать во временное пользование за определенную плату, нанимать [СВГ, 5: 41].

Обкорзать – обрубить сучья, ветки [КСВГ].

Обойкать – навести порчу неосторожным словом, оговорить [КСВГ].

Озык – наговор, сглаз, порча [СВГ, 6: 39].

Озычать – навести порчу, сглазить [СВГ, 6: 39].

Очувствоваться – выздороветь, прийти в себя [СВГ, 6: 111].

Пальтушка – утепленная короткая женская одежда; полупальто; куртка; др. [СВГ, 7: 4].

Пенье – собир. пни [СВГ, 7: 25].

Перевивать – скреплять прутьями колья, жерди изгороди, ср.: *перевивать* [СВГ, 7: 32].

Поблзнить – показаться, почудиться, померещиться [СВГ, 7: 73].

Приколка – английская булавка [СВГ, 8: 51].

Причет – старинная народная обрядовая песня – плач по поводу смерти, замужества, рекрутского набора; причитание [СВГ, 8: 71].

Проворый – проворный; умный, сообразительный; трудолюбивый [СВГ, 8: 78].

Просватки – в свадебном обряде – завершающееся употреблением спиртных напитков сватовство, в ходе которого было получено согласие на брак [СВГ, 8: 92].

Развара – нерасторопный, неловкий, медлительный человек; неаккуратный, неопрятный человек, неряха [СВГ, 9: 10].

Расчертиться – освободиться от заклятья, заговора; закончить гадание особым ритуальным действием [СВГ, 9: 43].

Самоходка – девушка, вышедшая замуж без согласия родителей [СВГ, 9: 91].

Сосняк – сосновый лес [СВГ, 10: 86].

Спорынья – злаковые растения, пораженные болезнью – спорыньей [СВГ, 10: 103].

Стень пала – о потере способности двигаться, шевелиться [СВГ, 10: 127].

Суслон – укладка льна или зерновых из 5–11 снопов [СВГ, 10: 161].

Шептунья – знахарка [СВГ, 12: 84].

Шляпа – сноп, надеваемый сверху на укладку снопов [СВГ, 12: 98].

§ 2. АПОЛЛИНАРИЯ ВИССАРИОНОВНА ХАРИТОНОВА

В работе диалектолога бывает великая удача – встретить собеседника, много повидавшего на своём веку, умудренного, но не сломленного жизнью, до преклонных лет сохранившего бодрость духа, ясность ума и любовь ко всему живому. Такой мы запомнили Аполлиналию Виссарионовну Харитонову. Не один десяток лет разговаривала она со студентами Вологодского педагогического университета, сначала живя в д. Зыбошное, потом переехав в д. Борбушино. Когда Аполлиналия Виссарионовна приходила на почту или за продуктами, всё вокруг приходило в движение. Звучали шутки, смех, даже автолавка приходила быстрее. В её доме всегда гостеприимно горел свет, в хлеве мычала корова, у крыльца лаяла собака, на подоконнике мурлыкала кошка, слышался детский смех, пахло свежими пирогами. Нам никогда не отказывали в разговоре: хозяйка, успевая отвечать на самые разные вопросы о крестьянской жизни, одновременно делала множество дел: хлопотала в кухне, на огороде, ухаживала за животными. Иногда, если кто-то просил разрешения подойти к корове или к овцам, Аполлиналия Виссарионовна внимательно смотрела на студентов, выбирала самого, на её взгляд, спокойного и сноровистого, надевала на него рабочий халат и косынку и уже после этого подпускала к «малькам» или к «коровушке». Казалось, что добрый свет в её окнах никогда не погаснет...

Аполлиналия Виссарионовна Харитоновна родилась 27 января 1927 года в деревне Перхино в крестьянской семье. Детство её было трудным, как и у большинства деревенских детей. В школу, как она сама вспоминала, пришлось ходить всего одну зиму. Рано тетя Поля пошла работать, всю войну наравне с мужиками трудилась в рыболовецкой артели. Затем вышла замуж и переехала в д. Зыбошное, работала на животноводческой ферме: доила коров, ухаживала за телятами. Уже будучи на пенсии, оказалась в Борбушине: позвал Анатолий Павлович Максимов, местный тракторист, надёжный и крепкий хозяин, схоронивший несколько лет назад первую жену – хозяйку деревенского медпункта Валентину Павловну. Придя в новую семью, Аполлиналия Виссарионовна сумела наладить добрые отношения с сыном Анатолия Павловича, с невесткой и внуками. По словам близких, была она «великая труженица, настоящая крестьянка, которая, несмотря на трудности судьбы, всегда была веселым, неунывающим человеком, могла спеть и пошутить».

Умерла Аполлинария Виссарионовна 13 декабря 1999 года в возрасте 72 лет. Незадолго до этого, в одну из летних экспедиций, собеседники-диалектологи сфотографировали её вместе с близкими людьми, но не успели отдать фотографии. Публикуем их в этой книге с надеждой, что тетя Поля простит бестолковых студентов, не выполнивших своевременно её просьбу.

В архиве аудиозаписей Вологодского государственного педагогического университета сохранились записи наших бесед с Аполлинарией Виссарионовной Харитоновой, сделанные в 1995–1999 годах. В этой книге представлены расшифровки записей (примерно 50 минут звучащей речи), представляющих собой диалог о крестьянском труде. Наша собеседница рассказывает о крестьянской кухне, вспоминает о своей работе в рыболовецкой артели, объясняет особенности ухода за домашним скотом. Аполлинария Виссарионовна охотно говорит о зимнем рыболовецком промысле, об уходе за животными: *«У коровушки молочко́ на язычке́. Как покормишь, так и молочка́ получишь»*.

Особенность речи Аполлинарии Виссарионовны составляет локальная фонетическая окрашенность речи: слышится произношение [э] вместо [а] и [и] вместо [э] между мягкими согласными на месте под ударением (*исти́, заготовле́ть, с грёзью́, выгонё́ют*), звучит неслоговой у на месте [э] перед глухим согласным (*сегода́ука, дауно́*), регулярно представлен твердый долгий шипящий (*ишишо́, вы́полоши́шы*), заметно упрощение групп согласных на конце слова (*е́сь, боле́сь*). Среди морфологических особенностей речи обращают на себя внимание архаичная форма глагола *дать* (*даси́*), стяженные формы прилагательных и местоимений (*э́ка, я́шна, ти́ені́шна*), нередуцированные безударные постфиксы возвратных глаголов (*оста́лася, запасли́ся*).

Самой заметной чертой в речи Аполлинарии Виссарионовны является обилие диалектных слов: названий блюд крестьянской кухни, процессов их приготовления, рыболовецких терминов и пр. Диалектные слова выделены в расшифровках наших бесед жирным шрифтом, их толкование приводится в конце раздела преимущественно по данным первого издания и картотеки «Словаря вологодских говоров» [СВГ], школьного словаря вологодских говоров «Вологодское словечко» [ВС] и некоторым другим изданиям.

О рыбе (00.00)

— ...А потом, если план выполнишь, так премию дадут, по тридцать килограмм рыбы.

— *А чего с этой премией делать?*

— К Николу пойдём продавать.

— *А в хозяйстве ничего не делали?*

— Почему не делали? Дак это ловили дак. Да, ловили дак, по два килограмма.

О скоте (01.04)

— *Когда вы застали корову, что нужно сделать, чтобы она молоко дала?*

— Как корову кормить будешь, так у коровушки молочко на язычке. Как покормишь, так и молочка получишь.

— *Ну вот пришла коровушка из выгона, чего ей сделаете?*

— Надо ей надавать ей. Чтоб она была, пришла дак, чтобы чисто было, она сразу спать ложится, устанет день.

— *А доить станете, чего дальше делаете?*

— Доить стану, прихожу, напою сначала, а потом доить стану, потом подмою и доить стану.

— *Вот вы её застанете, а чего дальше-то, пошли за пойлом?*

— Да, вот ещё сходила за травой. Они стоят у забора, три коровы, эко выгонишь ишшо, а исти не идут дак. То ли кормить досыта наверно, дак там она от огорода никак не отходит. И наши сходят там постоят в воде, да опять тоже придут к огороду.

— *Вот они пришли, вы их загнали, чего с ними теперь делаете?*

— Чё теперь, надавала. Сначала напоила, потом травы надавала, потом доить стала.

— *А сначала-то чего?*

— Да, надо вымыть, с мылом намочить, вон сейчас придёт из этого, с грезью в титьках, на титьках принесёт, страшное дело. День один в эту воду забралась дак, в грезь дак, все титьки расщелились, надо мазать.

— *А чем мазать будете?*

— Маслом, этим, молочным с вазелином.

— *Вот вы её подоили, а дальше что?*

— А всё, больше всё.

— *А снова-то мазать не надо?*

— Мазать маслом обратно.

— *А вот когда маленьких ярушек, да баранов загнали, с ними чего надо делать?*

- А с йими то́же на́до, наслала́, наклала́ травы́ и напоила́ всех.
- *А во дворе трава под ногами как называется?*
- **Послань.**
- *А на послань какую траву надо?*
- Осо́ку.
- *А отава не послань?*
- Нет, ота́ву так коро́ва съест всё.
- *А отава – это кото́рая?*
- Ота́ва дак, вот пе́рвый раз скоси́ла се́но, второ́я вот ота́ва ростёт.
- *Тётя Поля, а можно мы вас сфотографируем на фоне вашего дома?*
- Да, дак дова́й.

О еде (07.23)

- *А вы кашу какую варите, густую или жидкую?*
- А кашу дак, если вот, например, какую, гречневую, грёчневую кашу дак, говорят, что лучше варить на воде. А я дак не варивала, я всё время на молоке варю дак.
- *Густую?*
- Густую.
- *А жидкую не вари́ли кашу?*
- Нет, а на молоке́ то́лько друго́й раз поди́ пше́нную дак, за́всего на молоке́ варить говорят.
- *А не скажете, что размазня?*
- Да, ничё не слы́хала, что размазня́.
- *Не говорили «каша-размазня»?*
- Нет.
- *А густая каша как-нибудь называется?*
- Густа́я дак густа́я, да и всё, как.
- *А «густуха» не называется?*
- Нет.
- *Гуца, сальник?*
- **Сальник** о́пять, са́льник де́лаем в э́той, како́й, как тебе́ сказа́ть..
- *Латке?*
- Ла́тке-то о́пять в э́той.
- *А каша из гречневой муки как называется?*
- А из муки дак я не знаю, муки́. Кру́па, грёчневая кру́па, а из муки́ дак.
- *Из крупы, из крупы...*
- Да, да, да. Из крупы́ дак грёчневая ка́ша.
- *А из муки гречневой не делаете?*

– Нет.

– А из овса кашу варили?

– Из овса овсянка, овсяная-то каша.

– А из соломата?

– Вот из этого же из овса, из соломата. Из соломата, из овса этого, запарят когда. Если из своего, сами-то запарят дак вкуснее этот, чё есь-то, толокно-то, толокно-то запаришь своё, из своего-то зерна, из овса вкуснее, чем вот покупаем-то.

– А из гороха кашу варили?

– А горох, а как кисель, из гороху кисель варят.

– А его называют как, гороховый кисель?

– Да, гороховый кисель. Делают, идят и горячий идят, идят и холодный. В тарелки наливают и идят. Раньше не было вилок, так ведь ели лученками, нарежут вот эту в тарелке эту, кисель-то, холодный-то, да вот и идят, молоком прихлебывают.

– Это на лученках, да?

– Да, да, да-да.

– А кашу из ячменя, из пшеницы варили?

– Из ячменя ак яшняя, яшняя-то каша. Что ой надо яшны-то каши сварить, нонче ведь всё покупаем.

– А заваркой не называли?

– Нет, заваркой нет.

– А затолукой не называли никакую кашу?

– Нет.

– А говорили «кутья»?

– Да, да, кутья.

– А ещё из чего?

– Из рису. Рис и ещё какой, ягоду-то как ещё называют, скажите ягоду.

– С изюмом?

– С изюмом.

– А варёный картофель как-нибудь называли?

– А варёная так картошка, тушёнку делали, тушёнку из картошки делают, с мясом да.

– А когда картошку чистите, чего снимаете?

– Корину.

– А корину толстую снимаете?

– А как кто снимает.

– А как кто снимает?

– Не знаю, кто как снимает.

– А когда девка чистит, на что свекровь смотрела?

– А не знаю, за мной свекровка не глядела.

- *Надо толстую корину обрезать или тонкую?*
- А не знаю, как кто начистит. Вон но́сят корины, дак кто как на-
чистит. Кто начистит то́лстую, кто то́нкую.
- *А корины кому дают?*
- Корове.
- *А поросёнку не дают корины?*
- У кого есть поросёнок дак, у меня вон о́вцы дак, овца́м да, коро́ве да, телёнку да.
- *А корины как-нибудь обрабатывают, или прямо вот берут и дают?*
- Нет, когда сырую даси, когда в кашу, я в кашу кладу коро́ве, за-
вариваю ка́шу, дак в кашу.
- *А картошку жареную как-нибудь называют?*
- Жареная дак жареная и есь, жареная картошка.
- *Бывает такое мясо – бычина?*
- А почему не бывает?
- *А это от кого мясо?*
- От бы́ка. Бы́ка заколо́ли, ак бы́чье мясо, бы́чина. Телу́шечка пов-
куснее́ мясо-то.
- *А телушечку закололи, так от кого мясо?*
- От те́лки.
- *Просто скажем, что от те́лки?*
- Да, от те́лки мясо. Теля́тина ак теля́тина, не те́лка дак не те́лка, бык дак бы́чье.
- *А как у овцы новорождённый ягнёночек называется?*
- Ягнёнок.
- *А ярушка – это?*
- Яру́шка дак яру́шка, бара́шек дак бара́шек.
- *Ярушка – это самочка?*
- Яру́шка – са́мочка, а бара́шек дак бара́шек.
- *А когда у коровы рогов нет, как она называется?*
- Кумёлая коро́ва.
- *А вот если корова кумелая, она чем-то другая?*
- Нет, почему, кумёлая коро́ва всегда́ бывает, да́ть молоку́ дак она хо-
ро́шая.
- *А быки кумелые не бывают?*
- Почему́ не быва́ют, то́же быва́ют. Я вот ходи́ла на фе́рме, дак у меня́
был бык кумелый.
- *А мясо свежее как-нибудь называется?*
- Говя́дина ак говя́дина наве́рно и есь, све́жая.
- *А свежати́на или свежени́на?*
- Нет, не зна́ю.
- *А убой?*

- А убой дак, на убой свели телёнка дак.
- *А ещё у мяса нет никакого названия?*
- Нет, наверно нету.
- *А лён от чего едят коровы?*
- Даκ лён да он лён от шейн. Лён ётот толькo вoт на шейн.
- *А шейны это у коровы или у человека?*
- У коровы. Заколёшь даκ у всех шейны.
- *А когда рыбу жарите, как-нибудь блюда называете?*
- Нет, нет.
- *Только жареная?*
- Жареная, да. Какая, рыбу жарить, ёсли шука, езёну ли, ёрш ли, су-
даκ ли.
- *А как у рыбы новорождённые называются?*
- Как, сегодаука. Это бёгает вoт друго́й раз, вoт встанёшь на о́зеро,
на берег, ой это сегодаука бёгает. Если покрупнее, даκ это лошак.
- *Их тоже не ловят?*
- Ак она пройдут в сётки-то, в сётки-то пройдут они все.
- *А молоко, которое в печку ставят, как называется?*
- Топлёное.
- *А больше нет никакого названия?*
- Парное. Парное даκ наверно тёплое, сейчас подаёное, парное. А так
эдаκ топлёное.
- *А вот «устоек» чего называют?*
- А вот это вот сметану. Усто́ек даκ усто́ек, он жиденький, а сметана
даκ снимают с кислoгo млoкa, ссёдлoгo.
- *Сседется молоко, так это чего с ним делается?*
- А потём, скислось, даκ оно и ссёлося, а потом ставь на твoрoг в
печку.
- *А вот сседется, так его можно пить?*
- А почему нельзя?
- *То есть сседлое молоко пить можно?*
- Да.
- *А молоко, которое снимают, как называется?*
- Ёто подсмётки. Из-под сметаны даκ. Ёто oбpaтa. Кто скажет под-
смётки, кто скажет oбpaтa.
- *А подсмётки куда девали?*
- Телятам вoт, телятам. Ёто oбpaтy-тo и выливают, сметану вoт соль-
ёшь, сливки.
- *А как чаще говорят: подсмётки или oбpaтa?*
- Даκ да, скажут oбpaтa. Я вoт вылила oбpaтy телёнку.
- *А вот как хлеб съели, остались маленькие кусочки, их как-нибудь
назовут?*

- Дак как, кро́шки ли, чё ли, брось коро́ве.
- *А если шелёха осталась или недоеденное чего, их как назовут?*
- **Оскы́рки** дак оскы́рки. Като́шка вот, бу́дешь, Лёшка, есть оскы́рки?
- Нет, не бу́ду, отдай соба́ке. Это вот чегó оста́лось на жаро́вне.
- *А оскы́рков обычно много?*
- Чё много, ничё не много.
- *Не делали у вас яичницу с хлебом?*
- Яичницу с хлебом, я наре́жу пирога́, за́лью яйцо́м и поста́влю в пе́чку, да и всё. Или вот другие дак жарят яйца, правда? Хлеб с яйцами жа́рят.
- *А не говорят «селянка»?*
- А селя́нку дак селя́нку де́лают. А селя́нку де́лают чё, крупá, карто́шка и яйцо́. Ка́кую-нибудь крупу́ бро́сишь и яйцо́.
- *А что такое верховсы́т?*
- Да, выпей молока́-то на **верхосы́т**. Пообе́дали так, су́пу пое́ли, ка́шу вот э́ту са́мую пое́ли, давай ишо́ чай, на **верхосы́тку**-то выпей хоть мо́лочка-то, вот и всё.
- *А киселя́ из муки́ не бывает?*
- А поче́му не бывало́? Кисе́ль вот, пироги́ вот испече́шь, там оста́лись дро́жи и возме́шь, прибо́лтае́шь ишо́, ма́ленько прису́чишь му́ку, и всё.
- *А из чего́ у вас кисель де́лают?*
- Кисе́ль или из овся́ной вот му́ки кисе́ль де́лают, или вот овся́нку за́мочить.
- *А сладкий кисель не звали?*
- Поче́му не зва́ли?
- *Просто то́же кисель?*
- Да, то́же кисе́ль.
- *А из горо́ха то́же звали кисель?*
- Да, из горо́ховой му́ки. А если горо́х дак горо́х, сва́рили горо́х да и съе́ли.
- *А гороховник не звали?*
- Горо́ховник дак о́пять, горо́ховые пиро́ги.
- *Гороховые пиро́ги – так это́ в тесто́ горо́х добавляется?*
- Нет, горо́ховая му́ка, нама́лят горо́ху и вот бу́дут и́сти горо́ховые пиро́ги. Это́ раньше-то то́лько росли́ли в колхоза́х, да да́вали по трудо́дням.
- *А когда́ люди́ пили́ чай или́ молоко́, это́ за́пивон или́ что?*
- Нет.
- *А за́пивон когда́ даётся?*
- Не знаю́.
- *Не бывало́?*

- Нет, не слыхала.
- *А вот ежели чего-то под градусами поставят, как это назовёте?*
- А поди, если пиво.
- *А не скажут, что зелье на стол поставили?*
- Нет, пиво скажут.
- *А пиво-то какое?*
- А пиво варят, как те сказать, из бёленки, из свёклы или из сухарей вот, из сухарей засушат да залиют водою, да дрожжей накладывают, да песку, да вот.
- *А как варили сладкое пиво?*
- А сладкое пиво дак варят из солоду, из ржи, ростят и варят.
- *Не говорили, что пиво на весёлую или веселят?*
- Не знаю, не слыхала. Навеселили поди, мол, много. Навеселилась сёдня дополна.
- *Это чего?*
- Да вот, того же пива.
- *А вот ежели вино выпил стакан и охмелел, так оно какое?*
- Пьяное.
- *А ежели, допустим, брага. Варили брагу?*
- Да.
- *А было такое, что брагу варили на всю деревню?*
- А колхозные-то праздники-то варили ведь пиво. Наварят вон целые бочки пива. Раньше вина-то не было и бочки целые варили, банки колхозные да.
- *А с чего начинали и что потом?*
- Ак чё в колхозе дак поди ведь, наверно, тоже ростили солод, да потом варили пиво. Солод вырастят да, попарят да, отоддут кой-кому, старухам, чтобы вырастили да.
- *А самогонку гнали раньше?*
- И топере гонят.
- *Её не звали как-нибудь, «спотыкач»?*
- Нет, не слыхала.
- *Перегонка?*
- Перегонка дак самогонка, да самогонку гонят, дак чё больше.
- *Так самогонка, значит?*
- Да, самогонка.
- *А вот которая самая первая, не скажете?*
- Нет.
- *А на меду брагу не варили?*
- Да ить как не варили, одно время сахару не было, а мёд был дак, мёд покупали, мёд клали.
- *А не говорили, что медовуху варите?*

- Нет, этого дак не слыхала.
- *А если с одного стакана забрало, так это какое вино?*
- Это пьяное.
- *Это крепкое?*
- Крепкое, да, да.
- *А не говорили, что оно забористое или занозистое?*
- Нет, забористое дак скажут, что, ну и пиво, забористое какое сёдне.
- *А забористое так это как?*
- Пьяное дак, пьяное.
- *А на чём пиво, на солоде?*
- Да, солод да, вот как эти в горшках томят да, потом из горшков выгоняют сусло да, вот как раньше-то.
- *А сусло-то это чего?*
- А вот сусло-то из этого, из солоду-то гонят.
- *А сусло-то это первое пиво?*
- Да, пиво-то вот нагоняют на пиво-то.
- *А квас варили дома?*
- Квас вот, квас-то и потом-то сгонят первое-то, а потом-то квас-то и бывает.
- *Это когда первое сусло сгонят?*
- Да, да, да. А потом это вот квас-то и квасят. Зальют водою потом да, и квас и делают.
- *А на чём квас-то квасят?*
- Да, вот солод-то этот-то и квасят.
- *Когда квас-то квасят, солод кладут туда?*
- Да, да, солод да, там чё, солома да, всё это муку, муку там положат да. И получится квас.
- *А когда пиво или квас сделали, что останется густое?*
- Дробина.
- *А дробина – вот это всё худое?*
- Да, да это всё вот дробина-то и осталася, вот это квас-то дробина и есь, и останется.
- *Так квас-то уже сняли?*
- Да, квас всё потом уж выпьют, дак скотине эту дробину, скотине отдадут.
- *А скотина-то не хмелела после дробины?*
- Да нет, это ведь не ходалое и есь, только заквашенное.
- *А когда человек много выпил, не скажут, что он напился?*
- Да, напился.
- *А набуздырился?*
- Нет, так поди и скажут – набуздырился, напился да.
- *А не скажут, что он надрызгался?*

- Да ить как не скажут, надрызгался, конечно.
- А надрызгался, так он где валяется?
- Лёший его знает, где валяется.
- А не скажут, что назюзился пьяный?
- Да зюзя, дак как же.
- Зюзя-то назюзился?
- Да, напился.
- Если он напился, то он зюзя?
- Да.
- А зюзя чего потом делает?
- Пьяница дак.
- А вот он напился, так не скажут, что он в дрызгу или дрязгу?
- Да, как надрызгался, напиться – надрызгаться, дак как же.
- А кто вот он, если надрызгался?
- Да всяко, пьянюшка да, всяко.
- А пьянюшек-то много было?
- Да как не много.
- Или теперь много?
- Да всяко, всяко и раньше было. И раньше было пьяных много.
- А если он пьёт не просыхая, так это чего он делает? Не говорят, что пьянствует, бражничает?
- Да, конечно, как не скажут, пьянствует, как не пьянствует, сколько денег, будет пьянствовать.
- А колькой день это какой?
- А поди дня три болтаётся, ходит собираёт по деревне.
- А чего собирает?
- Да вот это же вино, пиво, ходит. Раньше ходили ещё собирали, как маленько попадёт в нос, так и побредут по деревне собирать.
- А если он сегодня пил, а завтра встал, так он какой стал?
- Не знаю, если опять сходит заложит, так как.
- А если не сходит?
- А не сходит, дак лежи.
- А чего с ним?
- Дак лежит, надо опохмелиться.
- А если голова уже соображает, так не скажут, что он очухался?
- Не знаю, как не скажут, протрезвись хоть маленько-то.
- А ежели он вообще не пьёт?
- Так хороший человек, раз не пьёт дак. Телёнок не пьёт, дак околёт.
- Непьюшник не назовут?
- Нет, нет.
- А когда чай пьют, чего с чаем делают, вот с заваркой?
- С заваркой чего делают, чай пьют дак, заварят да, вот и всё, пей.

– Если он пришёл с улицы, с жары, пьёт и остановиться не может, не скажут, что он бузгает воду?

– Ничё, вон бегают всё время, пьют да, ничё не скажут.

– А как про них скажут?

– Ничё не говорят, вон бегают робята, всё время пьют, эка жара дак, ничё никто не говорит.

– А не скажут, что они набучились воды?

– Нет, ничё не скажут.

– Если мясо или рыбу приготовили впрок и в подвал убрали, как это всё вместе?

– Как, много, скажут, наготовили, хоть мяса ли, рыбы ли.

– А всё вместе никак не назовут? Харчи или ещё как?

– Как, не знаю, много заготовили дак, запаслися.

– А это всё запасом не назовут?

– Как не назовут, запаслися рыбой, запаслися мясом.

– А не скажут, что припасы? А запас?

– А запас дак как, вот с осени запасаешь, колёшь животину дак, тушёнку делаешь да, бутыли вот засолили да, всё.

– А капусту рубите?

– Да.

– А как капусту рубите?

– Как, тоже квасят.

– А перед тем как квасят-то, её как рубят?

– Рубят этой, секачкой.

– А секачка какая?

– А секачка железная.

– А она толстая или как ножик?

– Нет, она эка вот круглая и с ручкой, вот так кадúшки и рубишь.

– А это скажут насечёшь или нарубишь?

– Рубишь, рубишь дак. Рубишь ли, сечёшь ли.

– Назовут это кислой капустой или квашенной?

– А кто квасит, я не знаю, квашена ли, кисла ли, кисло дак, квасили да, нарубили да, дёржим не один день дак, квасим дак.

– А квасить можно только капусту?

– Я не знаю, ишо чегó квасить.

– А вот ежели у меня суп худой стал, то оквасился или нет?

– Да ить как не прокис, прокис дак.

– Прокис, скажут?

– Да.

– А оквасился суп, не скажут?

– Да, оквасился как, оквасился. Прокис да, суп-то прокис, не стану исти, дак кислый.

- А чего, тётя Поля, может окваситься?
- Окваситься дак не знаю чё.
- А капуста оквасится?
- Да, оквасится, киснет.
- А вот огурцы вы солите, огурцы съели, а чего осталось?
- Чё тебе сказать-то, как его назвать-то. В бутылке остаётся это.
- Эта жидкость-то?
- Да, вода-то, вода-то как, не знаю.
- Не скажут засол?
- Да, рассол, рассол остаётся. У меня вон повезут дёвки в Мурманск, дак рассол выльют, а огурцы укладывают в мешочек, а рассол оставляют, выльют. Там дома делают рассол.
- Тётя Поля, а муку раньше из чего делали? Белую или чёрную, какая мука раньше была?
- А раньше чего, молили, на себе молили, на своих жорновах дак, пшеницу дак, пшеницу. Хоть рожь, хоть ячмень, дома молили дак.
- А из пшеницы-то как звали муку?
- Пшенишная.
- А из ржи?
- Ржаная.
- А из ячменя?
- Яшная.
- А из гороха?
- Гороховая.
- Так это всё вот так, значит?
- Да, из ячменя яшная, из овса овсяная.
- А когда пироги готовят, тесто ходелое делают, чего туда кладут?
- Дрожжи, чё у нас, сметану, масло.
- А в чём всё это замешивают?
- Да в кринке, кто в чём поди, у меня ак вон ведро.
- А когда пекут чего-нибудь, не скажут «я печенье делаю»?
- Печенье дак делают из огибки, печенье делают из огибки.
- А из огибки, так это из чего?
- Из муки из как-нибудьной, пшенишна ли, белая, топерь-то нёту пшенишных, всё одна белая дак.
- А огибка-то это тесто?
- Да, тесто тоже замешивают в чём-нибудь, в молоке ли, в сметане ли делают.
- А белый хлеб как назовут?
- Как, белый хлеб дак раньше называли ситним, паклеванным.
- А паклеванный это какой?
- Белой.

- А он на вкус-то какой?
- Как тебе сказать, вкус дак, наверно, чё-нибудь тут ло́жат в его́, мы ить са́ми не печём его́.
- А дома-то паклеванный хлеб не делают?
- Нет, нет, нет.
- А из муки-то из белой?
- Ага, из бе́лой, я и хле́ба не пеку́, я всё пироги́ дак, ничё никогда́ не пеку́.
- А из те́мной муки как хлеб звали?
- Изо ржаной-то?
- Да.
- Изо ржаной, дак ржаной.
- Ржаной?
- Ага, ржаной хлеб.
- А был хлеб из овсяной муки?
- Да ить поди́ приме́шивали, из овсяной поди́ хлеб худо́й, хоть я́шной, то́же худо́й.
- А что худое остаётся?
- Одонки.
- Одонки?
- Да.
- А если от еды́ что-то осталось, что это?
- Оста́тки.
- А «помои» не скажем?
- А помои́ дак, помои́ – это коро́ве, помои́, моёшь посу́ду дак, поэ́тому помои́, а соба́ке понесли́ оста́тки, поела́ да оста́тки.
- Те́тя Поля́, а ошу́рки – это чего́?
- Ошу́рки – это ошу́рки, вот зако́лят скоти́ну, и са́ло, из са́ла выта́пливают эти ошу́рки, ошу́рки эти называ́ются.
- Те́тя Поля́, а ополоски не назовут?
- Ополоски́ дак ить ополоски́, вот чё-нить моёшь, дак ополоски́, опёть ополоски́, выплесни, грит, коро́ве, выполошшы, брось, выле́й коро́ве.
- А коро́ве колоб понесли́, а колоб-то из чего́?
- А колоб́ быва́ет из льняно́го сима́ или из подсо́лнуха.
- А вот сима́ взяли, чего́ дальше́?
- А выжима́ют, выжима́ют.
- Масло-то куда́ идёт?
- Выжима́ют этот колоб, выжима́ют и сима́, поджа́ривают его́, и за́лаживают мешо́к, и закола́чивают, это я ви́дела в Дитя́теве, де́лали когда́.
- А колоб-то – это кото́рое оста́лось?

– Да, выжали, чё осталося, осталося в мешкё чегó, вот это вот ко́лоб и есь.

– *А непропечённый хлеб как-нибудь называется? Или пироги непропечённые?*

– Непропечённый дак сыро́й.

– *А олябыш не назовут его?*

– Да́к олябыш да́к, олябыш, а олябыш испе́чешь, у тебя́ поди́ осталося тесто да́к, а от я се́дня олябыш испекла́, нате пое́ште. Чё-нить э́ко выскыркаешь да сделаешь, ой олябыш один осталося, нате это робята.

– *Тётя Поля, а вот скы́ркать чегó можно?*

– Чё, скы́ркаешь те́сто, из ведрá выскыркаешь.

– *А кашу из кастрюли то́же выскыркаешь?*

– Да, да-да-да, да, то́же выскы́ркаю, а то́же вот дам кому-нибу́дь, соба́ке ли, коли они не бу́дут робята исти.

– *А непропечённый хлеб о́калом не назовут?*

– А как быва́ет ить, а о́калом хлеб да́к, это сел на ни́жнюю ко́рку.

– *А сел на нижнюю корку – это как?*

– А чё-то недоходил, ве́рно, недоходáлое это те́сто да́к, это сел на ни́жнюю ко́рку, недоходáлой да́к как варёной.

– *Тётя Поля, а вот если на краишке кастрюли или крынки от молока пенка осталась, там мне отскы́рживать её надо или так можно есть?*

– Конёчно отскы́рживать, как, лизáть бу́дешь?

– *Надо отскы́рживать?*

– Да, отскы́рживать.

– *Это оскы́рки бу́дут?*

– Да́к а чё не оскы́рки, оскы́рки я оскы́ркала.

– *А что я делала, скы́ркала?*

– Да, скы́ркала, выскы́ркала да вы́мой, вот и всё.

– *А чем скы́ркают?*

– Но́жиком.

– *А не говорят, что я выскы́рживаю эту крынку?*

– Да, кринку выскы́ркаешь.

– *А дол́го выскы́рживать после те́ста?*

– А те́сто да́к, как, выскы́ркаешь те́сто да, воды́ нальёшь да, ведро́ вымоешь да, вот и всё, ко́рове вы́льешь по́йло, оста́тки, да вот.

– *А кро́шка хлеба́ как называется?*

– А кро́шка, да́к кро́шка и есь.

– *А друго́го нет названия? Крохотина, допустим?*

– Нет, нет, кро́шка да́к кро́шка и есь.

– *А крошени́на?*

– Крошени́на да́к, в молоко́ накро́шили, в суп накро́шили, е́сли ухи́ сва́ришь да́к, я люблю́ крошени́ну да́к.

- Тётя Поля, а баранки пекли раньше?
- Да.
- А вот так вот и звали – баранки?
- Да, баранки.
- А как баранки пекли?
- Вот пекли баранки друго́й раз, вот е́сли охóто дак вот, пусть, скидаёшь, нака́таёшь да в горя́чую воду эти, как тебе сказа́ть, опарыши.
- А потом?
- Вот оно́ овари́лись, вынима́ю на эту, на чё, как...
- На сковородку?
- Да, да, на сковороду́, на жаро́вню клади́ да в пе́чку, вот и всё.
- Это опаршей?
- Да, опарышей.
- А которые побольше как называются? Калачи ли?
- Поди, бублики.
- А витушкой не называется?
- Виту́шки дак это поди́ плю́шки – виту́шки.
- А когда хлеб засушили, чего стало с ним?
- Ак сухари́, заветрел.
- А чего ещё заветреть может?
- Ак всё заветреет. Пода́й, положи́ да мя́со заветрело, ры́ба заветрела, всё заветрело.
- А вот рыба заветрела так это как?
- Засо́хла дак, на со́лнышко дай друго́й раз попаде́т, не оберёшь со стола, она́ заветрела.
- А обратъ со стола сразу нужно, как поел?
- Да.
- А если не обрал?
- А если не обрал, так вот и заветрело.
- А вот пряников не бывало раньше, из города не привозили?
- Да.
- И так пряниками и звали?
- Да, пряниками.
- А медовики или печатные пряники бывали?
- А не знаю́, я не ви́дала ни медовиков, ни печатных. Э́ти-то пря́ники всё возят да.
- А не бывало, что печенье в печке пекли?
- Почему́ не бывало? Вот то́же на огибку сде́лать да стака́нами на́резать на жаро́вне.
- И получается печенье?
- Пече́нье, да, на́до в их то́же положи́ть че́-нибудь.
- Тётя Поля, а пряженики не делали?

- Пряженики – нет.
- А говорили «покатушки делать»?
- Нет, ничё не делали, не слыхала, не делывала.
- Тётя Поля, а глухие пироги – это какие?
- Я не знаю тоже глухие пироги.
- А чего у пирога внутрь кладут или сверху наливают?
- Да ить творожники, картонные налитушки, творожная налитушка, ягодники.
- А налитушка – это которые сверху налиты?
- Да, да.
- А внутрь если кладут начинку, как скажут?
- А внутрь дак я не знаю, чё положишь внутрь.
- А яйцо если внутрь, морковь?
- А морковники да, морковники делаешь.
- Вот если сверху начинка – налитушка, а если внутрь?
- Я не знаю чё, только вот кроме морковки в середку положить, а больше дак чёго положить не знаю. У меня ак всё сметанники или какие.
- А пустыри?
- Да, пустыри да, раз одна сметана дак, больше ничё и нет.
- А если с грибами?
- А не знаю, я не пеку дак. Волнушники-то, волнушники, напимер.
- С волнушками?
- Да, с волнушками если.
- А если с другими грибами?
- Я не пекала да, не едала с грибами.
- А с луком?
- Не делала, кроме рыбников. Сёдня вот ездили, ходили, принесли маленьких.

О рыбалке (49.34)

- Тётя Поля, мы знаем, что вы рыбачка. Расскажите нам, как ловят рыбу?
- Рыбу как ловят? А как вам сначала рассказать?
- Вот как собираетесь, как рыбу ловят?
- Сначала осенью заготавливают мерёжки, вяжут мерёжки, свяжут, потом невод сошьют, а потом вот выезжают на озеро, когда застынет озеро, лёд, а чет другой раз летом, осенью, по двадцать человек на лодку ловят. Надо на крыле чтобы десять человек, и на другом. А зимой тридцать человек ловят, тоже там, потому что зимой больше надо пешать да, вот как на жердь гонить да.
- А пешать зачем?

– А пѣшать, вот пѣшмя и дыры-то пѣшать. На́до мно́го, вот заро́н сде́лаем, а пото́м во́семь от заро́ну э́тих дыр э́тих сде́лают, а пото́м то́же большую.

– *А зарон это чего?*

– А вот невод-то за́ранивают, а пото́м зу́бка, в бере́гу сде́лают зу́бку, вот в зу́бку вы́тегивают невод, вот же́рники при́дут, сна́чала пе́шкарѣ, а пото́м же́рники, а пото́м уж невод при́дёт, сна́чала ве́рёвки, пото́м невод при́дёт в зубку.

– *А как одевались?*

– А одева́лись это, одева́лись зимо́й да́к одева́лись в фу́файки, штаны́, в сапо́ги дли́нные.

– *А на руки?*

– А на́ руки ко́жанки, вот шьют из ко́жи.

– *А сколько человек зарон заранивают?*

– Че́тыре че́ловека на заро́не, а пе́шкарѣй...

ПРИМЕЧАНИЯ

Вы́скрывать – выскоблить, скобля, сделать чистым и гладким [СВГ, 1: 99].

Дробина – густой осадок, остающийся после приготовления пива, браги [СВГ, 2: 56].

Жердник – рыбак, который при подводном лове продвигает жердь с сетью или неводом подо льдом, ср.: *жердогѡн* [СВГ, 2: 84].

Заветреть – зачерстветь (о хлебе) [СВГ, 2: 101].

Зарон – вероятно, погружение сети под лёд (со слов информанта).

Карто́фельный – картофельный [ВС: 106].

Колоб – остатки семян льна после выжимания из них масла, жмых [ВС: 120].

Кори́на – кожура овощей и фруктов [ВС: 123].

Кроше́нина – жидкая похлёбка (суп, молоко) с крошенным хлебом [СВГ, 4: 3].

Латка – глиняная посуда, употребляемая для жаренья; глиняная посуда, употребляемая для варки; кринка для молока; большая глиняная посуда, род квашни для замешивания теста [СВГ, 4: 32].

Лѣн – жилистая часть мяса, употребляемая в пищу в варёном виде [СВГ, 4: 36].

Лоша́к – животное или рыба второго года жизни, ср.: *лонша́к* [СВГ, 4: 47].

Луче́нка – лучина, ср.: *луче́на* [СВГ, 4: 55].

Мерё́жка – ячистая сеть, ср.: *мере́жа*, сев., вост. [Даль, II: 319].

Набу́здыриться – напиться вдоволь [СВГ, 5: 22].

Наверхо́сытку – после утоления голода, в конце приёма пищи, на десерт [СВГ, 5: 25].

Надры́заться – напиться пьяным [СВГ, 5: 36].

Нали́туйка – открытый пирог из пресного или дрожжевого теста, сверху политый жидкой картофельной, ягодной или крупяной начинкой; выпекался обычно на сковородах [СВГ, 5: 49].

Обрата – обезжиренное молоко, обрат [СВГ, 6: 3].

Одо́нок – осадок на дне сосуда от масла, кваса; остатки, получаемые при вытапливании масла; остаток какой-либо жидкой пищи [СВГ, 6: 28].

Окв́аситься – стать кислым, прокиснуть [СВГ, 6: 41].

Оля́быш – небольшой круглый хлеб, каравай; небольшой круглый хлеб из остатков теста [СВГ, 6: 53].

Ополос́ки – остатки какой-либо жидкой пищи [КСВГ].

Оскы́рки – остатки пищи, соскобленные со стенок посуды [КСВГ].

Отскы́рживать – отчищать скребением, соскабливать [КСВГ].

Ошур́ки – шкварки [СВГ, 6: 115].

Пешать – специальной пешней долбить лёд и делать лунки для подлёдного лова, а также проруби для полоскания белья и добывания воды [СВГ, 7: 56].

Пешка́рь – тот, кто пешней долбит лёд и делает лунки для подлёдного лова, ср.: *пеша́рь* [СВГ, 7: 56].

Подсме́тки – жидкость, остающаяся после сбивания масла, пахта, ср.: *подсме́танье* [СВГ, 7: 111].

По́стлань – солома, плохое сено для подстилки скоту [СВГ, 8: 11].

Присучи́ть – добавить, примешать (муку, крупу) [СВГ, 8: 65].

Пустьы́рь – выпечное изделие без начинки, ср.: *пусты́шка* [СВГ, 8: 110].

Пьяно́ужка – пьяница [СВГ, 8: 114].

Расце́литься – растрескаться, ср.: *расце́ляться* [СВГ, 9: 44].

Сальник – каша, приготовленная с добавлением сала в русской печи; любая каша, приготовленная в русской печи [СВГ, 9: 87].

Сегода́вка – молодая рыба, ещё не достигшая своей нормальной величины, молодь; молодое животное, родившееся в этом году [СВГ, 9: 114].

Секáчка – орудие для рубки, сечки чего-нибудь [СВГ, 9: 117].

Селя́нка – яичница из взболтанных с молоком или водой яиц; кушанье из мелкой рыбы или мяса, залитых яйцом; кушанье из яиц, картофеля, пшена и сметаны, запечённое в русской печи [СВГ, 9: 118].

Скы́ркать – скоблить, скрести, убирая что-то с поверхности; скрести, очищая от верхнего слоя; др. [СВГ, 10: 40].

Солома́т – каша из овсяной крупы с маслом или жиром, приготовленная на воде, ср.: *салама́т* [СВГ, 9: 86].

Усто́ек – верхний, густой и жирный отстой молока, сливки [СВГ, 11: 146].

Ше́йна – шея [СВГ, 12: 81].

Яру́шка – детёныш овцы, ярокча [СВГ, 12: 138].

Ячны́й – сделанный, приготовленный из ячменя, ячневый [СВГ, 12: 141].

§ 3. НИНА АРСЕНТЬЕВНА ИСАКОВА

Как далеко могут завести диалектологов поиски собеседников, сохранивших народный говор? Можно пройти несколько деревень ради одной беседы. Одной из таких удачных бесед и стала встреча в д. Плахино с Ниной Арсентьевной Исаковой летом 2013 года.

Плахино – это небольшая деревня в 14 километрах от Кириллова и в 4 километрах от Ферапонтова, сейчас эта деревня относится к Ферапонтовскому сельскому поселению. В последние годы в Плахине постоянно проживает один человек. Но весной и летом Плахино оживает: возвращаются старожилы, их дети и внуки, приезжают дачники, которые ценят прекрасную природу здешних мест, уединенность в сочетании с близостью исторических мест – Кириллова и Ферапонтова – с их знаменитыми историко-культурными памятниками.

Нина Арсентьевна Исакова, как и многие ее бывшие односельчане, теперь в родной деревне бывает только летом. В настоящее время она постоянно живет в городе Мончегорске Мурманской области. Градообразующим предприятием в этом городе является горно-металлургический комбинат «Североникель», на котором Нина Арсентьевна проработала много лет и о котором много рассказывала нам во время экспедиции.

Рассказы Нины Арсентьевны интересны, местами забавны, иногда трагичны. Рассказчица даёт пронизательные характеристики героям своих историй, говорит о своей жизни, о своих родственниках, о старом укладе деревенского быта, о своих многочисленных трудах и многих радостях. Удивляет и восхищает оптимизм Нины Арсентьевны, ее стойкость перед жизненными трудностями, заботливость по отношению не только к родным и близким, но и ко всем людям, ее стремление сохранить независимость.

Нина Арсентьевна родилась в 1928 году в большой многодетной семье. Жизнь была тяжелой, после смерти отца семейства поднимать восьмерых детей пришлось матери Нины Арсентьевны. Училась Нина в сельских школах Борбушина (с 1 по 4 класс) и Ферапонтова (с 5 по 7 класс), потом работала в Кирилловской типографии наборщиком, а после увольнения из типографии уехала из родной деревни в Мончегорск. Там Нина Арсентьевна работала «землекопкой», помогала грузчикам, работала в гараже.

Семейная жизнь Нины Арсентьевны тоже не была безоблачной. В 2006 г. она потеряла мужа. О своей дочери она горько говорит – «спилась» (запись «Как свадьбы справляли»), но Нина Арсентьевна не от-

чаивается и ищет различные способы помочь дочери справиться с этой страшной зависимостью (запись «Как боролась с пьянством дочери»). Также Нина Арсентьевна много помогает своим внукам и гордится их успехами.

Наша собеседница, прожив большую часть своей жизни «на северах», сохранила многие черты родного говора. В её речи слышится предупредное и заударное оканье (*хорошо́, пото́м-то*), изменение качества [а] и [э] между мягкими согласными (*он ё́ть, изд’и́и*), мягкое цоканье (*зац’эм, о́тц’эству*), долгий твердый шипящий (*иши́ш, настойа́иши, кла́дб’ишиэ*), утрата интервокального *j* в заударной позиции (*разговар’иват, са́моз*), упрощение сочетаний согласных на конце слова (*йэс’*). Среди морфологических явлений заметно отсутствие редукции возвратных постфиксов (*учи́лас’а мы́л’ис’а заблуд’и́лас’а*). Из синтаксических явлений, свойственных говорам этой территории, обращают на себя безличные конструкции с дополнениями в форме именительного падежа (*карто́шка-то уже́ видно*).

Далее приводятся расшифровки записей речи Нины Арсентьевны Исаковой, которые были выполнены в июле 2013 года во время диалектологической экспедиции в Кирилловский район. Диалектные слова, которые были зафиксированы в ходе беседы, выделены жирным шрифтом. Их значения прокомментированы в конце раздела с опорой на лексикографические источники.

Как теперь живём

– Ну вот, а теперь мы живём – дай боже. Я всё этот ругаюсь, как другие обижаются на жизнь. Я говорю: «Уж теперь на жизнь обижаться: пьем-едем только, что хотим. Если я не хочу, дак я и в рот не возьму. Уж теперь-то мы жить начали – дай боже. Это у нас – я же с Севера, с Мончегорска – туто одна из нас (ну тоже землячка, вместе работали) и говорит у меня соседка: «Спасибо мужикам, что деньги дают», – она грит. – «А каким мужикам-то спасибо?» – «Путину да Медведеву», – говорит. Ну дак кто-то спасибо говорит, а кто-то... Ой, Господи...

[ну вот / а т’эп’эр’ мы жыв’ом / дай божэ // йа́ вс’о́ э́тот руга́йс’а / как друг’ийэ об’ижа́йуща на жыз’н’ // йа́ гр’у́ / уш т’эп’эр’ на жыс’ об’ижа́ща // п’йом-йид’им то́л’ко / шт’о хот’им // йэсл’и йа́ н’э хоц’у́ / дак йа́ и в рот н’э воз’му́ // уш т’эп’эр’-то мы жыт’ нац’ал’и / дай божэ // это у нас / йа́ жэ с с’эв’эра / с мончэго́рска / ту́то одна́ из нас / ну то́жэ з’эмл’ац’ка / в’м’эс’т’э рабо́тал’и / и говор’ит у м’ин’а́ сос’этка //

спас'ибо мужыкам / што д'эн'г'и дайт' / она гр'ит // а как'им мужыкам-то
спас'ибо // пут'ину да м'эдр'эдр'эву / говор'ит // ну дак кто-то спас'ибо
говор'ит / а кто-то // ой / госп'од'и //

Как не называть по отчеству

– Ой, да по отчеству... Слушай, я ходила в это, на кройку шитья. У меня тоже рядом сидела одна. Я не люблю это. Ну я работала – землекоп-бетонщик. Я не люблю, чтоб меня по отчеству... а потом номер расскажу такой. Работала в гараже. Меня направили там: ну вообще на пенсию. А начальник всё подходит ко мне, разговаривает, и он меня – Нина Арсентьевна, а я говорю: «А я не люблю, когда меня...» Ой ты господи! После того он не стал ко мне подходить, потому что ему неудобно Ниной назвать, а я – ну а что делать, если у бабки уже ума не хватает. Ну тогда-то ещё была не бабка! Ну что делать...

[ой да по отц'эству / сл'ушай йа ход'ила в это / на кройку шйт'йа // у м'ин'а тожэ р'адом с'ид'эла онна // йа н'э л'уб'л'у это // ну йа работала / з'эмл'экоп-б'этонш'ик // йа н'э л'уб'л'у / штоп м'ин'а по отц'эству // а потом ном'эр расскаж'у такой // работала в гаражэ // м'ин'а направ'ил'и там / ну вопш'э на п'эн'с'ийу // а начал'ник фс'о потход'ит ко мн'э / разговар'иват / и он м'ин'а / н'ина арс'эн'т'йэвна / а йа гр'у / а йа н'э л'уб'л'у / когда м'ин'а // ой ты госп'од'и // посл'э тово он н'э стал ко мн'э потход'ит' / потому што йэму н'удобно н'иной назват' / а йа / ну а што д'элат' / йэсл'и у бапк'и ужэ ума н'э хватайт // ну тогда-то ишшо была н'э бапка // ну што д'элат']

Как потеряла работу и уехала

– Ну а жизнь была в то время неважная. Сестра была бригадиром, старшая. Вроде работы не хватало, чё-то стали, а потом-то, а потом-то не из-за этого я и уехала, а я уехала. Я работала в то время в Кириллове в типографии, наборщиком уже работала... А тогда, ты знаешь, это, мама, завидушие-то на работу... А в выходной пришла, а посылали тогда тоже там куда-то на выходной работать, она меня непустила: «Я тебе справку достану». Ну вот справку-то она мне достала, а начальник-то был злой. Он меня, как говорится, уволил. Ну уволил, дак я, это, и уехала.

[ну а жыс' была ф то вр'эм'а н'эважнайа // с'эстра была бр'игад'иром / старшайа // вродэ работ'ы н'э хватало / чо-то стал'и / а потом-то / а потом-то н'э из-за этово йа и уйэхала / а ай уйэхала / йа работала ф то вр'эм'а ф к'ир'иллов'э / ф т'ипограф'ийи // наборшшыком ужэ работала //

а тогда / ты знайэш / это / ма́ма / зав'иду́шыйэ-то на рабо́ту // а в выход-
ной пр'ишла́ / а посыла́л'и тогда́ то́жэ там / куда-то на выходной рабо́тат'
// она́ м'ин'а́ н'э отпу́ст'ила́ / йа т'иб'э спра́фку доста́ну // ну вот спра́фку-
то она́ мн'э доста́ла / а нача́л'н'ик-то был злой // он м'ин'а́ / как го-
вор'и́цца / уво́л'ил // ну уво́л'ил дак йа / это / и уйэ́хала]

Как учительствовали

– Вчера с последнего дому, дак это, Неля говорила, что девочки вроде учились у Ольги Павловны с Борбушина. Учител'ь... Ну учительни́цы дочка – первая деревня отсюда. Ну она учительствовала: за Горицы туда куда-то ездила. Ну давай, миленькая, чего там тебе? Что?

А у нас была вот Ольга училася, учительница – Любовь Александровна, очень хорошая женщина. А потом ушла в цех, ну а потом что-то разговаривала, что не понравилось, что зря. Она учила по четвертый класс, а потом она заочно училася, уже стала старшие классы. Хорошая учительница.

[фчэра с посл'эд'н'эво до́му дак / это н'эл'а говор'ила́ / што д'эвочк'и
врод'э учил'ис'а у ол'г'и павловны з борбушы́на // учит'эл' // ну /
учит'эл'н'ицы дочка / п'эрвайа д'эр'эвн'а отс'уда // ну / она́
учит'эл'сто́ла / за гор'и́цы туда́ куда-то йэ́зд'ила // ну дава́й /
м'ил'эн'ка́йа / чэво́ там т'иб'э / што //

а у нас была́ вот ол'га училас'а / учит'эл'н'и́ца / л'убо́ф'
ал'эксандровна / очэ́н' хоро́шайа жéншшы́на // а пото́м ушла́ ф цэх / ну а
пото́м што-то разгова́р'ивала / што н'э по́нрав'илос' / што зр'а // она́
учила́ по чэ́тв'орты́й класс / а пото́м она́ заочно́ училас'а / ужэ́ ста́ла
ста́ршыйэ́ классы́ // хоро́шайа́ учит'эл'н'и́ца]

Как считаем возраст

– Вот я вчера девочкам сказала, спросили. А вы считайте, девочки, а то я навроу. Я с двадцать восьмого года. Вот дак, отними настояще. Это соседка сказала. Отними двадцать восемь, с двадцать восьмого.

– *Восемьдесят пять лет.*

– Ну вот, а я ей сказала: «Чё-то вроде девяносто пять». Она говорит: что ты, уже, говорит, то есть семьдесят пять». А она говорит: «Что ты уже моложе меня?». Ладно, я говорю.

[вот йа фчэра́ д'эвочкам сказа́ла / спрос'ил'и // а вы ш'ш'ита́йт'э /
д'эвоп'к'и / а то йа навроу // йа з два́ццат' вос'мо́во го́да // вот дак /

отн'им'и настойа'шшо // ёто сос'ётка сказа'ла / отн'им'и дваццат' вос'эм' /
з дваццат' вос'мо'во //

восим'д'ис'ат п'ат' л'эт //

ну вот / а йа йэй сказа'ла / чо-то врод'э д'эв'аносто п'ат' // она гр'ит /
што ты / ужэ гр'ит / то йэс' с'эм'д'эс'ат п'ат' // а она гр'ит / што / ты ужэ
моложэ м'ин'а // ладно / йа гр'у]

Как о лешем читала

– Леший... Вот раньше ещё молодая была, раньше говорили, что вот у нас озеро, за озером там раньше он ещё песни пел, а потом у меня книга куплена. Подожди. Ой, название забыла, как. Дак я вот её читала, девочки, так если её почитать, дак и не уснёшь. Что там и леший есть, и домовою, и всё такое, что и вот это в озере купаются, и бывает, что как тонут, и вот эти с ними живут, ну вот такое всё. Не буду рассказывать, а то, знаешь, и вы не уснёте.

[л'эшый // вот раншэ ишшо молодайа была / раншэ говор'ил'и / што
вот у нас оз'эро / за оз'эром там раншэ он ишшо / п'эс'н'и п'эл / а потом у
м'ин'а кн'ига купл'эна // подожд'и // ой / назван'ийэ забыла / как // дак йа
вот йийо читала / д'эвоц'к'и / так йэсл'и йийо почитат' / дак и н'э усн'ош
// што там и л'эшый йэс' / и домовою / и фс'о такойэ / што и вот ёто в
оз'эр'э купаюуща / и бывайэт / што как тонут / и вот эт'и с' н'им'и живут
/ ну вот такойэ фс'о // н'э буду рассказыват' / а то / знайэш / и вы н'э
усн'от'э]

Как домовых видели

– А вот это я слыхала один раз, что вроде зашла в баню (ну а там уже много мылися, а она последняя), она зашла в баню, а там вот эти, эти как нечистая. Ну она пришла да моется, чё там в бане нужно там помыть. Женщина зашла, а она... А как, говорит, зашла, так и выходи!

А потом услышала, девки, если я вам наговорю, вы и не уснёте. Одна женщина родила, роженица, там надо мыть. Ну её этот в баню-то они пришли с ребёнком. Она мать-то и говорит: «Мама, не уходи!» Она уже что-то это чувствовала. И, милая моя, мать и ушла. Она пришла, мать-то это, роженица-то мёртвая.

[а вот ёто йа слыха'ла од'ин рас / што врод'э зашла в бан'у // ну а там
ужэ много мыл'ис'а / а она посл'эд'н'айа // она зашла в бан'у / а там вот
эт'и / эт'и как н'эчистайа // ну она пр'ишла да мойэща / чо там в бан'э

нужно так помыт' // жэншына зашла / а она // а как / говор'ит / зашла / так и выход'и //

а потóm услыхала / д'эфк'и / йэсл'и йа вам наговор'у / вы и н'э усн'от'э // одна жэншына род'ила / рожэн'ица / там надо мыт' // ну йийо́ этот / в бан'у-то / он'и пр'ишл'и / с р'эб'онком // она мат'-то и говор'ит / ма́ма / н'э уход'и // она ужэ што-то это чу́стола // и м'ила́я мо́я / мат' и ушла // она пр'ишла / мат'-то это / рожэн'ица-то м'о́ртвайа]

Как к бабушке ходила

— Мы жили в бараке в одном доме, и потом получилось. Он работал, муж её, высоковольтником, он должен привязаться, а не привязался, и упал. Упал, и его до больницы не довезли, и он помер. Ну вот. Ну это на самом деле было.

Ну вот, и я этот, ну а мы очень хорошие знакомые, жили в одном доме — в одном бараке. Я прохожу, а бабушка и говорит: «Не спит и не ест ничего» (это жена-то). Ну у них сын был такой, как и вы. Ну вот, а я где жила, была внизу дом, жили, жила старуха, а она, как говорится, как колдовать умела. Ну вот, я и прихожу. Ну она говорит, не спит и не этот.

Ну я пошла. Эта бабушка там сказала, купи, идёшь — раньше было дешёвое вино, там рубель две ли как-то вот так. Я купила. И вот, девочки, вот я лично видела, когда она наговаривала, а голова вот так о стол брыкалась. Она говорит: «Вот я людям-то добро делаю, а...» Ну она мне и сказала: «Вино пусть пьют все, но первую стопочку ей», — слова. Ну а вода, это уж я знала, что надо её sprysнуть, да чтоб она пивнула.

Ну я и прихожу, прихожу, постучала. Вижу, что она в той комнате. Я сразу воды набрала, её sprysнула. Потом я говорю «гони» раза два-три. Ну а бабушке сказала, что пейте так. И вы знаете, что я говорю, больше я ходить не пойду к бабушке, потому что надо платить, я говорю, приходи сама. И они пошли на кладбище. Я, говорит, если б мама не заплакала, я бы уже, говорит, и не заплакала.

[мы жыл'и в барак'э в однём дом'э / и потóm получилос'а // он рабóтал / муш йийо́ / высоково́льтн'иком / он дол́жен пр'ив'аза́цца / а н'э пр'ив'азалс'а / и упал // упал / и йэво́ до бол'н'ицы н'э дов'эзл'и / и он пом'эр // ну вот // ну это на са́мом д'эл'э было //

ну вот / и йа этот / ну а мы очэн' хоро́шийэ знако́мыйэ / жыл'и в однём дом'э / в однём барак'э // йа прохо́жу / а ба́бушка и говор'ит / н'э сп'ит и н'э йэс н'ичэво́ // это жéна-то // ну у н'их сын был такой / как ы вы // ну вот / а йа гд'э жыла́ / была́ в'н'изу́ дом / жыл'и / жыла́ старуха́ / а она́ / как говор'и́цца / как колдова́т' ум'эла // ну вот / йа и пр'ихо́жу // ну она́ говор'ит / н'э сп'ит и н'э этот //

ну йа пошла // эта бабушка там сказала / куп'и / ид'ош / раншэ было д'эшовоё в'ино / там руб'эл' дв'э л'и / как-то вот так // йа куп'ила // и вот / д'эвочк'и / вот йа л'ично в'ид'эла / когда она наговар'ивала / а голова вот так / о стол бр'акалас' // она говор'ит / вот йа л'уд'ам-то добро д'элайу / а // ну она м'н'э и сказала / в'ино пуст' п'йут ф'с'э / но п'эрвуйу стопочку йэй / слова // ну а вода / это уш йа знала / што надо йийо спрыснут' / да штоп она п'ивнула //

ну йа и пр'ихожу / пр'ихожу / постучала // в'йжу / што она ф'той комнат'э // йа сразу воды набрала / йийо спрыснула // потом йа гр'у гон'и раза два-тр'и // ну а бабушк'э сказала / што п'эйт'э так // и вы знайт'э / што / йа гр'у / бол'шэ йа ход'ит' н'э пойд'у к бабушк'э / потому што надо плат'ит' / йа гр'у / пр'иход'и сама // и он'и пошл'и на кладб'ишшэ // йа / гр'ит / йэсл'и б мама н'э заплакала / йа бы ужэ / гр'ит / и н'э заплакала]

Как попадали в беду

– Леший, правда, это раньше было. Так раньше не то что было, и водили лешие это. Опять, если расскажу, это у нас продавщица была и рассказывала. Вот там, километров за сорок, там. Особенно нельзя ругаться, особенно этими...

– *Матами?*

– Лешим да вот такими руганиями – ни в коем случае. Вот вы ещё молодые, вы идите **взамуж**, родите ребёнка. Ни в коем случае ты ребёнка, хоть чё он что наделал, за дверь никогда не выталкивай, никогда, особенно с руганью. Это я бабушку в Мончегорске у этой, которая знала, и говорит, женщина там с ребёнком шёл, и она его вытолкала. Ну и видимо, мало ли толкнула и сказала: «Гони тебя леший». Бабушка увидала: «Что ты сделала-то! Ребёнка-то кому отдала!» Хорошо, бабка.

А потом вот этот и рассказывали, что здесь за сорок километров и тоже, и дак и никакой ни ругани, ничего не было, а девочка гуляла небольшая, и девочки – пропала. Девочку искали, искали, к старухе сходил, она и сказала: «Пойдёте, что попадёт по дороге, всё перекидайте. Хоть вот поленница – дров перекидайте, хоть стог сена – перекидайте». Ну там, ну сена стог ли чего ли. Ну вот они перекидали, а там оказалась змея. Ну вот они и оробли. Надо было эту змею перекрестить и брать в руки, ну вот, а они оробли. Ну и что? Что девочка? Пошли опять к знатоку, она говорит: «Было дело, теперь всё, пропало». Эту девочку он убил и в огороде, в огороде затолкал. Вот так. Надо, она и говорит, было, надо было, ну вот видишь, нам бестолковым не сказала, что надо перекрестить-то. Вот такое дело, это здесь было.

И здесь у нас было, что вот, ну километров за тридцать так бывало, там водит, вообще, вообще нельзя ругаться этими руганиями, ни в коем

случае. И это вот я слыхала, что вот если обедаешь, обедаете, а вас вот трое, а вы положите ложек, вилок пять штук. Особенно если ругаетесь, вот они садятся вместе и едят, а вы не видите.

А это было – опять я вас разговорю – было в газете здешней монче... в этой, в кирилловской. Старуха, ну не то что она, не такая старая, но любила в лес ходить и любила выпить. И пошла в лес, купила маленькую, эту, взяла маленькую там, закусочки. Ну и этот там походила, выпила, закусила, заболталась и заблудилась.

Идёт мужчина: «Что, заблудилась?» – «Заблудилась». – «Пойдем выведу». Она его называет, а это оказался вот, например, мёртвый другой деревни, сосед, а она его знает. Ну он её привел в эту, в свою избушку. Там это хозяйка тоже, говорит, ходит готовит, с ребёнком. Вот она этого ребёнка на себе катала, говорит, ягоды собирала.

А потом пошли к знатоку. Ну вот, говорит, пришли к знатоку, она и сказала: «Идите, вот она заходила с этой стороны, и заходите с этой стороны». Ну там сказала, чего делать. И пошли мужики, её увидали. Она там в речке стала пить. Эти мужики еле достали, дознали её, еле её привели, притащили домой.

Ну вот и пришла подружка её. Ну говорит, мы же ведь с тобой. Ну, говорит, она пришла, она вроде с кем-то разговаривает, разговаривает и, говорит, я вот говорю, а она, говорит, ничего ведь не говорит. А всё, говорит, смотрит на угол, смотрит на угол. Я, говорит, её стала спрашивать: «Да мы ведь с тобой вместе дружили, вместе ходили гулять, что». А оказывается этот, как говорится, кто там, лесник, ой, лесовой-то и был. Ну вот. Ну потом, говорит, опять же сходили к бабке, бабка там что-то наговорила, да. Вот раньше лошадь-то запрягают, хомут называется. Вот этот хомут что-то сделали. Ну вот так он потом пошёл и сказал: «Что, догадалась?» Вот так.

[л'эшы́й / пра́вда / э́то ра́ншэ бы́ло // так ра́ншэ н'э то што бы́ло / и вод'ил'и л'эшы́йэ э́то // оп'ат' / йэсл'и расскажу́ / э́то у нас прода́шшыца была́ и рассказы́вала // вот там / к'ило́м'этроф за со́рок / там // о́соб'энно н'эл'з'а руга́цца / о́соб'энно эт'им'и //

ма́там'и //

л'эшы́м / да вот так'им'и руга́н'йам'и / н'и ф койэм случи́йэ // вот вы ишшо́ молоды́йэ / вы ид'ит'э / взамуш / ро́д'ит'э р'эб'о́нка // н'и ф койэм случи́йэ ты р'эб'о́нка / хот' чо он што над'эзал / за дв'эр' н'ико́гда н'э выта́лк'ивай / н'ико́гда / о́соб'энно с руга́н'йу // э́то йа ба́бушку в мончэ-го́рск'э / у э́той / ко́торайа зна́ла / и говор'ит / жэ́ншы́на / там с р'эб'о́нком ш'ол / и она йи́во вы́толкала // ну и в'ид'имо / ма́ло л'и толк-ну́ла и сказа́ла / гон'и́ т'а л'эшы́й // ба́бушка ув'и́дала / што ты з'д'эла́ла-то // р'эб'о́нка-то кому́ отда́ла // хоро́шо / ба́пка //

а потóm вот ётот и рассказывал'и / што зд'эс' за сорок к'илом'этроф и тожэ / и дак и н'икакой н'и руган'и / н'ичэво н'э было / а д'эвочка гул'ала / н'ибол'шайа / и д'эвочк'и / пропа́ла // д'эвочку искал'и / искал'и / к старух'э сход'или / она́ и сказа́ла / пойд'от'э / што попад'от по доро́г'э / ф'с'о п'эр'эк'идайт'э // хот' вот пол'энн'ица / дроф п'эр'эк'идайт'э / хот' сток с'эна / п'эр'эк'идайт'э // ну там / ну с'эна сток л'и чэво л'и // ну вот он'и п'эр'эк'идал'и / а там оказа́лас' зм'эйа // ну вот он'и и оро́бл'и // на́до было эту зм'эйу п'эр'экр'эс'т'ит' и брат' в рук'и / ну вот / а он'и оро́бл'и // ну и што // што д'эвочка // пошл'и оп'ат' г знатоку́ / она́ говор'ит / было́ д'эло / т'эп'эр' ф'с'о / пропа́ло // эту д'эвочку / он уб'ил и в огород'э / в огород'э затолка́л // вот так // на́до / она́ и гр'ит / на́до было́ / ну вот в'ид'иш / нам б'эстолковым н'э сказа́ла / што на́до п'эр'экр'эс'т'ит'-то // вот такойэ́ д'эло / ёто з'д'эс' было́ //

и з'д'эс' у нас было́ / што вот / ну к'илом'этроф за тр'ишчат' / так быва́ло / там вод'ит / вопшэ́ / вопшэ́ н'эл'з'а руга́ща ёт'им'и руган'ийам'и / н'и ф койэм случийэ́ // и ёто вот йа слы́хала / што вот йэсл'и / об'эдайтш / об'эдайт'э / а вас вот трóйэ / а вы поло́жыт'э ло́жэк / в'илок / п'ат' штук // особ'енно йэсл'и руга́йт'эс'а / вот он'и / сад'а́ща вм'эс'т'э и йид'ат / а вы н'и в'ид'ит'э //

а ёто было́ / оп'ат' йа вас разгово́р'у / было́ в газ'ёт'э з'д'эшн'эй мончэ́ // ф ётой / ф к'ир'иллофской // старуха / ну н'э то што она́ / н'э така́йа старайа / но л'уб'ила в' л'эс ход'ит' / и л'уб'ила вып'ит' // и пошла́ в' л'эс / куп'ила ма́л'эн'ку / эту / вз'ала ма́л'эн'куйу там / заку́сочк'и // ну и ётот там поход'ила / вып'ила / заку́с'ила / заболталас'а и заблуд'илас'а //

ид'от муш'ш'ина / што / заблуд'илас' // заблуд'илас'а // пойд'ом вы́в'эду // она́ йэво называ́йт / а ёто оказа́лс'а вот / на́пр'им'эр / м'ортвый друго́й д'ир'эвн'и / сос'ёт / а она́ йэво зна́йт // ну он йийо́ пр'ив'ол в ёту / ф свойу́ избу́шку // там ёто хоз'а́йка то́жэ / гр'ит / ход'ит гото́в'ит / с р'эб'онком // вот она́ ётово р'эб'онка на с'иб'э ката́ла / говор'ит / йаго́ды соб'ирала //

а потóm пошл'и к знатоку́ // ну вот / гр'ит / пр'ишл'и к знатоку́ / она́ и сказа́ла / ид'ит'э / вот она́ захо́д'ила с ётой стороны́ / и захо́д'ит'э с ётой стороны́ // ну там сказа́ла / чэво д'элат' // и пошл'и мужык'и / йийо́ ув'идал'и // она́ там в р'эчк'э стала п'ит' // ёт'и мужык'и йэ́л'э доста́л'и / дозна́л'и йийо́ / йэ́л'э йийо́ пр'ив'эл'и / пр'ита́шшыл'и домо́й //

ну вот и пр'ишла́ подру́шка йийо́ // ну говор'ит / мы жэ в'эт' с тобо́й // ну / говор'ит / она́ пр'ишла́ / она́ врё́д'э с к'эм-то разгово́р'иват / разгово́р'иват и / говор'ит / йа вот разгово́р'у / а она́ / гр'ит / н'ичэво́ в'эт' н'э говор'ит // а ф'с'о / гр'ит / смóтр'ит на у́гол / смóтр'ит на у́гол // йа / гр'ит / йийо́ ста́ла спра́шыват' / да мы в'эт' с тобо́й в'м'эс'т'э дру́жыл'и / в'м'эс'т'э ход'ил'и гул'ат' / што // а оказыва́йэща ётот / как гво́р'ища / кто там / л'эс'н'ик / ой / л'эсово́й-то и был // ну вот // ну потóm / говор'ит /

оп'ат' жэ сход'ил'и к бапк'э / бапка там што-то наговор'ила / да // вот раншэ лошат'-то запр'агайт / хомут называйэща // вот этот хомут што-то з'д'элал'и // ну вот так он потóm пош'ол и сказал / што / догадалас' // вот так]

Как картошку сажали

– И садила, дак землю лопатой копала, и садила, а когда у кого есть, да теперь ведь куплены, как говорится, такие штуки – дак вспашут и сажат. Бывало раньше, что картошки мало, дак с этим, с глазками, дак картовину обрезают. Обожди. Вот если картошки мало, это я помню, что вот, вот видишь росточек, вот эти глазки, вот отрезают вот столько, и в золу ложили, что оно самое главное, вот эти ростки. Ну вот. Ну вот, она, а потом уже её, она взойдёт, там она сколько уже подрастёт вот примерно. Вот такая, потом её обрываешь, обрываем, потом второй раз обрываем. Лопатой.

– Лопатой, не тяпкой?

– Да, лопатой, лопаткой. Ну а раньше, раньше, конечно, целые поля садили дак под плуг. Лошадь там, человек идёт, а плуг держит. И вот садили под плуг. Вот он, плуг посадим, ряд, потом он два раза проедет, ровно в третий раз вот садим. И копали тоже, что он проедет, картошка-то уже видно, дак тоже копали. Так раньше ведь в полях садили дак, а теперь ничего нету дак. А теперь, теперь все люди-то стали ленивые. Я говорю, а раньше мы-то, вот у нас вокруг деревни раньше всё косят – на силос, а потом уже косили, а теперь посмотри-ка, травы такие всё, куда всё девалось, не знаю, не знаю, до чего доживем. И люди разные, и люди есть, и рабочие, и работают хорошо есть и плохо – всякие раньше были: и лодыри, вот так, так, не знаю.

[и сад'ила / дак з'эмл'у лопатой копала / и сад'ила / а когда у ково йэс' / да т'эп'эр' в'эт' купл'эны / как говор'ища / так'ийэ штук'и / дак вспашут и сад'ат // бывало раншэ / што картошк'и мало / дак с эт'им / з гласкам'и / дак картовину обр'эзайт // обожд'и // вот йэсл'и картошк'и мало / это йа помн'у / што вот / вот в'ид'иш росточэк / вот эт'и гласк'и / вот / отр'эзайт вот стол'ко / и в золу ложыл'и / што оно само главнойэ // вот эт'и роск'и // ну вот // ну вот / она / а потóm ужэ йийо / она взойд'от / там она скол'ко ужэ подрас'т'от вот пр'им'эрно // вот такайа / потóm йийо обрываёш / обрывайэш / потóm фторой рас обрываёш // лопатой //

лапатой / н'и т'япкой //

да / лопатой / лопаткой // ну а раншэ / раншэ / кон'эшно / ц'элыё пол'а сад'ил'и дак / пот плук // лошад' там / чэлов'эк ид'от / а плук д'эржит // и вот сад'ил'и пот плук // вот он / плук посад'им / р'ат / потóm

он два раза пройѣд'эт / ровно ф тр'ѣт'ий рас вот сад'им // и копал'и тожѣ / што он пройѣд'эт / картошка-то ужѣ в'идно // дак тожѣ копал'и // так раншѣ в'ѣт' ф пол'ах сад'ил'и дак / а т'ѣп'ѣр' н'ичѣво н'ѣту дак // а т'ѣп'ѣр' / т'ѣп'ѣр' вс'ѣ л'уд'и-то стал'и л'ѣн'ивыйѣ // ѣа гвор'у / а раншѣ мы-то / вот у нас вокрѣк д'ѣр'ѣвн'и раншѣ фс'о кос'ат / на с'илос / а потом ужѣ кос'ил'и / а т'ѣп'ѣр' посмотр'и-ка / травы так'ийѣ / фс'о / куда фс'о д'ѣвалос' / н'ѣ знайу / н'ѣ знайу / до чѣво дожив'ом // и л'уд'и разныйѣ / и л'уд'и ѣйс' / и рабочийѣ / и работаѣут хорошо ѣйс' и плохо / вс'ак'ийѣ раншѣ был'и / и лодыр'и / вот так / так / н'ѣ знайу]

Как свадьбы справляли

– А свадьбы... Дак чего? У меня свадьбы не было. Так что раньше свадьбы справляли. Сестре старшей, дак помню, справляли свадьбу. Помню, этот. Я ещё тогда была, как говорится, соплишка. Ну дак, в этом доме справляли ей. А я выходила в Мончегорске, дак свадьбы не было. Купили водки, да и вся эта квартира моя да уборщица – просто выпили, да и всё. Расписались – и порядок. И всё. А уж тут... Старшая сестра – дак конечно свадьбу справляли, брату. Ой. Сватовство? Ну дак как тебе сказать. Старшую сестру дак приезжали, как уж, сватать, верно, я не знаю. Жених был ли, нет. А была с Вазеринца. С Вазеринец соседка, приезжала. Так, наверно, уж и жених был. Наверно, и её увезли тогда. Ну чего? Пошли ко мне. Вот. Ну а потом свадьбу справляли. Помню эту свадьбу, свадьба была.

Ну её, значит, увезли, а, милая, мы ходили сватать невесту. Вот ниже меня дом был. А мой, дурень, у него брат двоюродный был, и пошли, это, Женька, Царство небесное, сватать. Да нас сестра всех сватовей и нас выгнала. Вот так. Хорошо, не сосватали. А так ну вот, ну что тебе сказать на это? Слушай, как она... Увезли, жила, потом свадьба, свадьба была, а потом чего, потом уже... Ничего раньше не было, это же бедно люди жили, только что на свадьбу там ужо готовили всё. Пиво варили да то-другое. А что так, дак не было: это теперь уже стали богато жить.

Вот, вот теперь я говорю, вот слушай. Это у меня внук-то женился, дак у него тоже свадьба вот тоже была, просто обеды. Он с института, и невеста с института. А у невесты родители из деревни. Вот так. Дак у них и то хорошо, вот я, а дочь у меня, дочь пѣѣт, спилася. Вот я её, я опять же обвиняю себя с мужиком. В то время старались, думаем, как лучше. Мы, этот, уезжали, а пенсию мы на книжку переводим, что сюда летом ездили. Его-то пенсию полностью за весь год – она каждый год приезжала, пенсию евонную снимали и отдавали. Они и привыкли пить.

А у ней старший сын, два института кончил. Я тебя заговорю. И, милая моя, и был в Иране, вот вспомнила, в Иране, два года в командировке.

И вот он, когда жениться решил, он приезжал с Ирана. Ну а они, белорусы, как католики, пить нельзя. И вот они тоже справляли. Ну было это там четыре или пять вин, шампанское, да вот это красное, ну обеды вот у него, вот и этот стали свадьбу так. А я и говорю: «Миша, а невеста-то готова, согласна к этой свадьбе?» – «Согласна». Но потом она лично со мной разговаривала, он верно сказал. Она grit: «Бабушка, дак как я у Алеши-то на свадьбе была, а у них что?» Ну и тут я, правда, не хотела на свадьбу ехать, потому что здесь, в Кириллове вот живёт, жила старшая сестра, теперь померла. Тоже этот, дочка сын женился и нас приглашал на свадьбу, и вот в то время как раз надо в деревню ехать. Я и хотела сюда, а дочь: «Ты что! К любимому внуку и не поедешь!» Ну что? Я сняла пятьдесят тысяч – наши, русские – и поехала. Ну а там в Белоруссии, там же русские деньги уже дороге. Ну вот, я ему и... Она говорит: «У Миши денег мало». А у Миши какие деньги? Где тут? Она взошла, захожу: «Миша, вот тебе мой свадебный подарок». – «Спасибо, бабушка».

Ну вот, а потом телефон понравился мой, я телефон подарила. А потом он, надо к невесте ехать, надо колеса новые, денег нет. А она опять же: «Попроси у бабушки». А у меня были деньги взяты, чтобы в деревню-то ехать. Ну я говорю: «А сколько-то надо?» – «Пять тысяч». Ну, я достала пять тысяч: «На, пять тысяч на колеса». Вот так, и потом мы сюда и приехали.

А что это тебе надо старинные-то свадьбы? Он что-то загордился, не рассказывает. У него свадьба была, свадьбу справляли здесь. Ну а здесь вот у сестры свадьба дак... Ну гуляли, помню, даже родственники каравай хлеба несут. Ну а тогда чего там – варили пиво, хмельное.

Ну дак раньше даже свадьбы гуляли два ли три дня. Первый день гуляют у невесты, второй день должны у жениха гулять. Но у сестры у жениха не было, не справляли, только наша. Ну, третий день в этом доме гуляют. У жениха ли, у невесты.

[а свад'бы // дак чэво // у м'ин'а свад'бы н'э было // так што раншэ свад'бы справл'ал'и // с'эстр'э старшэй / дак помн'у / справл'ал'и свад'бу // помн'у / этот // йа ишшо тогда была / как говор'ицца / солл'ушка // ну дак / в этом дом'э справл'ал'и йэй // а йа выход'ила в мончэгорск'э / дак свад'бы н'э было // куп'ил'и вотк'и / да и ф'с'а эта кварт'ира мойа да уборшшыца / просто вып'ил'и да и ф'с'о // расп'исал'ис'а / и пор'адок // и ф'с'о // а уш тут // старшайа с'эстра / дак кон'эшно свад'бу справл'ал'и / брату // ой // сватофство // ну дак / как т'иб'э сказат' // старшу с'эстру дак пр'ийэжжал'и / как уш / сватат' / в'эрно / йа н'э знайу // жэн'их был л'и / н'эт // а была з ваз'эр'инца // з ваз'эр'ин'эц сос'этка / пр'ийэжжала // так / нав'эрно / уш и жэн'их был // нав'эрно / и йийо ув'эзл'и тогда // ну чэво //

пошл'и ко м'н'э // вот // ну а пот'ом свад'бу справл'ал'и // пом'ну эту свад'бу / свад'ба была //

ну йийо / значит / ув'эзл'и / а / м'йлая / мы ход'ил'и сватат' н'эв'эсту // вот н'ижэ м'ин'а дом был // а мой / дур'эн' / у н'эво брат двойуродный был / и пошл'и / это / жэн'ка / царство н'эб'эснойэ / сватат' // да нас с'эстра / ф'с'эх сватов'эй и нас выгнала // вот так // хорошо / н'э сосватал'и // а так ну вот / ну што т'иб'э сказат' на это // слушай / как она // ув'эзл'и / жыла / пот'ом свад'ба / свад'ба была / а пот'ом чэво / пот'ом ужэ // н'ичэво раншэ н'э было / это жэ б'эдно л'уд'и жыл'и / тол'ко што на свад'бу там ужэ готов'ил'и ф'с'о // п'иво вар'ил'и да то другоё // а што так / дак н'э было / это т'эп'эр' ужэ стал'и богато жыт' //

вот / вот т'эп'эр' йа говор'у / вот слушай // это у м'ин'а внук-то жэн'илс'а / дак у н'эво тожэ свад'ба вот тожэ была / просто об'эды // он с ын'с'т'итута / и н'эв'эста с ын'с'т'итута // а у н'эв'эсты род'ит'эл'и из д'эр'эвн'и // вот так // дак у н'их и то хорошо / вот йа / а доч у м'ин'а / доч п'йот / сп'илас'а // вот йа йийо / йа оп'ат' жэ обв'ин'айу с'иб'а с мужыком // ф то вр'эм'а старал'ис'а / думайэм / как лутшэ // мы / этот / у'эжжал'и / а п'эн'с'ийу мы на кн'ишку п'эр'эвод'им / што с'уда л'этом йэзд'ил'и // йэво-то п'эн'с'ийу полност'йу за в'эс' гот / она каждый гот пр'ийэжжала / п'эн'с'ийу йэвоннуу сн'имал'и и отдавал'и // он'и и пр'ивыкл'и п'ит' //

а у н'эй стар'шый сын / два инс'т'итута кончил // йа т'иб'а заговор'у // и / м'йлая моя / и был в ыран'э / вот фспом'н'ила / в ыран'э / два года ф команд'ирофк'э // и вот он / когда жэн'ицца р'эшыл / он пр'ийэжжал с ырана // ну а он'и / б'элорусы / как катол'ик'и / п'ит' н'ил'з'а // и вот он'и тожэ справл'ал'и // ну было это там чэтыр'э ил'и п'ат' в'ин / шампанскойэ / да вот это краснойэ / ну об'эды вот у н'эво / вот и этот стал'и свад'бу так // а йа и говор'у / м'йша / а н'эв'эста-то готова / согласна к этой свад'б'э // согласна // но пот'ом она л'ично со мной разговар'ивала / он в'эрно сказал // она гр'ит / бабушка / дак как йа у ал'ошы-то на свад'б'э была / а у н'их што // ну и тут йа / правда / н'э хот'эла на свад'бу йэхат' / пот'ому што зд'эс' / ф к'ир'йилов'э вот жив'от / жыла стар'шайа с'эстра / т'эп'эр' пом'эрла // тожэ этот / дочк'и сын жэн'илс'а / и нас пр'иглашал на свад'бу / и вот ф то вр'эм'а как рас'надо в д'эр'эвн'у йэхат' // йа и хот'эла с'уда / а доч / ты што // к л'уб'имому внуку и н'э пойэд'эш // ну што // йа сн'ала п'иис'ат' тыс'ач / напы / русск'ийэ / и пойэхала // ну а там в б'элорусс'ийи / там жэ русск'ийэ д'эн'г'и ужэ до-рог'э // ну вот / йа йэму и // она говор'ит / у м'йшы д'эн'эк мало // а у м'йшы как'ийэ д'эн'г'и // гд'э тут // она взошла / захожу / м'йша / вот т'иб'э мой свад'эбный подарок // спас'йбо / бабушка //

ну вот / а пот'ом т'эл'эфон понрав'илс'а мой / йа т'эл'эфон подар'ила // а пот'ом он / надо к н'эв'эст'э йэхат' / надо кол'оса нов'ийэ / д'эн'эк н'эт

// а она оп'ат' жэ / попрос'и у бабушк'и // а у м'ин'а был'и д'эн'г'и вз'аты
/ штобы в д'эр'эвн'у-то йэхат' // ну йа говор'у / а скол'ко-то надо // п'ат'
тыс'ач // ну / йа достала п'ат' тыс'ач / на / п'ат' тыс'ач на кол'эса // вот
так / и потом мы с'уда и пр'ийэхал'и //

а што это т'иб'э надо / стар'инныйэ-то свад'бы // он што-то за-
горд'илс'а / н'э расска*зывают // у н'эво свад'ба была / свад'бу справл'ал'и
з'д'эс' // ну а з'д'эс' / вот у с'эстры свад'ба дак // ну гул'ал'и / помн'у /
дажэ роцтв'энн'ик'и коровай хл'эба н'эсут // ну а тогда чэво там /
вар'ил'и п'иво / хм'эл'нойэ //

ну дак раншэ дажэ свад'бы гул'ал'и два л'и тр'и дн'а // п'эрвый д'эн'
гул'айут у н'эв'эсты / фторой д'эн' должны у жэн'иха гул'ат' // но у
с'эстры у жэн'иха н'э было / н'э справл'ал'и / тол'ко наша // ну / тр'эт'ий
д'эн' в этом дом'э гул'айут // у жэн'иха л'и / у н'эв'эсты]

Как пиво варили

– Пиво? Ну, варят. Раньше ведь, это, пиво варили так вот. Ну вот
рожь, зерно растут, растут это зерно. Когда оно возрастёт, а потом – подо-
жди, что же это делали – сушат, мелют, а потом такие горшки были,
большие горшки. И там это, у горшка там внизу краник. И вот это делают
даже с соломой как-то, ложат этой соломой в печку, ставят, потом это оно
там уж как это усолодится, они потом это, это в краник-то и текёт. Вот
это хмельное пиво и делали. Вот так. А теперь уже это ещё зерно возвра-
щают, как оно это теперь называется вот, лечатся. А раньше-то зерно,
этот. Пиво у них было – бабье пиво называлось. Пекли. Оно не хмельное
пиво. Я в жизни не забуду тётя Катя меня – вот там вот у пруда дом – ме-
ня раз заставила чашечку выпить, да мне так было плохо – ужас! А я так-
то ведь это не пью, вот так что. Ну а теперь, теперь все богатые, дак те-
перь хватает. Теперь бедных нет. Теперь вот только вам надо учиться, так
родители, родители кормят и поят, куда денешься.

[п'иво // ну вар'ат // раншэ в'эт' / это / п'иво вар'ил'и так вот // ну вот
рош / з'эрно рост'ат / рост'ат это з'эрно // когда оно возраст'от / а потом /
пожд'и / што жэ это д'элал'и / сушат / м'эл'ут / а потом так'ийэ
горшк'и был'и / бол'шойэ горшк'и // и там это / у горшка там вн'изу
кран'ик // и вот это д'элайут дажэ с соломой как-то / ложат этой соломой
ф' п'эчку / став'ат / потом это оно там уш / как это усолод'ицца / он'и по-
том это / это ф' кран'ик-то и т'эк'от // вот это хм'эл'нойэ п'иво и д'элал'и
// вот так // а т'эп'эр' ужэ это ишшо з'эрно возрашшывайут / как оно это
т'эп'эр' называйэцца вот / л'эчацца // а раншэ-то з'эрно / этот // п'иво у
н'их было / баб'йэ п'иво называлос'а // п'экл'и // оно н'э хм'эл'нойэ п'иво
// йа в жыз'н'и н'э забуду т'от'а кат' м'ин'а / вот там вот у пруда дом /

м'ин'а рас застав'ила чапэчку вып'ит' / да мн'э так было пло́хо / у́жас // а
йа так-то в'эт' это н'э п'йу / вот так што // ну а т'эп'эр' / т'эп'эр' ф'с'э
бохаты́йэ / дак т'эп'эр' хвата́йт // т'эп'эр' б'эдных н'эт // т'эп'эр' вот
тол'ко вам на́до учйца / так род'ит'эл'и / род'ит'эл'и корм'ат и по́ят /
куда д'эн'эс'с'а]

Как рожали детей

– Я тогда говорила, что у нас в том доме, да вот в том доме семеро
было детей, а так дак у кого сколько, большинство – по пятёрке детей
было. А у меня вот одна только. Ну вот например, раньше ведь не было,
это теперь уже, что вот все в роддом везут. А раньше-то стало это плохо
рожать, и зовут вот эту бабушку. Бабушка и принимала роды. Ну она уж
и называется повитуха, потому что она там принимала роды. Раньше ведь
в больницу-то не возили, так что большинство дома рожали.

– В бане?

– Зачем, дома. Прямо.

– А потом крестили детей?

– Ну дак, конечно. Там пройдёт сколько – месяц ли сколько дак. Кре-
стили. Носили в церкву. Там уже и крестили, но я этого-то не знаю, пото-
му что я уж не помню. Нас пораз везили, в церкву везли на лошади, в
церкву. А напугали, что мы вас там-от в озеро, в озеро бросим, мы все
заревели, нас матки всех забрали. Так что.

А теперь так ведь крестят. У меня например: вот я дочку дак крестила
бабушка у меня. Бабушка крестила. А я жила в Мончегорске дак, я уже
как крестная дак пятерым крестила. Тогда тоже церкви не было, и приво-
зили с Кировска, там кто-то приезжал, дак вот их крестили всех в одном
доме дак. Я их крестила. А ни один крёстной не зовёт. Вот у сестры –
сын, сейчас уехал, тот крёстник. Было маленький от меня не отходил, а
теперь и крёстной не называет. И не поздоровается, вот так. Крёстной...
Всё это забывается.

[а тогда говор'ила / што у нас ф том д'ом'э / да вот ф том д'ом'э /
с'эм'эро было д'эт'эй / а так дак у ково ско́л'ко / бол'шынство / по
п'ат'орк'э д'эт'эй было // а у м'ин'а вот одна тол'ко // ну вот напр'им'эр /
ра́ншэ в'эт' н'э было / это т'эп'эр' ужэ / што вот ф'с'э в роддо́м в'эзут // а
ра́ншэ-то ста́ло это пло́хо рожат' / и зовут вот эту ба́бушку // ба́бушка и
пр'ин'имала роды // ну она уш и называ́йэцца пов'иту́ха / пото́му што она
там пр'ин'имала ро́ды // ра́ншэ в'эт' в бол'н'и́цу-то н'э воз'ил'и / так што
бол'шынство́ дома рожал'и //

в ба́н'э //

за́чэм / до́ма // пр'а́мо //

а потóm кр'ис'т'ил'и д'ит'эй //

ну дак / кон'эшно // там пройд'от скóл'ко / м'эс'ац л'и скóл'ко дак // кр'эс'т'ил'и // нос'ил'и ф цэркву // там ужэ и кр'эс'т'ил'и / но йа этово-то н'э знайу / потóму што йа уш н'э помн'у // нас порас в'эз'ил'и / ф цэркву в'эзл'и на лошад'и / ф цэркву // а напугал'и / што мы вас там-от в óз'эро / в óз'эро брós'им / мы ф'с'э зар'эв'эл'и / нас мáт'к'и ф'с'эх забрал'и // так што //

а т'эп'эр' так в'эт' / кр'эс'т'ат // у м'ин'á нап'рим'эр / вот йа дочку дак кр'эс'т'ила / бабушка у м'ин'á // бабушка кр'эс'т'ила // а йа жыла в мончэгóрс'к'э дак / йа ужэ как кр'оснайа дак п'ат'эрым кр'эс'т'ила // тогда тожэ цэркв'и н'э было / и пр'ивоз'ил'и с к'ирофска / там кто-то пр'ийэжжал / дак вот их кр'эс'т'ил'и ф'с'эх ф' одно́м до́м'э дак // йа их кр'эс'т'ила // а н'и од'ин кр'осной н'э зов'от // вот у с'эстры / сын / с'иц'ас уйэхал / тот кр'ос'н'ик // было мал'эн'к'ий от м'ин'á н'э отход'ил / а т'эп'эр' и кр'осной н'э назывáйт // и н'э поздорóвацца / вот так // кр'остной // ф'с'о это забывáйтца]

Как праздники справляли

— Как праздники? Вот у нас второго августа Ильин день, праздник, гулянка. Гулянка была там у церкви, а потом уже в нашей деревни ночью гуляли. А теперь гуляют всегда три дня было. Ну а дак чего? Праздники... ну там уже в какой деревне когда.

— Ну вот тогда у нас вот это время дак раньше ходили к этой к церкви и там гуляли, а тут последнее время дак по деревне просто ходят гуляют взад-вперед с гармошкой. Просто гуляют и всё. И драки бывают, и всё. И вчера и рассказывала. Я говорю: на уколот была в няньках тятиной сестры у дочки — лето гостила. И в праздник-то здесь и было. И пошли и мы, сопляки, на гулянку. А там барышня: кавалер пьяный напился, лежит. Они соврались, меня заставили караулить, а я тогда, как чокнутая, не понимаю — караулить, а потом ихние-то все подходят: «А если бить будут, дак чего будешь делать?» — «Побегу!» А они говорят: «Дак не беги, а кричать надо». А теперь думаю: надо же додумалася меня, соплюшку, караулить её; думаю: насрать мне твой кавалер — караул пьяного. Вот так, так что. Ой, девочки милые.

[как прáз'н'ик'и // вот у нас фторóво áвгуста ил'ийн д'эн' / прáз'н'ик / гул'анка // гул'анка была там у цэрквы / а потóm ужэ в нáшэй д'эр'эвн'и нóч'иу гул'ал'и // а т'эп'эр' / гул'áют ф'с'эгдá тр'и дн'а было // ну а дак чэвó // прáз'н'ик'и // ну там ужэ ф' какой д'эр'эвн'э когдá //

ну вот тогда у нас / вот это вр'эм'а дак раншэ ход'ил'и к этой / к цэркв'э / и там гул'ал'и / а тут посл'эдн'эйэ вр'эм'а дак по д'эр'эвн'э /

просто хód'ат гул'айут взát-фп'эр'от з гармóшкой // просто гул'айут и ф'с'о // и драк'и быва́ют / и ф'с'о // и вчэ́ра и рассказы́вала // йа говор'у́ / на уколóт была́ в н'ан'ках / т'ат'иной с'эстры́ у дочк'и / л'это́ гост'ила́ // и ф прáz'н'ик-то з'д'эс' и было́ // и пошл'и́ и мы / сопл'ак'и́ / на гул'анку́ // а там ба́рышн'а / кавал'эр п'йаны́й нап'илс'а / л'эжы́т // он'и́ соврал'ис'а / м'ин'а́ застáв'ил'и караул'ит' / а йа тогдá / как чо́кнута́йа / н'э пон'има́йу / караул'ит' / а потóм ихн'ийэ-то ф'с'э потхóд'ат / а йэсл'и б'ит' бу́дут / дак чо́ бу́д'эш д'элат' // поб'эгу́ // а он'и́ говор'а́т / дак н'э б'эг'и́ / а кр'ича́т' на́до // а т'эп'эр' дума́йу / на́до жэ́ доду́малас'а м'ин'а́ / сопл'у́шку / караул'ит' йийо́ // ду́майу / насра́т' мн'э́ твой кавал'эр / караул' п'йаново́ // вот так / так што́ // ой / д'эвочк'и м'и́лийэ́]

Как сено косили

– На сенокос? Ну раньше с отцом ходила. Ходили, косили. Тут тоже, уже когда вот сюда приехали, дак вот Игорь корову держал, дак ходили было утром косили, косили. Теперь это сено всегда сушили, помогали всё время. Это мы ходили. Вот у Риммы у Тихоновны, корову держала, дак всё время. Тут уж у Риммы муж трактористом был, так он косил этим. Как накосит, так накосит. По пятьдесят было копён! И вот мы трясли, сушили, помогали. Ну а как жили ведь – жили-то в то время, сейчас уже пороскошнее жить стали, а тогда были бедные, дак они нам чем-то помогают, а мы им, вот так и жили.

[на с'эноко́с // ну ра́ншэ́ с отцо́м ход'и́ла // ход'ил'и́ / кос'ил'и́ // тут то́жэ́ ужэ́ ко́гда́ вот с'уда́ пр'ийэ́хал'и́ / дак вот и́гор' коро́ву д'э́ржал / дак ход'ил'и́ было́ у́тром кос'ил'и́ / кос'ил'и́ // т'эп'эр' э́то с'эно́ ф'с'э́гда́ сушыл'и́ / помогал'и́ ф'с'о́ вр'эм'а́ // э́то мы́ ход'ил'и́ // вот у р'иммы́ у т'ихоновны́ / коро́ву д'э́ржала́ / дак ф'с'о́ вр'эм'а́ // тут уш' у р'иммы́ муш трактор'и́стом был / так он кос'ил э́т'им // как на́кос'ит / так на́кос'ит // по п'иис'а́т было́ ко́п'он // и вот мы́ тра́сл'и́ / сушыл'и́ / помогал'и́ // ну а как жы́л'и в'э́т' / жы́л'и-то ф то́ вр'эм'а́ / с'э́час ужэ́́ пороско́шн'э́йэ́ жы́т' ста́л'и́ / а то́гда́ бы́л'и б'э́дны́йэ́ / дак он'и́ нам чэ́м-то́ помога́йут / а мы́ им / вот так и жы́л'и́]

Как дают пенсию и пособие от предприятия

– Да, раньше, вот я и говорю, раньше думали: «Господи, неужели досыта хлеба чистого поедим?» А теперь наелись-от, уже того не хочу, и другого не хочу, и третьего не хочу. Теперь уже пенсию заработали-от. Вот сейчас с ним разговаривали. У него пенсия, вот надо не наврать, десять ли тринадцать тысяч. А у меня сейчас двадцать. Вот он мне и: «Вот в

цехе работал», а что пенсия у меня больше, значит, ты не заработал, а я заработала. А тут, милая моя, теперь уехала (тоже с Мурманска, как-то, где это, а вот – вот эта штука) получали медаль, а как-то раз ну вон как эти полоски. Это медаль нам давали. Ну и тогда были десятиклассники, девятиклассники, там приходили. Мы идём, они нас встречают, вот эту штуку прикрепили, ну а потом это собрание, там вычитают из всякого, и там бежит этот военный, эту медаль вручают, и это всё, а школьники – подарок. А она идёт, я иду с того краю: «Что, купила?» А я, милая, не подумала, потому что я была в той куртке, к которой прицеплена эта. Домой-то пришла, как в зеркало-то посмотрела, а у меня эта штука: ах вот оно что. А она работала, работает и сейчас в покойницкой. Если б я подумала, я бы ей резанула: «А тебе покупать не надо, ты у покойника можешь снять». Ну хорошо, что не дошло до меня, так что я не нагрубила.

– А, думаю, сейчас вот ему и говорю: «На следующий год все, кто ведь медаль эту дают и дают это..» Ну назови ты эту бумагу-то!

– *Георгиевская ленточка?*

– Ну вот, я говорю: «Я все принесу, привезу и покажу, что у меня сколько медалей». А я как-то раз и говорю: «А зачем они эти медали?» – А Ольга, дочка: «Пусть внуки посмотрят». – «Да что внуки не видали?» Ну а что я в жизни не забуду: мне этот военный-то принес медаль-то, вручил. Я и говорю: «Спасибо». А он говорит: «Не нам спасибо, а вам спасибо». Потому что я ветеран военного труда, ветеран, что мы уже столько отработали. Вот. А я и говорю: я в Кириллове работала в типографии. Я оттуда справку взяла, у меня и та была записана, так что я пятьдесят шесть лет или больше отработала.

Так что мы живем нормально. Нам, как я от комбината работала всю жизнь, дак нам... Вот сейчас разговаривала с этой, ну вот нашей, и говорю. Дак я говорю, не знаю сколько, она говорит. В этот год, грит, полторы тысячи. Ну вот я вот каждый год пойдем там: ну у нас-то вот это самый главный это, в этом, в этом, ну там кинотеатр был, идём, трудовую книжку, все документы берём. Там записывают, и каждый год нам дают деньги. Раньше мы ходили получать в сберкассу, а сегод сказал, переведут на книжку. Дак вот она и сказала, что сегод полторы тысячи. Каждый год дают, так что нас ещё, нет-нет да подкидывают. А теперь съеду, опять узнаю, где давали на девятое мая: на девятое мая сколько-то дадут, так что нас ещё, стариков, не забывают – живите да радуйтесь, вот вам.

Но нас выручает комбинат. Я вот здесь лежала в больнице, у меня вот болел бок, делали операцию. Правда, отношение очень было хорошее, но питание против нашего. А у нас комбинат, правда, питание, кормят, ко мне, этот, ходят соседи. Я говорю (а у нас внизу у меня живёт такая скупая, всё себя морила), я говорю: «Здесь кормят – не каждый дома так питается». Правильно, что кормили исключительно. Вот. И у нас ещё, мало

того, у нас вот теперь мы пенсионеры нерабочие, в каждый год могу один раз взять ходить на обеды. Вот десять, десять – это завтрак, каша. Каша, потом чай, кусок батона с маслом, а в два тридцать обед. В обед обязательно салатик. А мне соседи и говорят: «Ой, там справляют поминки, да вот останется, вскипятят да и кормят». Я говорю: «Не ври, ради бога, не ври. Я ведь не дура: вижу, что дают-то. Всё сготовлено только свежее». Я говорю: «Вот салатик. Потом дают суп, но в супе мяса нет. Мясо идет на второе или там котлеты или чего, или там окорочек. И второе, эти, беф-строганов там с чем-то. Кормят исключительно. Потом ещё блины или оладьи». А то тут что, я говорю. Я ещё стою это, блинов не дождалась. «А блины-то?» – «Да уж некуда вроде и ложить». Но заставляют это домой забирать, так что там бери и забирай домой. Вот каждый год можешь один раз сходить на обеды. Бесплатно.

[да / раншэ / вот йа и говор'у / раншэ думал'и / госпoд'и / н'эужэл'и дoсыта хл'эба ч'истовo пoйэд'им // а т'эп'эр' найэл'ис'а-от / ужэ тово н'э хоч'у / и другoвo н'э хоч'у / и тр'эт'йэво н'э хоч'у // т'эп'эр' ужэ п'эн'с'ийу зарaбoтaл'иoт // вoт с'эчac с н'им разгoвaр'ивaл'и // у н'эвo п'эн'с'ийa / вoт нaдo н'э нaврaт' / д'эс'aт' л'и тр'инaццaт' т'ыс'aч // а у м'ин'a с'эчac двaццaт' // вoт oн мн'э и / вoт ф'цэх'э рaбoтaл' / a штo п'эн'с'ийa у м'ин'a бoл'шэ / знaчит / т'ы н'э зарaбoтaл' / a йa зарaбoтaлa // a т'ут / м'илaйa мoйa / т'эп'эр' уйэхaлa // тoжэ с м'урмaнскa / кaк-тo / гд'э этo / a вoт / вoт этa штукa // пoлучaл'и м'эдaл' / a кaктo рac / ну вoн кaк эт'и пoлoск'и // этo м'эдaл' нaм дaвaл'и // ну и тoгдa был'и д'эс'aт'иклac'н'ик'и / д'эв'aт'иклac'н'ик'и / тaм пр'иxoд'ил'и // м'ы ид'oм / oн'и нac фcтp'эчaйут / вoт этy штукy пр'икp'эп'ил'и / ну a пoтoм этo cбpaн'ийэ / тaм вычитaйут ис ф'с'aкoвo / и тaм б'эжыт этoт вoйэнн'ий / этy м'эдaл' вpучaйут / и этo ф'с'o / a шкoл'н'ик'и / пoдaрoк // a oнa ид'oт / йa ид'у с тoвo кpайу / штo / куп'илa // a йa / м'илaйa / н'э пoдумaлa / пoтoму штo йa былa ф'тoй к'уртк'э / к кoтoрoй пр'иц'пл'эна этa // дoмoй-тo пр'ишлa / кaк в з'эркaлo-тo пoсмoтp'элa / a у м'ин'a этa штукa / aх вoт oнo штo // a oнa рaбoтaлa / рaбoтaйт'и с'эчac ф'пoкoйн'ицкoй // йэсл'и п / йa пoдумaлa / йa б'ы йэй р'эзaнулa / a т'иб'э пoкупaт' н'э нaдo / т'ы у пoкoйн'икa мoжэш сн'aт' // ну хoрoшo / штo н'э дoшлo дo м'ин'a / тaк штo йa н'э нaгpуб'илa //

а думайу / с'эчac вoт йэм'у и гoвop'у / нa сл'эдуйушш'ий гoт ф'с'э / ктo в'эт' м'эдaл' этy дaйут и дaйут этo // ну нaзoв'и т'ы этy бумaгy-тo //

г'иoрг'ийэфcкaйa л'энтaчкa //

ну вoт / йa гoвop'у / йa ф'с'э пр'ин'эс'у / пр'ив'эз'у и пoкaж'у / штo у м'ин'a cкoл'кo м'эдaл'эй // a йa кaк-тo рac и гoвop'у / a зaчэм oн'и эт'и м'эдaл'и // a oл'гa / дoчкa / пycт' внук'и пoсмoтp'aт // дa штo внук'и н'э в'идaл'и // ну a штo йa в ж'ыз'н'и н'э зaб'уду / мн'э этoт вoйэнн'ий-тo

пр'ин'ос м'эдал'-то / вручил // йа и гр'у / спас'ибо // а он говор'ит / н'э нам спас'ибо / а вам спас'ибо // потому што йа в'эт'эран войэнново труда / в'эт'эран / што мы ужэ стол'ко отработал'и // вот // а йа и говор'у / йа ф к'ир'иллов'э работала ф т'ипограф'ии // йа оттуда спрафку вз'ала / у м'ин'а и та / была зап'исана / так што йа п'иис'ат шэст' л'эт / ил'и бол'шэ отработала //

так што мы жив'ом нормал'но // нам / как йа от комб'ината работала ф'с'у жыз'н' / дак нам // вот с'эчас разговар'ивала с этой / ну вот нашэй / и говор'у // дак йа говор'у / н'э знайу скол'ко / она говор'ит // ф этот гот / гр'ит / полторы тыс'ачи // ну вот йа вот каждый гот пойд'эм там / ну у нас-то вот это самый главный это / в этом / в этом / ну там к'инот'атр был / ид'ом / трудов'уу кн'ишку / ф'с'э докум'энты б'эр'ом // там зап'исывають / и каждый гот нам дають д'эн'г'и // раншэ мы ход'ил'и получа'т ф сб'эркасу / а с'эгот сказа'л / п'эр'эв'эдут на кн'ишку // дак вот она и сказа'ла / што с'эгот полторы тыс'ачи // каждый гот дають / так што нас ишшо / н'эт н'эт да подк'идывають // а т'эп'эр' сйэду / оп'ат' узнайу / гд'э давал'и на д'эв'атойэ майа / на д'эв'атойэ майа скол'кото дадут / так што нас ишшо / стар'икоф / н'э забывають / жив'ит'э да радуйт'эс' / вот вам //

но нас выручайэт комб'инат // йа вот з'д'эс' л'эжала в бол'н'ицэ / у м'ин'а вот бол'эл бок / д'элал'и оп'эрацийу // правда / отношэн'ийэ очэн' было хорошэйэ / но п'итан'ийэ прот'иф нашэво // а у нас комб'инат / правда / п'итан'ийэ / корм'ат / ко мн'э / этот / ход'ат сос'эд'и // йа говор'у // а у нас вн'изу у м'ин'а жив'от такайа скупайа / ф'с'о с'иб'а мор'ила // йа говор'у / з'д'эс' корм'ат / н'э каждый дома так п'итайэцца // прав'ил'но / што корм'ил'и искл'учит'эл'но // вот // и у нас ишшо / мало тово / у нас вот т'эп'эр' мы п'эн'с'ион'эры н'эрабочийэ / ф каждый гот могу од'ин рас вз'ат' ход'ит' на об'эды // вот д'эс'ат' / д'эс'ат' / это зафтрак / каша // каша / потóm чай / кусо'к батона с маслом / а в два тр'иццат' / об'эт // в об'эт об'азат'эл'но салат'ик // а мн'э сос'эд'и и говор'ат / ой / там справл'ають пом'инк'и / да вот остан'эцца / фск'ип'ат'ат / да и корм'ат // йа говор'у / н'э вр'и / рад'и бога / н'э вр'и // йа в'эт' н'э дура / в'ижу / што дають-то // ф'с'о зготовл'эно тол'ко св'эжэйэ // йа говор'у / вот салат'ик // потóm дають суп / но ф суп'э м'аса н'эт // м'асо ид'от на фторойэ / ил'и там котл'эты / ил'и чэво / ил'и там окорочэк // и фторойэ / эт'и / б'эф-строганоф там с чэм-то // корм'ат искл'учит'эл'но // потом ишшо бл'ины ил'и олад'ьи // а то тут што / йа говор'у // йа ишшо стойу это / бл'иноф н'э дождалас'а // а бл'ины-то // да уш н'экуда врод'э и ложыт' // но заставл'ають это домой заб'ира'т' / так што там б'эр'и и заб'ирай домой // вот каждый гот можэш од'ин рас сход'ит' на об'эды // б'эсплатно]

Как выделяют социального работника

— Вот у вас это есть и у нас. Вот могу я человека, ко мне дадут человека, что ко мне он будет ходить, в магазин ходить и всё. Дочка уже не один год хотела. Мне не надо человека, понимаешь? Я на это очень худая. Ну чё, я уже привыкла так, дак зачем? А я говорю, я если заболела, я беру булку — белого булку, чёрного. Я говорю, могу неделю лежать, хлеба хватит. А как встану, дак я сама сброжу. Чего надо, того и беру, вот так.

[вот у вас ёто йёс' и у нас // вот могу́ йа чёлов'ёка / ко мн'ё дадут чёлов'ёка / што ко мн'ё он буд'ёт ход'ит' / в магаз'ин ход'ит' и ф'с'о // дочка ужэ н'э од'ин гот хот'эла // мн'э н'э надо чёлов'ёка / пон'имайёш // йа на ёто ёчэн' худайа // ну чо / йа ужэ пр'ивыкла так / дак зачём // а йа говор'у / йа йёсл'и забол'эла / йа б'эру булку / б'элово булку / чёрново // йа говор'у / могу́ н'эд'эл'у л'эжат' / хл'эба хват'ит // а как ф'стану / дак йа сама сброжу // чёво надо / тово и б'эру / вот так]

Как боролась с пьянством дочери

— А дедко пил. И дочь вот. Так вот сейчас не знаю, раза три или четыре звонила, вроде трезвая. Но не знаю; сейчас подожди-ка, покажу. Ой, беда, нелад: бабка тебя заговорит. Вот — купила от водки. От водки. Пятьсот рублей. Вот, послала такую штуку ему, внуку, что давай. Вот там поршочек, вот это вот гриб вот такой, и вот там такая маленькая ложечка, и надо или в суп или там в питьё по этой ложечке давать.

— Незаметно?

— А?

— Незаметно?

— Да, надо чтоб не знала. Вот я ему послала. Тут было у меня куплено, я тебе много наговорю) куплена такая, ну как мне понравилась чёрная, эта, ну как тебе сказать, ну такая как футболочка, но она вроде шерстяная, чёрная. Вторая накидочка, и тут такие красивые вышит или как-то сделан, и третья. А мне-то куда ходить, думаю, куда мне? А она-то терапевт, в больнице. Я ёй и послала, написала в письме, это, то есть, бандеролью: «Марта, тебе будет очень хорошо на работу ходить». Ну уже такая штука, я думаю, что понравится, но только чёрная. «А это драгоценной доченьке». Ну и написала, как надо. Он говорит: «Это пустое дело». А дядечка, у которого покупала, он и говорит: «Даже пить не будет, изредка надо давать». Ну вот это вот ни и здесь — на навозе растёт этот гриб. Вот его надо высушить, в муку растереть и вот такую капелечку и давать в суп. Ну дак вот я покупала три штуки: одну послала, одну вот привезла, а одну вы-

просила соседка. Ну вот дак не знаю, откупит она мне или нет. А я ей сказала: «Если приедешь, я тебе отравлю».

Слушай, так мне уж надоело. Она у меня столько пропила денег: ой! Тысячами вытаскивает. Я как усну, и пьёт, и пьёт. Я уже с грехом её отправила. Отправила я её туда с грехом. Не знаю, как они там бьются.

А подружки у ней очень хорошие, очень. Особенно одна, приедут, говорят, говорят: «Ты детей-то позоришь», что дети-то такие грамотные. Ну что делать, человек уже привыкла пить. Ну что делать вот так? Вот так жизнь бы всё бы хорошо.

И она что: у меня книжка. Здесь было прошлый год. Пошла – тридцать тысяч ей дали. А потом у меня в Мончегорске книжка, и я сто тысяч положила как на похороны на книжку, отдельно, а завешание на неё. И она что решила? А до меня не доходит! Она решила (соседке сказала): «Я пошлю – своего мужа – солнышку деньги, она мне сказала. А я думаю: «Она какие деньги пошлет?» А потом оказывается, она уже сходила с этой книжкой, а ей в Мончегорске не дали. Но тут я дошла, она и говорит: «Если ты помрешь, придётся денег мне занимать у подружек: что не дадут деньги. Тут до меня дошло: тогда я эту книжечку подобрала. И вот я сегод перед отъездом сходила и переписала на сына на еёнего. Думаю: «Вот тебе ничего, ничего ты от меня не получишь, раз такое дело». Вот так вот. Так что детей вычишь...

А другой раз бывает так, что вроде как скуповатая, бывает, что оговариваем. А оказывается, видишь, много-то нельзя давать, а они... Я же с этим, со старшим нянчилась, когда она училась в Ленинграде. Там так они пьют – ужас! Она мне и говорит, что в праздник на коидор не выходи, утром если встанешь в коидоре – десять-двадцать сантиметров всё стеклом набито. А я и говорю: «Родители высылают, что на житьё, а они пьют». Вот так что. Вот не дай Бог. Вот жизнь прожить – не поле перейти. А всё равно, вот видишь, а помирать – смерти нет.

[а д'этко п'ил // и доч вот // так вот с'эчас н'э знайу / р'аза тр'и ил'и
чэтыр'э звон'ила / врод'э тр'эзвайа // но н'э знайу // с'эчас подожд'и-ка /
покаж'у // ой / б'эда / н'элад / бапка т'эб'а заговор'ит // вот / куп'ила от
вотк'и // от вотк'и // п'ат'сот рубл'эй // вот / послала так'у'йу штуку йэму /
внуку / што давай // вот там порошочэк / вот это вот гр'ип вот такой / и
вот там такайа мал'эн'кайа ложэчка / и надо ил'и ф суп ил'и там ф
п'ит'йо по этой ложэчк'э дават' //

н'изам'этна //

а //

н'изам'этна //

да / надо штоп н'э знала // вот йа йэму послала // тут было у м'ин'а
купл'эно / йа т'иб'э мно́го наговор'у // купл'эна такайа / ну как мн'э по-

нрав'илас'а чорнайа / эта / ну как т'иб'э сказат' / ну такайа как фут-
болочка / но она врод'э шэрст'анайа / чорнайа // фторайа нак'идочка / и
тут так'ийэ крас'ивыйэ вышит' ил'и как-то з'д'элан / и тр'эт'яа // а м'н'э-
то куда ход'ит' / думайу / куда мн'э // а она-то т'эрап'эфт' / в бол'н'ичэ //
яа йой и послала / нап'исала ф' п'ис'м'э / это / то йэст' / банд'эрол'йу /
март'а / т'иб'э буд'эт очэн' хорош'о на работ'у ход'ит' // ну ужэ такайа
шт'ука / яа думайу / што понрав'ицца / но тол'ко чорнайа // а это драго-
чэнной дочэн'к'э // ну и нап'исала / как надо // он говор'ит / это пустойэ
д'эло // а д'ад'эчка / у котор'ово покупала / он и говор'ит / дажэ п'ит' н'э
буд'эт / изр'эдка надо дават' // ну вот это вот н'и и зд'эс' / на навоз'э
раст'от этот гр'ип // вот йэво надо высуш'ит' / в муку раст'эр'эт' и вот
такуу кап'эл'эчку и дават' ф' суп // ну дак вот яа покупала тр'и шт'ук'и /
одну послала / одну вот пр'ив'эзла / а одну выпрос'ила сос'этка // ну вот
дак н'э знайу / откуп'ит она мн'э ил'и н'эт // а яа йэй сказала / йэсл'и
пр'ийэд'эш / яа т'иб'э отравл'у //

слушай / так мн'э уш надойэло // она у м'ин'а стол'ко проп'ила
д'эн'эг / ой // тыс'ачам'и вытаск'ивайэт // яа как усну / и п'йот / и п'йот //
яа ужэ з гр'эхом йийо отпра'вила // отпра'вила яа йийо туда з гр'эхом //
н'э знайу / как он'и там б'йуща //

а подрушк'и у н'эй очэн' хорошыйэ / очэн' // особ'энно одна /
пр'ийэдут / говор'ат / говор'ат / ты д'эт'эй-то позор'иш / што д'эт'и-то
так'ийэ грамотныйэ // ну што д'элат' / чэлов'эк ужэ пр'ивыкла п'ит' // ну
што д'элат' вот так // вот так жызн' бы ф'с'о бы хорош'о //

и она што / у м'ин'а кн'йжка // зд'эс' было прошлый гот // пошла /
тр'ицат' тыс'ач йэй дал'и // а пот'ом у м'ин'а в монч'эгорск'э кн'йжка / и
яа сто тыс'ач положила как на похор'оны на кн'йжку / од'д'эл'но / а
зав'эш'ан'ийэ на н'э'о // и она што р'эшыла // а до м'ин'а н'э дох'од'ит //
она р'эшыла // сос'этк'э сказала // яа пошл'у / свойэво м'ужа / сол'нышку
д'эн'г'и / она мн'э сказала // а яа думайу / она как'ийэ д'эн'г'и пошл'от //
а пот'ом оказывайэцца / она ужэ сход'ила с этой кн'йшкой / а йэй в монч'э-
горск'э н'э дал'и // но тут яа дошла / она и говор'ит / йэсл'и ты помр'эш /
пр'ид'оцца д'эн'эк мн'э зан'имат' у подруж'эк / што н'э дадут д'эн'г'и //
тут до м'ин'а дошло / тог'да яа эту кн'йжэчку подобрала // и вот яа с'эг'от
п'эр'эд отйэздом сход'ила и п'эр'эп'исала на сына на йийонново //
думайу / вот т'иб'э н'ичэво / н'ичэво ты от м'ин'а н'э получиш / рас та-
койэ д'эло // вот так вот // так што д'эт'эй выучиш //

а другой рас бывайэт так / што врод'э как скуповат'яа / бывайэт / што
оговар'ивайэм // а оказывайэцца / в'ид'иш / много-те н'эл'з'а дават' / а
он'и // яа жэ с эт'им / со стар'шым н'анчилас' / ког'да она училас'а в
л'эн'инград'э // там так он'и п'йут / ужас // она мн'э и говор'ит / што ф'
праз'н'ик на кол'идор н'э выход'и / ут'ром йэсл'и ф'стан'эш ф' кол'идор'э /
д'эс'ат' двацат' сант'им'этроф ф'с'о ст'окл'ом наб'ито // а яа и говор'у /

род'и́т'эл'и вы́сыла́ют / што на жы́т'йó / а он'и п'йут // вот так што // вот н'э да́й бох // вот жы́зн' прожы́т' / н'э по́л'э п'э́р'эйт'и // а ф'с'о ра́вно / вот в'и́д'иш / а пом'ира́т' / см'э́рт'и н'э́т]

Как лечились и как заботились о детях

– Ну как лечили, не знаю в деревне. В деревне не очень-то, знаешь. И помрет – вот и слава Богу. Семьи всегда большие. Вот и нас фактически восьмеро, я так считаю: вот Шурка старшая, Колька, Володька, я, второй Володька, Валька, Витька, ещё Оля была. А ещё бы отец не помер, она бы ещё нарожала. Вот так раньше было. Даки рады были, который и помрет, даки слава Богу. Не больно и... Это теперь уже вот. Так что не очень беспокоились.

– Ну какие-то были!

– А у всех детей было много.

– Ну что-то да лечили? Как-то ведь, какие-нибудь!

– Ну маленько-то лечили чем-то. Ну а чего: простыл – даки на печку, затолкают – сиди на печке, грейся. Так что, так что не беспокоились раньше. И дети были крепче. Видишь, опять же теперь все считают: раньше всё равно деревенский человек, он же более крепче, потому что ничего такого, теперь этой химии-то не едят, а мы-то даки там какое там! Так что, бог его значет. Ну раньше крепче дети были, вот.

В бане намоют, напарят, и ходили, как говорится, и босые и всё, и не тетюнькались. Я в жизни не забуду. Как-то мама... Был двоюродный брат отца, а он и говорит: «Посади ребенка на печку». А тот подтолкнул что-то. Ну вот, даки он подошёл да маме ударил, что она попросила. Вот так раньше было. Раньше не тетюнькались, это теперь уже стали, что.

А теперь, видишь, не знаю, как у вас, а у нас, у нас сосед, в соседнем доме, женился, двое детей, родила одного, потом второго. И он купил машину и квартиру на эти деньги. Вот такие деньги теперь. Теперь можно выходить замуж и рожать. Теперь деньги плотят – дай боже. А не знаю, у вас как, а у нас вот так.

А раньше, а раньше маленькому ещё, господи, нажуют вон хлеба, дадут в рот – и жуй. Матка где-то на работе даки. Раньше-то дети жили. А игрушек не было. Отец работал там, вот даки вот какие-то щепки – даки игрушки. А что это ничего не было. А теперь вон всяких игрушек, всего.

Рог, рог был, рог. Не было, даки это титькой, даки это рог это помню, ну даки от коровы рожок, рог. И этот рог ну даки и псили. Да.

Вот это было, ну это вот в том доме, даки там это было кольцо, зыбка привешена, и вот и качаешь, качаешь. А у меня против дедко жил: «Не хочешь нянчиться, даки ты возьми ушипни, ребёнок заплачет». Эх, как, милая, как щипнёшь, как он заревит, тут уже некогда, мамке придется брать.

Вот дедко учил. А потом: «Не хочешь нянчиться, так ты закрести ему рот да и убеги». Дак по одному лету каждый день меня били. Только прибе-гут с работы – в озеро, ну и я – в озеро. А придут, а он в это время заре-вит, вот так вот. Дак старыя это мужик и вот так учил, научил дак. Так люди-то разные дак.

[ну как л'эчил'и / н'э знайу в д'эр'эвн'э // в д'эр'эвн'э н'э очэн'то / знайэш // и помр'эт / вот и слава богу // с'эм'йи ф'с'эгда бол'шыйэ // вот и нас факт'ичэск'и вос'м'эро / йа так считаёу / вот шурка старшайа / кол'ка / волот'ка / йа / фторой волот'ка / вал'ка / в'ит'ка / ишшо ол'а была // а ишшо бы от'эц н'э пом'эр / она бы ишшо нарожала // вот так раншэ было // дак он'и рады был'и / который и помр'от / дак и слава богу // н'э бол'но и // это т'эп'эр' ужэ вот // так што н'э очэн' б'эспоко'ил'ис' //

ну как'ийэ-та был'и //

а у ф'с'эх д'эт'эй было много //

ну што-та да л'ичил'и // как-та в'эт' / как'ийэ-н'ибут' //

ну мал'эн'ко-то л'эчил'и чэм-то // ну а чэво / простыл / дак на п'эчку / затолкают / с'ид'и на п'эчк'э / гр'эйс'а // так што / так што н'э б'эспоко'ил'ис'а раншэ // и д'эт'и был'и кр'эпчэ // в'ид'иш / оп'ат' жэ т'эп'эр' ф'с'э считаёут / раншэ ф'с'о равно д'эр'эв'энск'ий чэлов'эк / он жэ бол'эз кр'эпчэ / потому што н'ичэво таково / т'эп'эр' этой х'им'ийи-то н'э йэд'ат / а мы-то дак там какойэ там // так што / бох йэво знаэт // ну раншэ кр'эпчэ д'эт'и был'и / вот //

в бан'э намоёут / напар'ат и ход'ил'и / как говор'ицца / и босыйэ и ф'с'о / и н'э т'эт'ун'кал'ис' // йа в жызн'и н'э забүду // как-то мама // был двойуродный брат оцца / а он и говор'ит / посад'и р'эб'онка на п'эчку // а тот поттолкнул што-то // ну вот / дак он подош'ол да мам'э удар'ил / што она попрос'ила // вот так раншэ было // раншэ н'э т'эт'ун'кал'ис'а / это т'эп'эр' ужэ стал'и / што //

а т'эп'эр' / в'ид'иш / н'э знаёу / как у вас / а у нас / у нас сос'эт / ф'сос'эд'н'эм дом'э / жэн'илс'а / двойэ д'эт'эй / род'ила одново / потом фторово // и он куп'ил машину и кварт'иру на эт'и д'эн'г'и // вот так'ийэ д'эн'г'и т'эп'эр' // т'эп'эр' можно выход'ит' замуш и рожат' // т'эп'эр' д'эн'г'и плот'ат / дай божэ // а н'э знаёу / у вас как / а у нас вот так //

а раншэ / а раншэ мал'эн'кому ишшо / господ'и / нажуут вон хл'эба / дадут в рот / и жуй // matka гд'э-то на работ'э дак // раншэ-то д'эт'и жыл'и // а игрушэк н'э было // от'эц работал там / вот дак вот как'ийэ-то ш'эпк'и / да игрушк'и // а што это н'ичэво н'э было // а т'эп'эр' вон ф'с'ак'их игрушэк / ф'с'эво //

рок / рок был / рок // н'э было / дак это т'ит'кой / дак это рок это помн'у / ну дак от коровы рожок / рок // и этот рок ну дак и по'ил'и // да //

вот это было / ну это вот ф том дом'э / дак там это было кол'цо / зыпка пр'ив'эшэна / и вот и качайэш / качайэш // а у м'ин'а прот'иф д'этко жыл / н'э хочэш н'анчицца / дак ты воз'м'и уш'ипн'и / р'эб'онок заплачэт // эх / как / м'илайа / как ш'ипн'ош / как он зар'эв'ит / тут ужэ н'экогда / мамк'э пр'ид'оцца брат' // вот д'этко учил // а потом / н'э хочэш н'анчицца / так ты закр'эст'и йэму рот да и уб'эг'и // дак по одному л'эту каждый д'эн' м'ин'а б'ил'и // тол'ко пр'иб'эгут с работы / в оз'эро / ну и йа / в оз'эро // а пр'идут / а он в это вр'эм'а зар'эв'ит / вот так вот // дак старыа это мужык и вот так учил / научил дак // так л'уд'и-то разныйэ дак]

Как развлекались

– Я, например, танцы никаких не танцевала. Кадрель. У нас кадрель была, кадрель. Там сколько пар встаёт, что и вот там, там один командует. У нас кадрель здесь, а что дедко там из-за Гориц, у них ленца плясали, а у нас кадрель, а у них ленца.

– А чем отличаются?

– Ну у них совсем уже другая пляска, но тоже там командует. А после как эту там прокомандует, там проиграет, тут уже девки пляшут по паре, по двое ходят. А потом уже **кужляют**, этот ну сужляют нас, сужляют уже, когда этот тут потом. Там этот парень выходит, пляшет, а девка выходит – тебя, когда с песнями, парень песни поёт, вот и все эти, а так... Ну раньше было, я думаю, чё-то веселей, лучше, чем сейчас. На гулянки ходили, было весело. Придешь с работы, устанешь, господи. И думаешь: «Не пойду сегодня». – «Попшли!» – кричат. Эх, созывся и побежал. Раньше этот чё-то веселей, а теперь не знаю.

Ну у нас, вот у меня дом это, этот, у меня с часовенки. У нас была часовенка такая. Ну как тебе сказать, ну раньше в церкви были. Это от церкви это была часовенка. Потом она это была там это как склад, как кладовая. Зерно там хранили. И вот на этой часовенке каждый день до трёх ночи – а у нас деревня была сорок пять домов – и каждый день до трёх ночи пляска, гулянка, гармошка своя. Народу много, была гулянка, так что.

Ну раньше ведь гуляли, беседы делали. Вот тут девки, вот примерно у вас в деревне пусть хоть троё, значит, эту беседу ты делаешь, потом вторая, потом третья там. То этот в деревнях, там пишут записку: «плахинская молодежь...», то есть «борбушинская молодежь, приглашает вас на беседу плахинская молодежь вот в такой-то день». И вот все и приходили, и кадрель и плясали.

В общем, ребята встают, берут девок, и там уже один командует, а остальные... ну не знаю, раньше было как-то... А теперь видишь, всё за

деньги, всё везде. Не все-то богаты, кто-то может, а у кого-то и бедно есть, так что да.

[а / нап'р'им'эр / т'анцы н'икак'их н'э танцэва́ла // кадр'эл' // у нас кадр'эл' была / кадр'эл' // там ско́л'ко пар фстайо́т / што и вот там / там од'ин кома́ндуйэт // у нас кадр'эл' з'д'эс' / а што д'э́тко там из-за гор'иц / у н'их л'э́нца пл'ас'ал'и / а у нас кадр'эл' / а у н'их л'э́нца //

а чэм отл'ичайу́цца //

ну у н'их соф'с'эм ужэ́ друга́йа пл'аска / но то́жэ там кома́ндуйэт // а по́сл'э как э́ту там прокома́ндуйэт / там про'играйэ́т / тут ужэ́ д'эфк'и пл'ашут по пар'э / по дво́йэ хо́д'ат // а пото́м ужэ́ ку́жл'айут / э́тот ну ску́жл'айут нас / ску́жл'айут ужэ́ / ко́гда э́тот тут пото́м // там э́тот пар'э́н' выхо́д'ит / пл'ашэ́т / а д'эфка выхо́д'ит / т'иб'а́ / ко́гда с п'э́с'н'ам'и / пар'э́н' п'э́сн'и пойо́т / вот и ф'с'э э́т'и / а так // ну ра́ншэ́ было́ / йа ду́майу / чо́-то в'э́с'эл'эй / лу́тшэ́ / чэм с'э́час // на гу́л'анк'и хо́д'ил'и / было́ в'э́с'э́ло // пр'ид'о́ш с рабо́ты / устан'эш / хо́спод'и // и ду́майэш / н'э по́йду с'э́водн'а // пошл'и // кр'ича́т // э́х / созы́ф'а и поб'э́жал // ра́ншэ́ э́тот чо́-то в'э́с'эл'эй / а т'эп'эр' / н'э зна́йу //

ну у нас / вот у м'ин'а до́м э́то / э́тот / у м'ин'а ш'ш'асо́в'э́нк'и // у нас была́ часо́в'э́нка та́ка́йа // ну как т'иб'э́ сказа́т' / ну ра́ншэ́ ф'це́ркв'и был'и // э́то от це́рквы э́то была́ часо́в'э́нка // пото́м она́ э́то была́ там э́то как скла́т / как кл'адо́вайа // з'э́рно́ там хра́н'ил'и // и вот на э́той часо́в'э́нк'э ка́ждый д'э́н' до тр'ох но́чи / а у нас д'эр'э́вн'а была́ со́рок п'ат' домо́ф / и ка́ждый д'э́н' до тр'ох но́чи пл'аска́ / гу́л'анка́ / гармо́шка сво́йа // наро́ду мно́го / была́ гу́л'анка́ / так што //

ну ра́ншэ́ в'э́т' гу́л'ал'и / б'э́с'э́ды д'э́лал'и // вот тут д'эфк'и / вот пр'им'э́рно у вас в д'эр'э́вн'э пу́ст' хот' тро́йа / знач'и́т / э́ту б'э́с'э́ду ты д'э́лайэш / пото́м фтора́йа / пото́м тр'э́т'я́а там // то э́тот в д'эр'э́вн'ах / там п'и́шут за́п'и́ску / пла́х'инска́йа мо́лод'о́ш // то йэ́с' борбу́шы́нска́йа мо́лод'о́ш / пр'и́глаша́йэт вас на б'э́с'э́ду пла́х'инска́йа мо́лод'о́ш / вот ф тако́й-то д'э́н' // и вот ф'с'э́ и пр'ихо́д'ил'и / и кадр'эл' и пл'асал'и //

в о́пшэм / р'э́б'а́та фстайу́т / б'э́ру́т д'э́вок / и там ужэ́ од'и́н ко́ма́ндуйэт / а оста́л'ныйэ́ // ну н'э зна́йу / ра́ншэ́ было́ ка́к-то // а т'эп'эр' в'и́д'иш / ф'с'о́ за д'э́н'г'и / ф'с'о́ в'э́з'д'э́ // н'э ф'с'э́-то бо́гаты́ / кто́-то мо́жэт / а у ково́-то и б'э́дно́ йэ́с' / так што да]

ПРИМЕЧАНИЯ

Вза́муж – замуж [СВГ, 1: 68].

Дозна́ть (прост. или устар.) – узнавать наверное, разузнавать [БАС, 3: 898]

Зна́ть – уметь колдовать, ворожить, быть знахарем, колдуном [СРНГ 11: 311].

Зна́то́к – знахарь, колдун [СРНГ 11: 311]

Кужлять – возможно, кружить, ср.: *кужлявый* «кудрявый, раскидистый, встывистый, др.» [СВГ, 4: 13].

Лесовой – одичавший в лесу; нелюдимый [СВГ, 4: 37].

Настояще – должным образом, как нужно, по-настоящему [СВГ, 5: 75].

Обрывать – окучивать (картофель) [СРНГ, 22: 218]

Откупить – купить с целью отдать долг, ср.: *откупить* «взять в наём» [СВГ, 6: 92].

Сезод – в этом году [СВГ, 9: 114].

Съехать – приехать [СВГ, 10: 175].

Тетюнькаться – возиться, заниматься; ср. *тетенькаться* ‘ухаживать, присматривать за детьми, нянчиться’ [СВГ, 11: 21].

§ 4. НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ШАБРОВ

Николай Павлович Шабров – самый «юный» из наших информантов. Он родился в деревне Борбушино Кирилловского района 11 апреля 1938 года, после десятилетки закончил Сасовское летное училище в Рязанской области и более двадцати лет провёл в российском небе: летал командиром корабля в Вологодском авиаотряде, был пилотом-инструктором, обучал лётному мастерству многих молодых пилотов. После выхода на пенсию Николай Павлович много времени и сил отдал родной деревне: отремонтировал родительский дом, привел в порядок земельный участок, развел пасеку, посадил на краю деревни небольшую сосновую рощу. Он всегда рад гостям, особенно студентам-диалектологам, с которыми охотно беседует об истории родной деревни, о крестьянском труде, о событиях в жизни своей семьи и о нюансах своей профессии.

Мы надеемся, что ещё долгие годы гостеприимный дом Николая Павловича будет открыт для нас, а хозяин раскроет перед нами ещё не известные страницы истории родной земли. По просьбе родных и друзей накануне одного из своих юбилеев Николай Павлович взялся за перо. Здесь мы публикуем семь небольших его рассказов, посвященных истории родной семьи и родной деревни.

1. Дмитрий Петрович Татауров

Мой прадед по матери, Татауров Пётр Михайлович, умер в возрасте 92 лет приблизительно в 1947 году. У него было три сына. Как жили Николай и Алексей, нетрудно узнать из архивных данных, а вот о сыне Дмитрие были самые загадочные сведения. Он очень редко бывал у отца в деревне, по словам родственников, не был женат и служил у какого-то

князя камердинером. Известно, что он приезжал на крестины моей матери (примерно, в 1911–1912 гг.), подарил ей золотой крестик, который она не сохранила. Последний раз его видели в родной деревне накануне отъезда князя за границу: Дмитрий приезжал поздно ночью и очень быстро уехал, чтобы никто его приезд не видел. Потом было письмо. Его кто-то привёз так же поздно ночью, никто даже не видел лица. В письме было написано, что Дмитрий живёт во Франции, занимается сельским хозяйством. Естественно, письмо тут же уничтожили, Пётр Михайлович и его сыновья, Николай и Алексей, хранили тайну о том, что у них есть сын и брат за границей. Достаточно было знать, что он жив.

Через много лет мы нашли в Интернете списки русских эмигрантов, которые нашли приют во Франции. Среди них был Татауров, того же времени и места рождения (1882 год, д. Дымково Новгородской губернии), что и наш родственник. Он служил камердинером у великого князя Николая Николаевича (младшего), эмигрировал с ним в Константинополь, жил в Италии, во Франции, в Приморских Альпах. Место и время кончины его неизвестно. Тот ли это человек, не знаю: в семье от Дмитрия Петровича осталась только его юношеская фотография начала XX века.

Дед умер ещё до моего рождения: его нашли мёртвым у дороги в снегу, когда лошадь пришла в деревню с пустыми розвальнями. Это был примерно 1931 год. Мать старалась не говорить о смерти отца. Прадед был крепкий крестьянин. В колхоз не вступал, облагался всякими налогами, подвергался всяческим унижениям. В начале 30-х годов его раскулачили и собирались выслать в Кировск вместе с моей бабушкой и её малолетними детьми, Валентиной и Дмитрием, на руках. Пожалел их семью капитан корабля в Горицах. Сказал: «Дед, поезжай обратно в деревню со своими бабами и ребятишками».

Прадеда в живых я уже не застал, а бабушку Анну Александровну ещё видел. Она называла меня «красное солнышко». С того времени, как пришли они из Гориц и увидели раззор и ненависть, случился с ней паралич ног. Жили они на то, что прадед был столяр, мастерил чунки и корзины, а тётка Валентина Алексеевна ходила их в Кириллов продавать. Собирали ягоды и грибы, в палисаднике обрабатывали небольшой клочок земли. Так и жили на том, что сплетёт и наработает прадед да вырастят бабы на клочке земли. Надо было жить!

2. О бабушке Парасковье Наумовне

Парасковья Наумовна Шаброва (Маслова) родилась около 1880 года в деревне Емишово Ферапонтовской волости. Родители её умерли рано: отец от потери крови после неудачного удаления зуба, мать – по неизвестным мне причинам. Старшая сестра Александра ушла в няньки, а за-

тем и Парасковья была взята куда-то в работницы. Как она познакомилась с Прокопием – этого я не знаю. Около 1900 года началась их самостоятельная жизнь. Прокопий служил срочную службу в Преображенском полку, а Парасковья одна поднимала семерых детей (двое из них, кажется, оба Ивана, умерли во младенчестве). Чтобы прокормиться, Парасковья корчевала пни. На Новочистках (это между Борбушином и Зыбошным) была полоска, где засеивалась рожь. Прокопий в это время служил на брандвахте старшим матросом.

Прожила Парасковья Наумовна долгую жизнь. Не брезговала никакой работой. Уже под старость ей была назначена колхозная пенсия – целых три рубля!

Мы, дети, в основном были на бабушкином попечении. Держала она нас в строгости. Над дверями была приложена вища, и если кто-то из малышей шалил, то тут же слышал суровое бабушкино предупреждение. При всей своей суровости бабушка была доброй. Она знала великое множество сказок. Я запомнил одну, про Верлиоку.

«На Новочистках, в Маленьком выгону, назрело много земляники. А землянику все любят: и дети, и взрослые, и собаки, и скотина, и Верлиока. Кто такой Верлиока? Да это хозяин леса, вроде медведя, а похож на человека, только большой, ростом с большую ёлку. У него две ноги, две руки, большая голова и огромный живот. На голове уши, рот, нос и один глаз посредине лба. А ест он всё, что найдёт в лесу. И дом у него есть в глухом месте, только этого дома никто не видал. Может, кто и видал, да только этих людей потом не находили. Видно их съедал Верлиока. Но мне моя бабушка рассказывала, что дом Верлиоки она всё же видела и сумела спастись. А дело было так.

Значит, на Новочистках назрело много земляники. И собрались ребята её собирать. Взяли корзиночки, каждый взял палочку, чтобы проверять, нет ли у земляники змей, и отправились. А моя бабушка, она тоже была маленькой девочкой, тоже пошла вместе с братом. Пришли в глухое место, увидели много ягод и разбегались все в разные стороны. Потом стали собираться, а бабушки моей нет. Поискали – не нашли, и пошли в деревню за помощью. А брат остался. Посмотрел вокруг себя, видит: лежит её палочка. «Палочка-палочка, – спрашивает, – а где Анюта?» А палочка и говорит: «Собирали мы ягоды, да вдруг появился лесной хозяин с огромным пестерём, схватил Анютку за курточку, посадил в пестерь, а сам говорит: «Вот теперь у меня еда на ужин есть». Девочка испугалась, меня – палочку – выронила. Вот упала я на землю и лежу. Хочу с тобой идти искать мою хозяйку».

Поднял мальчик палочку и пошёл по следам лесного хозяина. Идёт и видит: лежит сестрин поясок на дороге. Это, верно, сестрица бросила, чтобы её искать сподручнее. Взял он поясок, пошёл дальше по следам

Верлиоки. Видит: на земле в грязи лежит жёлудь. «Что ж ты тут валяешься, жёлудь?» – спрашивает братец. «Верлиока меня сорвал с ветки недозревшим, вот теперь я не стану деревцем, а просто помру». Взял мальчик жёлудь, обтёр, положил в карман и пошёл дальше сестрицу искать.

Долго ли, коротко ли, пришёл он к дому Верлиоки. Видит: дверь не заперта, девочка в пестере у двери стоит, печь топится. А Верлиоки нигде нет: за водой ушёл. Хотел было брат сестру с собой увести – вдруг зашумел лес: Верлиока идёт. Спрятался братец под крыльцо, палочка за пестерь, поясок под порог, а жёлудь спрятался в кашу, что стояла у окна на столе.

Зашёл в дом Верлиока, посмотрел в пестерь – там ли девочка, прошёл в горницу, сел к столу и только захотел каши зачерпнуть, как оттуда тоненький голосок раздаётся:

– Пик-тик-тик, пришли Верлиоку бить!

– Замолчи, каша, – говорит Верлиока, – вылью за окошко!

А из каши опять голос:

– Пик-тик-тик, пришли Верлиоку бить!

Рассердился Верлиока, выплеснул кашу, а жёлудь выскочил да прямо ему в лоб попал, да скатился со лба и уколол Верлиоку прямо в глаз. Заревел Верлиока, слеза у него пошла. Побегжал глаз промыть к ведру, да споткнулся о поясок, что лежал у порога, а палочка как стукнет его по носу! Упал Верлиока, опрокинул пестерь, в котором сидела девочка. Выскочила Анютка, братик её схватил, помчались они прочь от этого страшного Верлиоки. Хотел было тот за ними погнаться, да не тут-то было: жёлудь крепко засел у него в глазу.

А поясок и палочку дети не забыли, в деревню принесли и всем показывали, говорили, как те их выручили. Поясок и палочка очень гордились и долго с детьми жили. Пока не состарились».

3. О самолётах

На фронт осенью 1941 года отец улетал с Кирилловского аэродрома на самолёте ПО-2. Об этом рассказывала мать. И мне всё время хотелось посмотреть на такой самолёт. И вот когда я учился в Кирилловской средней школе, то не раз видел приземляющиеся и взлетающие ПО-2. Стоял часами на пригорке в километре от аэродрома, пытаюсь приблизиться к этим самолётам. Начальником аэродрома был в ту пору Павел Михайлович Николин. Он однажды, когда вёл авиакружок, привёл нас на лётное поле, но чтобы постоять рядом с ПО-2 – такого не бывало до начала учёбы в Сасове.

Не знаю, какие чувства испытывал отец, улетаая на фронт, какие мечты у него были в голове, но, может быть, желал он, чтобы сын научился управлять самолётом? А мне вдруг захотелось этого. Вот почему пошёл в авиакружок, вот почему часами глазел на приземляющиеся и взлетающие самолёты. И в Сасово пошёл, чтобы летать самому, а не быть лётчиком-наблюдателем, как учили в Красноборске. Это был тоже совет Павла Михайловича: он-то знал, на кого где учат!

В училище моё первое знакомство с ПО-2 было в карауле. Поставил разводящий меня на стоянке самолётов, указал маршрут, по которому я должен ходить, в случае нападения – стрелять из ружья. И вот четыре часа я охранял целых двадцать самолётов!

Учился я посредственно, хотя и очень старался: сказалоь сельское происхождение. А когда перешли на наземную подготовку, тут старания мои удвоились. Если посмотреть мою лётную книжку курсанта, то можно прочесть: вылетел я с минимальным временем и грубых ошибок не допускал. Инструктор Фёдор Павлович Орехов написал тогда о моих чувствах: «Выражает неестественную радость». Ну, как тут было не выражать, если в руках – управление таким чудом, как самолёт ПО-2!

Просандеевка – так назывался полевой аэродром, где мы проходили наземную подготовку, выполняли вывозные полёты, жили в палатках по лётным группам целое лето. Если в день доставалось налетать шесть или двенадцать минут, то это была огромная радость и удовлетворение на целые сутки! Бывали дни, что не летали, а помогали разворачиваться на рулёмке и на тормозах другим курсантам. Конечно, самолёт ЯК-12М был совершенно иной. Там уже были тормоза, и пилот мог сам зарулить, куда нужно. В Просандеевке каждый из нас налетал 65 часов 24 минуты (попробуй-ка набрать такое время, если вылетаешь всего на 6–12 минут в день!).

Осенью отпускали в отпуск на две недели, давали стипендию – восемьдесят рублей, кормили три раза в день... О чём можно было ещё мечтать? Первую благодарность я получил за баню: я её натопил так, как дома в деревне, нагрел столько воды, что командир эскадрильи поставил меня всем в пример. А потом он же закатил мне пять нарядов вне очереди: курсанты умудрялись воровать у меня ракеты, а я не уследил.

Сначала при полётах я не видел всей красоты земли. Была задача выполнить все элементы полёта, вовремя делать развороты, снижаться, не потерять аэродромные знаки, не заблудиться. Всего на ПО-2 я сделал 331 полёт. А на ЯК-12 уже 118 полётов, без особых эмоций.

15 сентября 1957 года я был зачислен в состав 71-го лётного отряда, базирующегося в г. Вологде (аэродром «Прилуки»). Имею общий налёт 17088 часов, из них больше всего на АН-2 (7000) и ЯК-40 (7800). Первый класс получил в 1978 году. Работал пилотом-инструктором, заочно окон-

чил Московский авиационный институт. Ушёл на пенсию по состоянию здоровья 2 августа 1985 года.

В Вологодском авиаотряде встретил свою судьбу, женился на Галине Васильевне Морозовой. Наш сын тоже пошёл в авиацию. Каждый из его 3600 часов в воздухе был одинаково сложен и опасен.

Не найдёшь ни одной книги, где эмоции от полёта были бы переданы точно: об этом стараются не говорить – получишь не один инфаркт! Часто приходила на ум мысль: «Как дожить до земли?» Страх не было, но и спокойствия за благополучное завершение полёта тоже не было: каждая минута могла стать последней! Но работали, зарабатывали себе на жизнь и думали, что наша работа не так уж плоха. А сын Павел ещё и падал на вертолёт в лес по причине потери пространственного положения. Удар, потеря сознания – очнулся, а по нему течёт керосин, и механик тащит его из кабины вертолёта наружу. Об этом он вряд ли кому захочет рассказывать. Жив – и слава тебе, Господи!

4. О дороге в Ферапонтово

Раньше в Ферапонтово ходили и ездили через перевал, который называли *серёдка*. Тропинки проходили из двух деревень: Борбушина и Быкова – и у самого перевала соединялись в одну. Ещё в раннем детстве я запомнил ту тропинку, что шла из Борбушина: по ней в Ферапонтово уходили мать и Александра Дмитриевна за пайком (хлебом или чем-нибудь ещё). И вот, движимые голодом, мы втроём: сестра Ольга, Нина Семёнова и я – отправлялись по этой тропинке к перевалу. Мы боялись леса и поэтому доходили только до опушки, сидели там и ждали, когда возвратятся матери. А когда дождёмся, получали по маленькому куску хлеба, который тут же жадно съедали. Матери заранее специально отрезали по кусочку каждому: знали, что дети придут их встречать.

Вот такие первые воспоминания о дороге в Ферапонтово. С сентября и до декабря и с апреля до июня наша дорога шла туда, в школу. Она начиналась у Глиняного отвода (там, старухи говорили, в далёкие времена стояла наша деревня, но потом, после эпидемии, жители ушли на новое место), до самого Загорья шла лесом, в котором пасли скот. Так что лесной дороги мы не боялись – людей в ту пору ходило много.

Лес был в основном лиственный по причине грандиозного пожара, случившегося в тех местах около 1906–1907 годов: все еловые и сосновые деревья сгорели, а на их месте выросли осина, ольха, берёза, черёмуха. Это сейчас гора Роскина одевается елью, вытесняя лиственные породы (сто лет требуется, чтобы выросли те деревья, что сгорели в огне лесного пожара). Но и сейчас кое-где видны острова черёмухи, выделяющиеся белыми пятнами в нарастающих массивах ельника.

Одному же ходить по этой дороге, хоть и знакомой с детства, было жутковато, но надо. Старался ходить засветло. Если же было темно, то ходили через Оденьево: той дорогой перелесок был меньше и дорога шла больше полями и лугами. Идёшь серёдкой, весь в ознобе, по сторонам оглядываешься! Но идёшь: надо домой, надо в школу! А как показался отвод у Загорья или Глиняный отвод (завор на перевале), страх пропадает, словно и не было никогда. Становится радостно: никто не напугал, волк не съел! А уж оставшиеся километры идёшь с хорошим настроением, уже забыл, что только что дрожал от страха на лесной дороге.

Вот так прошли три года учёбы в Ферапонтове. Те чувства, что терзали детскую душу на лесной дороге, не забыть никогда! Для смелости в руках всегда была палка. И это придавало силы, уверенности, что лес преодолею. Не знаю, какие чувства терзали взрослых, которые знали о том, что дети идут сейчас лесом одни по ночной дороге.

Зимой ходили через Оденьево. Но и там, как стемнеет, было жутко. Лезли в голову мысли, что нападут волки, съедят и оставят только ноги в катаниках, так как катаники труднее всего разгрызть. Зимой ходили обычно толпой. А потом опять приходила весна, было много солнца, и по дороге уже веселее было ходить.

5. О ловле кротов

Говорят, что крот полезен. В природе не бывает вредного. Для меня же крот был добычей. Шкурка его ценилась и шла на шубы и шапки. Но прежде чем получить шкурку крота, надо его изловить.

К ловле кротов меня привлекало то обстоятельство, что за шкурку давали белую муку. Отце лежал больной (с июля по май), был уже не председатель, можно сказать, а только числился, а за его спиной бухгалтер и заместитель делали свои чёрные дела по разрушению колхоза, отпускали всех работоспособных, кто только мог куда убежать.

Я изловил около 200 кротов, везде ставил кротоловки: и в полях, где их было великое множество, и в огороде, и на боровине у озёр. Мне надо было поймать крота, аккуратно разрезать шкурку по животу, вытащить тушку, выкинуть её собаке или кошкам. Дальше тушку растягивал на доске и сушил. Накопив таким образом около ста шкурок, я отправился в «Заготпушнину» г. Кириллова и на все эти шкурки получил десять килограммов белой муки.

Таким усталым и радостным я возвращался домой! Обрадовалась мать, а ещё больше отец: никогда я не слышал от него такой похвалы. Пусть этот мой маленький труд был скромнен, но радость от него, может быть, на несколько дней продлила моему отцу жизнь.

С наступлением осени добычу кротов пришлось прекратить. А со смертью отца прекратился и весь мой промысел. Мне было жалко кротов. А кротовки долго висели в сарае, пока его не сломали и не уничтожили многие хранившиеся в нём старые вещи. А главное – сожгли старые бумаги. Все документы о дедушке, об отце, о прочих членах семьи были безвозвратно потеряны. А иконы мать отдала жадным чужим людям, пообещавшим отнести их в музей. Осталась только икона Божьей Матери из Семипалатной крепости. Как выглядит сейчас эта икона, видел в последние мгновения жизни мой отец.

6. О речке Юзе

Мимо нашего дома течёт небольшой ручеёк, который весной разливается и превращается на короткое время в настоящую речку. Я называю её «речка Юза»: она юзит между холмиками, и не найти двадцати метров, чтобы речка куда-нибудь не повернула. Это теперь крохотный ручеёк, продолжение того ручья, что впадает в пруд, пересекает шоссе на дороге по трубе и берёт своё начало под горой у дороги на Плахино.

Вот вся вода, стекающая с водораздела Горы до границы местечка Заполица, что западней Сосновины, собирается в ручей, впадает в пруд, а из пруда мимо нашего дома речкой Юзой уходит ко Ступам в болото, а по канавам в болоте попадает в озеро Круглое, затем в «узкие» через бывшую когда-то мельничную плотину в Северодвинский канал и далее в Кубенское озеро. А поскольку речка течёт и текла мимо нашего дома, то это всегда было любимым местом моего детского времяпрепровождения. Это сейчас она похожа на ручеёк, а лет пятьдесят тому назад это был бурный поток, текущий по омутам. На каждом повороте реки – глубокие омуты, но самый глубокий – на Ступах. Там мы с ребятами купались всё лето, ловили шурят и карасей. Рыболовными снастями у нас были обыкновенные решёта, которыми сеяли муку. Если ребята куда-нибудь уходили без меня, то я шёл за дом на речку, чтобы бабушка видела меня из окна. Утонуть в этой речке было невозможно, так что она не беспокоилась. А для меня это была великая забава. И хотя каждый раз домой я приходил мокрый, с сырыми ногами, это не каралось вицей.

Омута заросли осокой, которая раньше каждый год выкашивалась, поэтому в реке не росли камыши – это сейчас их в болотах полно! Было в осоке раздолье для уток. На перекатах росла лилия. Но теперь изменился водный режим: воды стало меньше, река превратилась в слабый ручеёк. Но и сейчас она ласкает взгляд своей какой-то новизной, журчанием воды. В знак благодарности за счастливое детство я засадил небольшой участок её берега деревьями. Скоро они окрепнут, а нынче под ёлочками выросли уже 52 рыжика. Да ещё Людмила Алексеевна Коробейникова

посадила у ёлочек грибницу в надежде, что лет через десять там появится плантация белых грибов.

А на холмике у водопуска, что звенит днём и ночью весной, летом и осенью, лежит в земле Жучка – наш верный друг, любимица детей, незабвенный сторож нашего хозяйства. Земля тебе, Жучка, пухом! Слушай голос речки, как ты радовалась нашим голосам!

7. О пчёлах

Впервые пчёлы появились у нас в деревне Большое Дымково у Алексея Петровича Татаурова. Их случайно нашёл в лесу сын его Афанасий. Увидел пчёлку на цветке, проследил за её полётом. Рой оказался в трухлявой старой осине. Пришли мужики с топорами, с пилой и лестницей: отрубили сучья, добрались до дупла и закрыли его тряпком, сняли у ствола верхушку, привязали верёвку, отпилили дерево, отделили чурбак с роём от бревна и увезли его домой, в деревню.

Домика для пчёл в деревне не было. Афоня съездил к местному попу, который держал пчёл, раздобыл домик и выпросил нехитрый пчеловодный инвентарь. Колоду с роём поставил к летку домика и перегнал всех пчёл на новое место. Разобрали в дупле соты, а мёд скормили пчёлам через кормушки, чтобы семья не погибла от перемены жилья. Так появился у моих родственников рой, от которого впоследствии образовалось десять пчелосемей. Не знаю, когда они исчезли – наверное, при общем разорении хозяйства, после революции.

Второе пришествие пчёл было в 1990 году, когда мой сын Павле вдруг захотел стать пчеловодом: изучил пчелу от хоботка до яйцеклада, прошёл практику в «Тепличном» у пчеловодов Васи и Казбека, сдал экзамен в заочном техникуме и получил свидетельство дипломированного пчеловода. Мы купили две семьи у Шуры Фефиловой, но, так как опыт приходит со временем, через три года имели уже шесть пчелосемей. Но в это время подошёл срок ремонта старого дома. Пчёлы остались зимовать на улице и почти все погибли.

Третье пришествие было спустя четыре года: купили пчелопакет, но неудачно, с плохой маткой.

И вот четвёртый раз появились пчёлы прошлым летом. Сами прилетели где-то около первого июля. Что-то летом наносили, потом я их подкормил, дал примерно четыре килограмма мёда с сахаром. Пока, кажется, зимуют нормально. Вот сегодня поеду и посмотрю, как они себя чувствуют.

ПРИМЕЧАНИЯ

Боровина – сосновый лес, растущий на сухом возвышенном месте, бор [СВГ, 1: 40].

Ви́ца – гибкий прут, ветка [СВГ, 1: 73].

Заво́р – разборное звено изгороди из свободно вынимающихся жердей, служащее воротами [СВГ, 2: 103].

Ка́таник – валенок [ВС: 107].

О́твод – ворота из жердей или тёса при въезде в деревню, в полевой изгороди, в изгороди, которой обнесена усадьба [СВГ, 6: 86].

Песте́рь – большая плетёная заплечная корзина для переноски тяжестей (сена, соломы, мха, травы) [СВГ, 7: 49].

Тряпо́к – ветхая, изношенная одежда; лоскут ткани; тряпка; др. [СВГ, 11: 68].

Чу́нки – небольшие сани, санки [СВГ, 12: 54].

Юзи́ть – беспокойно двигаться, ёрзать; сползать, соскальзывать, ср.: *юзгать*, *юзгаться* [СВГ, 12: 124].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Записи речи информантов, представленные в монографии, достаточно близки в жанрово-тематическом плане. Это рассказы о природе, о крестьянском труде, воспоминания о ярких событиях в своей биографии и в жизни родной деревни. Вместе с тем каждый из рассказчиков проявляет себя по-разному. В беседах с Аполлинарией Виссарионовной Харитоновой наряду с обстоятельностью описания рыболовецкого промысла на Русском Севере ярко проявляется народный юмор, оптимистическое отношение к жизненным трудностям, активная жизненная позиция. В рассказах Анны Алексеевны Шабровой и Нины Арсентьевны Исаковой весьма ярко и полно отразились явления духовной культуры, самобытное сочетание идей народного православия с представлениями народной демонологии. Речь Николая Павловича Шаброва содержит весьма эмоциональную оценку событий прошлого: это воспоминания о реке, о собаке, о ловле кротов, о детских играх и о многом другом. В целом на фоне сглаживания фонетико-грамматических особенностей диалектной речи обнаруживается высокая активность употребления информантами диалектной лексики. Она помогает нашим собеседникам сохранить в памяти фрагменты прошлого, воссоздать значимые для них явления мира природы, реконструировать систему организации труда, отразить важные аспекты социальных отношений.

Проект «Народная речь Вологодского края» открывает перед читателем мир самобытной крестьянской культуры. В основе этой культуры – существование человека в гармонии с природой, с людьми и с самим собой: «Хорошую жизнь пронизывает *лад*, настрой, ритм, последовательность в разнообразии. Такой жизни присущи органичная взаимосвязь всех явлений, естественное вытекание одного из другого» (В.И. Белов).

«Лад» крестьянской жизни находит своё отражение в речи. Для всего, что имеет смысл, существуют слова. Для горожанина удивительно, например, множество народных названий дождливой погоды: *морось, морозга, непогодь, погода, падера* и др. Для крестьянина в этом, наоборот, ничего удивительного: жизнь и благополучие его семьи зависели от того, какова погода во время сбора урожая, *вёдро* стоит или *ненастье*.

В книге записаны воспоминания наших старших современников о тяжёлом времени колхозного строительства и о технических чудесах времён индустриализации, трудностях и победах послевоенного вре-

мени, о радостях и обидах последних десятилетий, когда практически на глазах опустели сотни вологодских деревень. Эти деревни продолжают жить в слове: в именах односельчан, в названиях пашен и лесов, в рассказах о жизни той самой деревни, которой уже может не быть на географической карте, но которая продолжает существовать в народной памяти.

Изучение народной речи жителей Вологодского края ждёт своего продолжения. В настоящее время сложился значительный по объёму архив записей речи жителей Сямженского и Вытегорского районов (архив записей Л.Ю. Зориной), Шекснинского района (архив записей Е.П. Андреевой), в Вологодском государственном педагогическом университете выполнена серия выпускных квалификационных работ, посвящённых анализу говора одной деревни и описанию диалектной языковой личности. Все это вселяет надежду на продолжение серии «Народная речь Вологодского края», издания которой направлены не только на решение научных задач, но и на привлечение внимания к проблеме изучения народной речевой культуры, сохранения лингвистического своеобразия родного края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Аванесов Р.И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). М., 1965. С. 26–42.
- Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.
- Антипов А.Г. Словообразовательная морфонология русских говоров. Кемерово, 1997.
- Антипов А.Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе. Кемерово, 2001.
- Араева Л.А. Словообразовательные типы имен существительных в системе говора. Томск, 1981.
- Араева Л.А. Словообразовательный тип как семантическая микосистема. М., 1994.
- Башенькин А.Н. Новые аспекты славянского освоения Европейского Севера по археологическим источникам V–XIII вв // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 12–21.
- Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Бувальцева Н.М. Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории: Автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук. М., 1955.
- Вендина Т.И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
- Вологодское словечко: школьный словарь вологодских говоров. Вологда, 2011.
- Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.
- Вяткина М.В. Полисемия словообразовательной формы. Кемерово, 2004.
- Галинова Н.В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями 'гнуть', 'вертеть', 'вить' в говорах Русского Севера. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
- Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
- Герд А.С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 6–10. СПб., 1995–2002.
- Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
- Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- Горшкова К.В. Развитие вокализма в Белозерских говорах Вологодской области // Филологические науки, 1958. № 4. С. 75–83.
- Гудкова С.Н. Глагольные словообразовательные типы в системе одного говора. Томск, 1983.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978.
- Диалектологический атлас русского языка. Вып. I–III. М., 1986. (ДАРЯ)
- Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

Евдокимова Е.А. Отглагольные словообразовательные субстантивы в средне-обских говорах: опыт системно-функционального описания. Кемерово, 1997.

Завалишина А.И. Словопроизводство глаголов в говоре с. Михайловки Залесовского р-на Орловской обл. Дисс ... канд. филол. наук. Орел, 1981.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.

Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах. Вологда, 2014.

Иванова Л.В. Структурно-семантическая типология глаголов (на материале говора с. Татишево Переволоцкого р-на Оренбургской обл.). Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1972.

Ильина Е.Н. Морфемика диалектного глагола. Вологда, 2012.

Ильина Е.Н., Крылова А.Б., Никифоров О.Ю. Диалектный словарь строения слов // Свидетельство Роспатента о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2013611057.

Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Катышев П.А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Кемерово, 2001.

Кодзасов С. В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.

Кузнецова А.М. О гиперкорректных формах в области произношения согласных в русских говорах // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Лебедев Г.С. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны. СПб., 2001. С. 31–58.

Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск. СПб., 2005. (ЛАРНГ)

Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1987.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. М., 1997.

Методические рекомендации по сбору, классификации и анализу производной лексики говоров. Кемерово, 1990.

Михова Н.Г. Говоры Кирилловского района Вологодской области (фонетический аспект). Череповец, 2006.

Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1961.

Новикова Л.Н. О соотношении словообразовательных категорий и семантических групп лексики в тверских говорах // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов международной конференции 23–25 октября 2006 г. М., 2006. С. 140–141.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Оглезнева Е.А. Номинативное поле производного имени существительного конкретной семантики в русских говорах Приамурья. Томск, 1996.

Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря. Томск, 1982.

Орлова В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

Павленко П.А. О словах с приставкой *воз-* в русских народных говорах // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974. С. 135–145.

Паителеева Е.М. Характер словообразовательных связей слов внутри словообразовательного гнезда // Материалы по грамматике и словообразованию говоров. Красноярск, 1976.

Пантелеева Е.М., Яценецкая М.Н. Вопросы диалектного словообразования в Сибири // Диалектное словообразование. Очерки и материалы. Томск, 1979. С. 6–21.

Порохова О. Г. К истории изучения словообразования в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров. М., Л., 1966. С. 126–150.

Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996.

Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная языковая картина мира как идиотический фсеномен // Вопросы языкознания. 1994. №6. С. 25–48.

Разнообразие ландшафтов национального парка «Русский Север». Вологда, 2007.

Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005.

Седых В.Н. Археология и древняя история Ярославско-Костромского Поволжья // Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны. СПб., 2001. С. 419–435.

Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007. (СВГ)

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1–2. СПб., 2003–2005.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005 (СРГК).

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–35. М., СПб., 1965–2002. (СРНГ).

Соколова А.А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб., 2007.

Сологуб А.И. Об эволюции новгородского диалекта // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Материалы к межвузовской научной конференции. Череповец, 1970.

Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник императорского Русского географического общества. Ч. I. Кн. I. СПб., 1981.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка.: Т. 1–2. М., 1990.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.

Чайкина Ю.И. О традиционных прозвищах в Белозерье // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1969. № 3. С. 104–109.

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3–187.

Чайкина Ю.И. Очерки по лексике севернорусских говоров // Вопросы истории и лексики Белозерья. Вологда, 1975. С. 3–187.

Чайкина Ю.И. Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси // Вопросы языкознания. 1976. № 2.

Чайкина Ю.И. О субстратных топонимах с формантом *-зумь* (*-зумезь*) в Белозерье // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. С. 119–124.

Чайкина Ю.И. О диалектном членении старорусского языка по данным антропонимии // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка. Ужгород, 1984.

Чайкина Ю.И. Памятники деловой письменности русского Севера XVII – XVIII вв. Вологда, 1986.

Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. Архангельск, 1988.

Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: этимологический словарь. Вологда, 1995.

Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005.

Чайкина Ю.И., Новосёлова О.Н. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Пробные словарные статьи // Русская региональная лексикология и лексикография. Вологда, 1999. С. 12–30.

Чайкина Ю.И., Смольников С.Н. История русских личных имен, отчеств и фамилий: Материалы в помощь учителю. Вологда, 2001.

Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола. СПб., 2003.

Шаброва Е.Н. Производные глаголы в русских говорах. Вологда, 1998.

Шелепова Л.И. Особенности словообразовательной системы говоров и этимология // Историческое и диалектное словообразование Алтая. Барнаул, 1985. С. 157–167.

Яцкевич Л.Г. Словарь со связанными основами: Словарь-справочник. Вологда, 2006.

А.А. Шаброва, А.В. Харитонова и Н.П. Шабров в окружении родственников, д. Борбушино, 1997 г.

Н.А. Исакова, жительница д. Плахино, 2013 г.

